

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Большие буквы (ЭКСМО)

Эдуард Асадов

Полное собрание стихотворений

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Асадов Э. А.

Полное собрание стихотворений / Э. А. Асадов — «Эксмо»,
2021 — (Большие буквы (Эксмо))

ISBN 978-5-04-118461-2

Любое из стихотворений Эдуарда Асадова – торжество смелых и благородных чувств, борьба за бескомпромиссную, трепетную и чистую любовь. Книга представляет собой полное собрание стихотворений, уже более полувека любимых читателями.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-04-118461-2

© Асадов Э. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Стихотворения	9
«Я так хочу стихи свои писать...»	9
Армянская песня	10
«Люблю я с откоса весенней порой...»	12
В тайге	13
Белинский	15
Летний поход	17
Трудная роль	19
Жар-птица	21
Ревность	23
Весна в лесу	24
После дождя	25
Традиционный вечер	26
Лыжник	27
Любовь	28
Прогулка	29
Снежный вечер	31
«Рыжик»	33
«Женщина сказала мне однажды...»	35
«Она была так хороша собой...»	37
Ручей	38
Сердце	40
Стихи о гордой красоте	41
Доверчивый супруг	43
Песня-тост	44
Хорошие люди	46
Разрыв	48
Попутчица	50
Телефонный звонок	52
Апрель	53
Дорожная встреча	55
Твой подарок	58
Звезды служат влюбленным	61
Обидная любовь	62
«Ты грустишь и, косу беребя...»	64
Девушка	65
Письмо любимой	66
Одна	68
Первый поцелуй	69
Пылкая душа	71
Стихи об одной любви	72
Разговор с другом	75
Таежный родник	77
Третий лишний	79
За счастьем!	81
О брани	82

Будьте счастливы, мечтатели	84
Строгие сторожа	87
Ненужные споры	89
Советчики	91
Зимняя сказка	92
Падает снег	94
Персональный вопрос	96
Сердитый критик	98
Спокойной ночи	100
Одно письмо	102
Я провожу тебя	103
«Все как будто сделал славно я...»	105
Я с вами всегда, товарищи!	107
Остров романтики	110
Юбиляр	112
Сердечная история	114
Вторая любовь	116
Спор	118
Моя любовь	120
«Мне не надо высокой фразы...»	121
«Когда мне встречается в людях дурное...»	122
Золотая кровь	124
«Был у меня соперник, неглупый был и красивый...»	125
«Живу беспокойно, словно бегом...»	127
Романтики дальних дорог	129
Раздумье о сердцах	131
Разговор о лжецах	133
Два маршрута	135
Мещанство	136
«Забыв покой, дела и развлечения...»	138
Любовь и трусость	139
Лесная сказка	141
Стихи, не претендующие на ученый трактат	143
Добрый принц	145
Литературные споры	147
Ночные огни	149
Важные минуты	151
«Я мелкой злости в жизни не испытывал...»	153
Артисты	154
Разные свойства	155
Отцы и дети	156
«Дорожите счастьем, дорожите...»	159
Он настоящим другом был	161
Худшая измена	163
Оттепель	165
Твой голос	166
Приметы	167
Шаганэ	170
Карнавал	173

В троллейбусе	175
«Реалист»	177
Пустые слова	179
«Раскрепощение»	181
Стихи о несбывшейся встрече	184
Нечестный бой	186
Красота народа	188
Стихи о дружбе	191
«Как смешно мы пытаемся склеить счастье...»	193
Всегда в бою	194
Слово к мужчинам	196
Вечная красота	198
О скверном и святом	201
Неравенство	203
Праздничный день	205
О том, чего терять нельзя	206
Весенняя песня	208
Главная встреча	210
«Микрофонные» голоса	211
Счастливый человек	213
Высота	214
«И что же это в людях за черта...»	215
24 декабря	217
Клейкие руки	219
За десять минут до свидания	221
Раздумье о подлецах	223
«Ах, как все относительно в мире этом...»	225
Клеветники	226
Лебединая песня	228
Дайте спокойствие человеку!	230
Церковь в Переделкине	232
Роза друга	234
«Когда порой влюбляется поэт...»	237
Цвета чувств	239
В кафе	240
Слово о любви	242
Литературным недругам моим	244
Самое прочное на Земле	246
Дружеский совет	247
Оценка любви	248
О смысле жизни	249
Итог	251
Женский секрет	252
Кольца и руки	254
Статистика души	256
Веронике Тушиновой и Александру Яшину	257
«Ничья»	259
«Эх, жить бы мне долго-долго...»	261
«Нужные люди»	262

Виновники	264
О славе Родины	265
Осенний разговор	267
Озорные строки	269
Разные мерки	270
Той, которая любит верно!	272
Круговорот природы	274
О трескучей поэзии	275
Позднее счастье	276
«Адам» и «Ева»	278
Электрокардиограмма	280
Две красоты	282
«Доброе царство»	284
Нытики и зануды	286
«Ах, как же я в детстве любил поезда...»	287
«Распростилась, и все. Никаких вестей...»	289
Старый «газик»	290
О романтике	292
Двадцатый век	293
Именем совести	295
Воспоминания	297
Звезды живут, как люди	299
Конец ознакомительного фрагмента.	300

Эдуард Аркадьевич Асадов

Полное собрание стихотворений

© Асадов Э.А., наследник, 2021

© Быков Д.Л., статья, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Стихотворения

«Я так хочу стихи свои писать...»

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб каждой строчкой двигать жизнь вперед.
Такая песня будет побеждать,
Такую песню примет мой народ!

Пускай трудна порою крутизна,
Но там, где люди солнце обретут,
Быть может, песню и мою споют,
И в чем-то сердце задрожит струна.

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб, взяв их в новый, незнакомый век,
Читатель мог уверенно сказать:
«Недаром прожил в мире человек!»

И там, у завершения крутизны,
Сквозь яркий день и сквозь ночную тьму
Вплетая голос в гул моей страны,
Я так скажу потомку своему:

«Ты слышишь этот песенный прибой,
Ты видишь счастьем залитую ширь—
Храни же свято этот светлый мир,
Что добыт был великою ценой!»

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб этот миг приблизить хоть на час.
Они прекрасны, замыслы, у нас!
И наши песни будут побеждать!

1947

Армянская песня

Бодро иду я дорогой своей,
В сердце моем ни тоски, ни тревоги.
Девушка чистая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Мы повстречались на самой горе,
Сакля стоит у фруктового сада.
Сладки и сочны плоды в сентябре,
Гнется под гроздью лоза винограда.

Девушка имени мне не сказала,
Взгляд ее синим лучом пробежал.
Счастья и друга в пути пожелала,
Смех ее в сердце моем задрожал.

Снова пошел я дорогой своей,
Нет на душе ни тоски, ни тревоги.
Девушка звонкая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Только вдруг что-то случилось в пути:
Руки вдоль тела повисли без силы,
Стало мне жарко и трудно идти,
Путь показался далеким, унылым...

Нежно защелкал в кустах соловей,
Солнце спускалось, в горах пламенея,
Только у девушки голос нежней,
Только у девушки губы краснее.

Что же вы, сильные, крепкие ноги?!
Надо шагать нам дорогой своей:
Девушка быстрая, словно ручей,
Нам пожелала счастливой дороги.

Я постоял и обратно пошел.
Сердце тревога неясная гложет.
Что потерял я и что я нашел?
Кто мне ответить на это поможет?

Я воротник распахнул на груди,
Душный, хмельной надвигается вечер.
Белая сакля стоит впереди,
Кто-то спускается быстро навстречу...

Люди, прислушайтесь к песне моей —
Лучше остаться сидеть на пороге,
Если вам скажет «счастливой дороги»
Девушка нежная, словно ручей!

1946

«Люблю я с откоса весенней порой...»

Люблю я с откоса весенней порой,
Раздевшись, в студеную воду нырнуть,
Обдаст тебя сразу огонь ледяной,
От холода трудно сначала вздохнуть.

Потом ты плывешь, рассекая руками
Воды и зари многоцветное пламя,
Но так проберет леденящий поток,
Что пробкой летишь на прибрежный песок.

Мне холод такой не мешает ничуть,
Он бодрость и радость вливает мне в грудь,
Он утренней песнею в сердце звенит,
Он сил прибавляет, он кровь горячит.

Люблю я ядреный январский мороз
С холодным сверканьем синеющих льдов,
С лыжней, по которой летишь под откос,
Обрывками песен пугая клестов.

Что холод и что мне лихая зима,
Коль можно хрустальную свежесть вдохнуть?
Не кровь в моих жилах, а юность сама,
Рассвет загорелся, скорее же в путь!

Но все же мороз и меня леденит,
Едва лишь свидания час настает,
Глаза твои – лед, и душа твоя – лед,
И каждая фраза, как льдинка, звенит.

Зачем же тогда я про нежность пою?
Затем, чтоб помочь пробудиться весне,
Разбить скорлупу ледяную твою,
Согреться, а нет, так сгореть на огне.

Когда б я не верил всем сердцем в твой пыл,
Чудачка, неужто б тебя я любил?!
Сказал и почувствовал: кажется, лгу.
Пусть лед! Все равно разлюбить не смогу!

1947

В тайге

В светлом инее березы.
Злы в Сибири холода!
Речка скрылась от мороза
Под тяжелый панцирь льда.

Кедры в белых рукавицах
Молчаливо-высоки...
Жадно нюхает лисица
Деревенские дымки.

На сугробах птичий росчерк,
Ель припудрена снежком,
Дятел, греясь, как извозчик,
О крыло стучит крылом.

Завалил берлогу свежий
Снег. Мороз трещит окрест...
Спит в своей дохе медвежьей
Сам «хозяин» здешних мест.

Только белка-непоседа,
Глаз ореховый кося,
Мчит по веткам, для обеда
Шишку крепкую неся.

Ближний куст ударил громом...
Оборвав свой быстрый бег,
Белка светло-серым комом
Полетела в рыхлый снег.

Эхо в троекратной силе
Гулко ахнуло вокруг.
Кедры, вздрогнув, уронили
Рукавицы с длинных рук.

Человек скользит на лыжах,
Ручейками след бежит.
Средь лисиц пунцово-рыжих
Белка серая лежит.

Сумрак в лес ползет сторожко,
И на веточках осин
Льда стеклянные сережки
Загорелись под рубин.

Вновь от гула вострепнулся
Лес на целую версту,
Только лучше бы вернулся
Или просто промахнулся
Парень в эту красоту!

1947–1973

Белинский

Завидуем внукам и правнукам нашим.
В. Белинский

Мокрыми пальцами дождь барабанит по крыше,
Сумрак из комнаты свет вытесняет в окно,
Ветер озябшие ветки деревьев колышет,
В домике холодно, сыро, пустынно, темно...

Восемь шагов от окошка до ручки дивана,
Блеск лихорадочный из-под опущенных век...
Ходит по комнате, кутаясь в плед беспрестанно,
Нервной походкою бледный худой человек.

Черные души, тупые жестокие люди
Русь обирают, свободу зажали в тиски,
Грабят и молятся, мучают, властвуют, судят,
Пряча наживу под рясы, в ларцы, в кошельки.

Да, он обязан бичующим гневом излиться.
Да, он обязан, он верит в Россию, в народ!
Мысли, надежды... Кто рядом с ним? С кем
поделиться?
Маша... жена? Не поймет, ничего не поймет!

Надо работать, а сил остается немного,
Недуг сжимает своею костлявой рукой,
Злая нужда постоянно стоит у порога,
Просит долги и стучит деревянной клюкой.

Стекла заныли – промчалась лихая пролетка...
Вновь подошло... Точно заживо падаешь в гроб:
Кашель мучительный. Жуткая мерзость – чахотка,
Кровь на платке и в холодной испарине лоб...

Только неправда, не сдался он горю и бедам!
Вот он поднялся и, сунув платок свой в карман,
Резким движением вместе со скомканным пледом
Бросил усталость на ситцем обитый диван.

Вот он склонился и что-то торопится, пишет...
Свечка колеблется, ночь застилает окно...
Мокрыми пальцами дождь барабанит по крыше,
В домике холодно, сыро, пустынно, темно.

Нет больше ночи, нет времени, нет расстоянья,

В синих глазах его жаркий огонь отражен,
Вот он сидит, позабывши про боль и страдания,
Правый и гневный «неистовый Виссарион».

Видит он Родину в дальнем, немеркнущем свете, —
Нет, не бесправной, не темной, не рабской – иной.
Видит он Родину ту, что, пройдя сквозь столетье,
Знамя свободы победно взвила над собой!

1948–1976

Летний поход

Ветер поет и звенит над рекой,
Возле обрыва трещит камышами,
Сосны зелеными машут платками,
Небо надулось, как парус тугой.

Мы уплываем все дальше и дальше...
Шлюпки взлетают на зыбкой волне,
Тянется нить журавлей в вышине,
Справа темнеют еловые чащи.

Летний поход: полевые дорожки,
Яркого солнца и песен пора,
Время рыбалок, печеной картошки,
Время ночевок в лесу у костра.

Крепче на весла, друзья, налегайте,
Спят еще села в предутренний час,
Хочется крикнуть: «Проснитесь, вставайте!
Солнце над рощами брызнет сейчас!»

Сильные руки, упругие взмахи,
Волны кругами бегут к берегам.
Вон и рассвет в кумачовой рубахе,
Встав, по росистым шагает лугам.

Выйдем на берег, товарищ, и встанем
Возле обрыва над самой водой.
Встретим горячий поток золотой,
Руки друг другу в пожатье протянем.

Взглядом ты смело округу обшаришь:
Видишь, как речка под солнцем блестит?
Слышишь, как весело ветер звенит?
Вот она, молодость наша, товарищ!

Нам по земле еще много шагать,
Нам еще много учиться упорно,
Нам еще много рассветов встречать,
Много пропеть еще песен задорных.

Нам еще много работать с тобою,
Долгую жизнь надо славно прожить.
Если дружить – так уж верно дружить!
Если любить – так любить всей душою!

Что ж, нам, пожалуй, пора и назад.
Травы и листья росой сверкают.
Едем, товарищ, уж день наступает!
Вон и ребята из лодок кричат...

1949

Трудная роль

В плетеной корзине живые цветы.
Метель за морозным окном.
Я нынче в гостях у актерской четы
Сажу за накрытым столом.

Хозяин радушен: он поднял бокал
И весело смотрит на нас.
Он горд, ведь сегодня он в тысячный раз
В любимом спектакле сыграл.

Ему шестьдесят. Он слегка грузноват,
И сердце шалит иногда,
Но, черт побери, шестьдесят не закат!
И что для артиста года?

Нет, сердце ему не плохое дано:
Когда он на сцену вступает,
Лишь вспыхнет от счастья или гнева оно,
Пять сотен сердец замирает!

А радость не радость: она не полна,
Коль дома лишь гости вокруг,
Но рядом сидит молодая жена —
Его ученица и друг.

О, как же все жесты ее нежны.
Ее красота как приказ!
Он отдал бы все за улыбку жены,
За серые омуты глаз.

Все отдал бы, кладом кичась своим, —
Прекрасное кто же не любит!
Хоть возрастом, может, как дым, седым,
Брюзжаньем и чадом, всегда хмельным,
Он вечно в ней что-то губит...

Сегодня хозяин в ударе: он встал,
Дождлся, чтоб стих говорок,
И, жестом свободным пригубив бокал,
Стал звучно читать монолог.

Минута... И вот он — разгневанный мавр!
Платок в его черной ладони.
Гремит его голос то гулом литавр,
То в тяжких рыданиях тонет...

В неистовом взгляде страдальца – гроза!
Такого и камни не вынесут стога!
Я вижу, как вниз опуская глаза,
Бледнеет красивая Дездемона.

Но, слыша супруга ревнивые речи,
Зачем без вины побледнела жена?
Зачем? Ведь в трагедии не было встречи!
Зачем? Это знаем лишь я да она.

Я тоже участник! Я, кажется, нужен,
Хоть роли мне старый Шекспир не отвел.
Я был приглашен и усажен за стол,
Но «роль» у меня – не придумаешь хуже!

Ты хочешь игры? Я играю. Изволь!
И славно играю, не выдал ведь злости.
Но как тяжела мне нелепая роль
Приятеля в доме и честного гостя!

1949

Жар-птица

– Любовь? Ее нет между нами, —
Мне строго сказала она. —
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

Что ж, дружба – хорошее дело!
В ней силы не раз почерпнешь,
Но дружба имеет пределы,
А мне они – по сердцу нож!

Как жил я, что в сердце вплеталось,
Я все бы ей мог рассказать,
Когда бы она попыталась,
Когда б захотела понять.

Идя сквозь невзгоды и вьюги,
Не встретил я преданных глаз.
Случайные лгали подруги,
Я сам ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы.
Я знал: надо верить и ждать.
Не может так быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Когда же порой мне казалось,
Что к цели приблизился я,
Жар-птица, увы, превращалась
В простого, как хвощ, воробья.

Вспорхнув, воробьи улетали,
И снова я верил и ждал.
И все-таки вспыхнули дали!
И все-таки мир засиял!

И вот наконец золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Моя долгожданная, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут – бери и владей!

Жар-птица сверкнула глазами,
И строго сказала она:
– Любовь? Ее нет между нами.
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

1950

Ревность

Сдвинув брови, твердыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
В этот вечер под его ногами
Снег хрустит решительно и жестко.

Час назад в просторном зале клуба
Пестрый вихрь кружился, бушевал,
Пело сердце, рокотали трубы —
Был в разгаре молодежный бал.

Час назад он думал, что развеет
Подозрений горьковатый дым,
Час назад он верил, что владеет
Все еще сокровищем своим.

Но когда любимую увидел
С тем же длинным парнем в тюбетейке,
В сердце злые шевельнулись змейки,
Он смотрел, молчал и ненавидел.

На площадке лестницы пустой
Видел он, как обнял тот подругу.
Вот они придвинулись друг к другу,
Вот поцеловались раз, другой...

Нет, им даром это не пройдет!
Он отвергнут, только он не сдался.
Он им все итоги подведет,
Зря он, что ли, боксом занимался!

Потому суровыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
И не даром под его ногами
Снег хрустит так твердо и так жестко.

Только для чего готовить мщенье
И катать на скулах желваки?
Если сердце терпит поражение,
Разве тут помогут кулаки?!

1950

Весна в лесу

Дятлы морзянку стучат по стволам:
«Слушайте, слушайте! Новость встречайте!
С юга весна приближается к нам!
Кто еще дремлет? Вставайте, вставайте!»

Ветер тропинкой лесной пробежал,
Почки дыханьем своим пробуждая,
Снежные комья с деревьев сметая,
К озеру вышел и тут заплясал.

Лед затрещал, закачался упрямо,
Скрежет и треск прозвучал в тишине.
Ветер на озере, точно в окне,
С грохотом выставил зимнюю раму.

Солнце! Сегодня как будто их два.
Сила такая и яркость такая!
Скоро, проталины все заполняя,
Щеткой зеленой ползет трава.

Вот прилетели лесные питомцы,
Свист и возню на деревьях подняв.
Старые пни, шапки белые сняв,
Желтые лысины греют на солнце.

Сонный барсук из норы вылезает.
Солнце так солнце, мы рады – изволь!
Шубу тряхнул: не побила ли моль?
Кучки грибов просушить вынимает.

Близится время любви и разлук.
Все подгоняется: перья и волос.
Зяблик, лирически глядя вокруг,
Мягко откашлявшись, пробует голос.

Пеной черемух леса зацвели,
Пахнет настоем смолы и цветений,
А надо всем журавли, журавли...
Синее небо и ветер весенний!

1950

После дождя

Дождь весь день хлестал, бесился
Над опушкой, над полями.
К ночи вдруг устал, смирился,
Мирно зазвенел ручьями.

Ветерок промчал по сучьям,
Месяц встал над перелеском,
Рукавом широким туча
Звезды вытерла до блеска.

Тень легла от вербы гибкой,
Над водой камыш согнулся,
Через речку светлый, зыбкий
Лунный мостик протянулся...

Я не сплю, мне душно, жарко.
Может, ветер слишком ласков?
Может, звезды слишком ярки?
Может, мир в особых красках?

Я иду по мокрым травам,
Запах клеверный вдыхая,
Слева – месяц, речка – справа,
Впереди – поля без края.

Кто увидит – отшатнется:
Человек ума лишился,
Человек поет, смеется,
Человек с дороги сбился.

Ну и пусть себе гадает,
Отчего я в поле вышел.
Знаю я, а он не знает,
Я слышал, а он не слышал,

Как совсем еще недавно
В блеске звезд она стояла.
– Мой единственный, мой славный.
Я люблю тебя!.. – сказала.

1950

Традиционный вечер

Парень с синими глазами
Под моим окном стоит.
Парень теплыми словами
Мое сердце бережит...

– Вербы шепчут над рекою,
Ночь какая, посмотри!
Выходи, пойдем со мною,
Погуляем до зари.

Я б ответила, конечно:
Дескать, сам встречай зарю.
Но ведь это ж мой любимый,
Но ведь это мой сердечный...

– Ладно, выйду, – говорю.
Мы сидели над обрывом,
Месяц плыл наискосок,
Волны мягко, торопливо

Набегали на песок
Мой парнишка вдруг смутился,
Посерьезнел, замолчал,
Ближе сел, потом склонился
И меня поцеловал.
Я вскочила бы, конечно,
Рассердилась на него.
Но ведь это ж мой любимый,
Но ведь это мой сердечный...
Я смолчала, ничего.
В воскресенье он явился,
Постучался у ворот.
Весь, гляжу, принарядился,
Поманил к плетню и ждет.
Тут он, встав передо мною,
В пальцах ветку теребя,
Молвил: – Будь моей женою,
Не житье мне без тебя!
Я б ответила, конечно:
Мол, не к спеху... посмотрю.
Но ведь это ж мой любимый,
Но ведь это мой сердечный...
– Глупый, сватай! – говорю.

Лыжник

Лыжи звенят на упругом снегу,
Птицы, поднявшись, над просекой выются,
Елки, дубы позади остаются...
Ветер... Я следом за ветром бегу!

Галка вспорхнет или заяц проскачет,
Крикну я вслед им – и дальше, вперед!
Дремлют в снегу подмосковные дачи,
В небе озябшее солнце встает.

Вниз, под уклон, только ветер в ушах!
Холод и страх овладеть не сумеют
Тем, кто горячее сердце имеет,
Крепкие нервы и силу в руках.

Завтра учеба: конспекты, зачеты,
Все подготовить в положенный срок.
В будни поможет упорней работать
Славный морозный воскресный денек!

Поле, за полем заснеженный лес...
Сколько тут солнца, простора и ветра!
Гриву раскинув на полкилометра,
Мимо со свистом промчался экспресс.

Тени вокруг все длинней, все темнее,
Вечер на сучьях развесил закат.
Птицы смолкают. Пора и назад!
Снег вдоль оврага слегка голубеет.

Я не устал, я не мерзну в пути.
Ветер, я мог бы с тобой потягаться!
Мог бы еще хоть до полюса мчаться,
Только мне завтра вставать к девяти.

1951

Любовь

Известно всем: любовь не шутка,
Любовь – весенний стук сердец,
А жить, как ты, одним рассудком
Нелепо, глупо, наконец!

Иначе для чего мечты?
Зачем тропинки под луною?
К чему лоточницы весной
Влюбленным продают цветы?!

Когда бы не было любви,
То и в садах бродить не надо.
Пожалуй, даже соловьи
Ушли бы с горя на эстраду.

Зачем прогулки, тишина,
Коль не горит огонь во взгляде?
А бесполезная луна
Ржавела б на небесном складе.

Представь: никто не смог влюбиться
И люди стали крепче спать,
Плотнее кушать, реже бриться,
Стихи забросили читать...

Но нет, недаром есть луна
И звучный перебор гитары,
Не зря приходит к нам весна
И по садам гуляют пары.

Бросай сомнения свои!
Люби и верь. Чего же проще?
Не зря ночные соловьи
До хрипоты поют по рощам!

1951

Прогулка

Мы шли по росистой тропинке вдвоем
Под сосен приветственный шорох.
А дачный поселок – за домиком дом —
Сползал позади за пригорок.

До почты проселком четыре версты,
Там ждут меня письма, газеты.
– Отправимся вместе, – сказала мне ты
И тоже проснулась с рассветом.

Распластанный коршун кружил в вышине,
Тропинка меж сосен петляла
И, в речку сорвавшись, на той стороне
Вползала в кусты краснотала.

Смеялась ты, грустные мысли гоня.
Умолкнув, тревожно смотрела.
И, каюсь, я знал, что ты любишь меня,
Ты чувства скрывать не умела.

Цветущий шиповник заполнил овраг,
Туман по-над лугом стелился.
Любой убежденный ворчун-холостяк
В такое бы утро влюбился!

Я ж молод, и ты от меня в двух шагах —
Сердечна, проста и красива.
Ресницы такие, что тень на щеках.
Коса с золотистым отливом.

Трава клекотала в пьянящем соку,
Шумела, качаясь, пшеница.
«Любите!» – нам ветер шепнул на бегу.
«Любите!» – кричали синицы.

Да плохо ли вдруг, улыбнувшись, любя,
За плечи обнять дорогую.
И я полюбил бы, конечно, тебя,
Когда не любил бы другую.

Для чувств не годны никакие весы,
К другой мое сердце стремится.
Хоть нет у нее золотистой косы
И явно короче ресницы.

Да что объяснять! И, прогулку кляня,
Я пел, я шутил всю дорогу.
И было смешно тебе слушать меня
И больно, пожалуй, немного.

Тут все бесполезно: прогулка, весна,
Кусты и овражки с ручьями.
Прости, я другую любил, и она,
Незримая, шла между нами.

1954

Снежный вечер

Снег кружится пушистой каруселью,
За окнами проулка не видать.
Звонок в прихожей дрогнул резкой трелью,
И мать пошла, вздыхая, открывать.

Наверно, дочь пришла из института,
Сегодня зимней сессии конец.
Ведь знает, что волнуется отец
И мать считает каждую минуту.

А не спешит... Да где уж там спешить!
Завелся друг... Он всюду рядом с нею.
– Мне, мама, Петя должен позвонить.
Ты знаешь, папа, Петя был на Шпрее.

У Пети превосходный реферат,
Он лучший оформитель стенгазеты. —
Дверь хлопнула. Ну вот они, стоят,
Сияют, как две новые монеты.

– Взгляни, отец, уж за окошком ночь,
А им денек коротким показался. —
Парнишка вдруг смущенно затоптался,
И, вспыхнув, густо покраснела дочь.

Летел от щеток веер снежной пыли,
Но что случилось: радость иль беда?
Дочь вдруг сказала: – Папа, мы решили. —
А паренек добавил: – Навсегда!

Но кто бы смог все угадать заранее?
Родители застыли у стола.
Мать сливки на клеенку пролила,
А папа стал мешать в пустом стакане.

Они взглянули молча друг на дружку,
И каждый был немало удивлен.
Дремал лишь кот, свой скучный, длинный сон
Мотая на скрипучую катушку.

А у двоих сегодня – кровь ключом.
Кто сможет, кто заставит их расстаться?
И глупо ждать цветения акаций,
У них весна. И снег тут ни при чем!

Встал старый врач, пуская кольца дыма,
Взглянул на дочь пытливо сквозь очки.
Потом сказал: – Болезнь неизлечима. —
И улыбнулся: – Право, дурачки!

Стоят и ждут родительских укоров,
А оба и смешны и хороши.
И толку нет от скучных разговоров.
– Ну что же, мать, поздравим от души?!

Мать край косынки поднесла к глазам,
А парень молвил тихо, но упрямо:
– Мы все навек решили пополам. —
И в первый раз добавил: – Верьте, мама!

Метель швыряла колкий снег в лицо,
Под арками дворов стонала гулко,
А двое снова вышли на крыльцо
И вновь пошли бродить по переулкам.

Счастливые – им дома не сидится.
Влюбленные – их тьмой не запугать.
Идти им и дорог не разбирать,
Им говорить и не наговориться!

1955

«РЫЖИК»

У низенькой калитки
Судьба столкнула их.
Блестели солнца слитки
На травах молодых.

Два паренька молчали.
Ведь цель у них одна,
Одни у них печали:
Вот здесь живет она.

Та, что смеется звонко,
О ком их сердце мрет,
Глазастая девчонка —
Колхозный счетовод.

Двоим хоть поругаться,
И, право, как им быть:
Кому из них остаться,
Кому из них входить?

Один не даст подругу
Отбить. Высок, плечист.
Краса на всю округу —
Шофер и футболист.

Другой пониже ростом,
Но ладно, крепко сбит.
Себя он держит просто,
Да бойко говорит.

Дежурный с полустанка,
Фуражка – алый цвет.
Проснувшись спозаранку,
Он даже взял букет.

Большой букет сирени.
А может, зря и брал?
Но, потеряв терпенье,
Высокий вдруг сказал:

– Довольно зря топтаться,
Ждать больше нету сил!
Идем, пора дознаться,
Пусть скажет, кто ей мил.

Все выясним без злобы,
Без драки и без ссор. —
Так порешили оба
И двинулись во двор.

Горел закат над лугом...
Без тропок, целиной
«Краса на всю округу»
Уныло брел домой.

На сердце было тяжело:
Другой остался с ней.
В своей большой фуражке
Гриб рыжик. Ей-же-ей!

А покори́л подру́гу.
Но почему и как?
«Краса на всю округу»
С досадой сжал кулак.

Он шел по первоцветам,
Сердился и не знал,
Что «рыжик» был поэтом,
Он ей стихи читал.

1956

«Женщина сказала мне однажды...»

Женщина сказала мне однажды:

– Я тебя люблю за то, что ты
Не такой, как многие, не каждый,
А духовной полон красоты.

Ты прошел суровый путь солдата,
Не растратив внешнего огня.
Все, что для тебя сегодня свято,
То отныне свято для меня.

В думах, в сердце только ты один.
Не могу любить наполовину.
Мир велик, но в нем один мужчина,
Больше нету на земле мужчин.

Мне с тобою не страшны тревоги,
Дай мне руку! Я не подведу.
Сквозь невзгоды, по любой дороге
Хоть до звезд, счастливая, дойду!

...Годы гасли, снова загорались
Вешними зарницами в реке.
И слова хорошие остались
Легкой рябью где-то вдалеке.

И теперь я должен был узнать,
Что весь мир – курорты с магазинами
И что свет наш заселен мужчинами
Гуще, чем я мог предполагать.

А потом та женщина, в погоне
За улыбкой нового тепла,
Выдернула руку из ладони
И до звезд со мною не дошла...

Жизнь опять трудна, как у солдата.
Годы, вьюги, версты впереди...
Только верю все же, что когда-то
Встретится мне женщина в пути.

Из таких, что верности не губит,
Ни рубля не ищет, ни венца,
Кто, коли полюбит, то полюбит,
Только раз и только до конца.

Будет звездным глаз ее сияние,
И, невзгоды прошлого гоня,
В синий вечер нашего свидания
Мне она расскажет про меня.

– Как же ты всю жизнь мою измерила?
Ворожила? —
Улыбнется: – Нет,
Просто полюбила и поверила,
А для сердца – сердце не секрет!

И пойду я, тихий и торжественный,
Сквозь застывший тополиный строй.
Словно праздник, радостью расцветенный,
Не постылый вновь и не чужой.

И, развеяв боль, как горький пепел,
Так скажу я той, что разлюбила:
– Нынче в мире женщину я встретил,
Что меня для счастья воскресила!

1958

«Она была так хороша собой...»

Она была так хороша собой,
Что все мужчины с жаром каждый раз
Любой каприз, любой ее приказ
Бросались выполнять наперебой.

А время шло... Тускнел пожар волос.
Она ж не чтит никаких резонов.
И как-то раз, капризно сморщив нос,
Она сказала: — Я хочу пионов!

И вдруг удар: никто не встрепенулся,
На божество никто не поднял глаз.
И только муж пробормотал: — Сейчас. —
Пробормотал, а сам не шелохнулся...

Тогда ей было впору зарыдать.
Она была жалка в своих страданиях.
Как важно в жизни, помня о желаньях,
Возможностей своих не забывать!

1958

Ручей

Ручеек протекал меж упругих корней,
Над водою березы качали ветвями.
Много славных девчат и веселых парней
Из поселка ходило сюда вечерами.

Приходили, чтоб шорох берез услышать,
Чтоб сказать... Чтобы в самом заветном открыться.
В роще можно вдвоем до рассвета гулять,
А устав, у ручья посидеть и напиться.

Далеко, над лугами звенела гармонь,
Локон девичий в быстрой воде отражался.
Под тугую струю подставлялась ладонь,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

Люди, месяц, деревья – тут все заодно.
У ручья все влюбленные пары встречались.
Даже те, что женатыми были давно,
Здесь как будто бы снова друг в друга влюблялись.

Я любил. Но мечте черноглазой моей
Я, робея, сказать о любви не решался.
Я, встречаясь, молчал. Я краснел до ушей.
Но однажды, вдруг сам испугавшись, признался.

Я сказал, что не знаю ни ночи, ни дня,
Что брожу постоянно за нею по следу
И что, если она не полюбит меня,
Я умру или к тетке в Воронеж уеду.

– Взять плацкарт не забудь, – улыбнулась она.
И ушла по тропинке, а сумрак сгущался.
Я смотрел, как тоскливо вставала луна,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

Но однажды я вновь на свиданье пришел,
Я сказал ей: – Довольно шутить надо мною!
Не затем я без сна эти ночи провел,
Чтобы, сдавшись, опять примириться с судьбою.

Не хочу больше в сердце носить мою грусть,
Все ребята, наверно, смеются над нами. —
Я нашел ее губы... Рассердится? Пусть!
Но она обвила мою шею руками...

Звезды вспыхнули ярко тогда надо мной,
Я с любимой в ту ночь до рассвета прощался.
Удивленно березы шумели листвой,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

1960

Сердце

Милую люблю,
Я не играл с ней в прятки:
И сердце свое, и себя —
Все отдал ей без остатка.

Но хоть смущена была,
Недолго она колебалась:
Сердце мое взяла,
А от меня отказалась.

Видимо, лестно ей
Было, гордясь красою,
Сердце мое, как трофей,
Всюду носить с собою.

Пусть тешится! Ей невдомек,
Что тем себя и погубит.
Слишком опасен ток
В сердце, которое любит.

В холод груди ее
Тайный огонь пройдет,
Сразит ее сердце мое,
Всю, не шадя, сожжет.

Кружите, ветры, смеясь!
Твердите, что я чужак!
Но верю я – грянет час.
Но знаю я – будет так:

С глазами, полными слез,
Милую, всю в огне,
Сердце мое, как пес,
Назад приведет ко мне!

1960

Стихи о гордой красоте

Как неожиданного счастья вестник,
Ты стоишь на пороге мая,
Будто сотканная из песни,
И загадочная, и простая.

Я избалован счастьем мало.
Вот стою и боюсь шевелиться:
Вдруг мне все это только снится,
Дунет ветер... и ты – пропала?!

Ветер дунул, промчал над садом,
Только образ твой не пропал.
Ты шагнула, ты стала рядом
И чуть слышно спросила: «Ждал?»

Ждал? Тебе ли в том сомневаться!
Только ждал я не вечер, нет.
Ждал я десять, а может статься,
Все пятнадцать иль двадцать лет.

Потому и стою, бледнея,
И взволнованный и немой.
Парк нас манит густой аллеей,
Звезды кружат над головой...

Можно скрыться, уйти от света
К соснам, к морю, в хмельную дрожь.
Только ты не пойдешь на это,
И я рад, что ты не пойдешь.

Да и мне ни к чему такое,
Хоть святым и не рвусь прослыть.
Просто, встретив хоть раз большое,
Сам не станешь его дробить.

Чуть доносится шум прибоя,
Млечный Путь, как прозрачный дым...
Мы стоим на дороге двое,
Улыбаемся и молчим...

Пусть о грустном мы не сказали,
Но для нас и так не секрет,
Что для счастья мы опоздали,
Может статься, на много лет.

Можно все разгромить напасти.
Ради счастья – преграды в прах!
Только будет ли счастье – счастьем,
Коль на детских взойдет слезах?

Пусть иные сердца ракетой
Мчатся к цели сквозь боль и ложь.
Только ты не пойдешь на это,
И я горд, что ты не пойдешь!

Слышу ясно в душе сегодня
Звон победных фанфарных труб,
Хоть ни разу тебя не обнял
И твоих не коснулся губ.

Пусть пошутят друзья порою.
Пусть завидуют. В добрый час!
Я от них торжества не скрою,
Раз уж встретилось мне такое,
Что встречается только раз!

Ты не знаешь, какая сила
В этой гордой красе твоей!
Ты пришла, зажгла, окрылила,
Снова веру в меня вселила,
Чище сделала и светлей.

Ведь бывает, дорогой длинной,
Утомленный, забыв про сон,
Сквозь осоку и шум осинный
Ты идешь под комарный звон.

Но однажды ветви раздвинешь —
И, в ободранных сапогах,
На краю поляны застынешь
В солнце, в щебете и цветах.

Пусть цветов ты не станешь рвать,
А, до самых глубин взволнованный,
Потрясенный и зачарованный,
Долго так вот будешь стоять.

И потянет к лугам, к широтам,
Прямо к солнцу... И ты шагнешь!
Но теперь не пойдешь болотом,
Ни за что уже не пойдешь!

1960

Доверчивый супруг

Лет с десяток замужем пробыв,
Стали вы скучны и деловиты
И все чаще, ласку отстранив,
Цедите, зевая нарочито:

– Поцелуй? Ты прости, мой свет,
Если я иронии не скрою.
Только глупо в тридцать с лишним лет
Нам влюбленным подражать порою.

Может быть, я сердцем постарела,
Только я прохладна на любовь.
В тридцать уж не те душа и тело
И не та течет, пожалуй, кровь.

А супруг? Бывают же на свете
Чудаки, наивные, как дети!
Выслушав жену, не оскорбился,
А вздохнул, поверил и смирился.

А ему хоть раз бы приглядеться,
Как для большей нежности лица
Ультракосметические средства
Пробуются в доме без конца.

А ему бы взять да разобраться,
Так ли в доме все благополучно,
Если вы с ним, прежде неразлучны,
Очень полюбили расставаться?

А ему бы взять да усомниться,
Надо ль вечно гладить по головке?
А ему хоть раз бы возвратиться
Раньше срока из командировки!

И проверить: так ли уж прохладно
Без него у милой сердце бьется?..
И увидеть... Впрочем, хватит, ладно!
Он и сам, быть может, разберется!

1960

Песня-тост

Парень живет на шестом этаже.
Парень с работы вернулся уже,
Курит и книгу листает.
А на четвертом – девчонка живет,
Моем окошко и песни поет,
Все понежней выбирает.

Но парень один – это парень, и все.
Девчонка одна – девчонка, и все.
Обычные, неокрыленные.
А стоит им встретиться – счастье в глазах,
А вместе они – это радость и страх,
А вместе они – влюбленные!

«Влюбленный» не слово – фанфарный сигнал,
Весеннего счастья воззвание!
Поднимем же в праздник свой первый бокал
За это красивое звание!

Месяцы пестрой цепочкой бегут,
Птицы поют, и метели метут,
А встречи все так же сердечны.
Но, как ни высок душевный накал,
Какие слова бы он ей ни шептал,
Влюбленный – ведь это не вечно!

Влюбленный – это влюбленный, и все.
Подруга его – подруга, и все.
Немало влюбленных в округе.
Когда же влюбленные рядом всегда,
Когда пополам и успех, и беда,
То это уже супруги!

«Супруги» – тут все: и влюбленности пыл,
И зрелость, и радость познания.
Мой тост – за супругов! За тех, кто вступил
Навек в это славное звание!

Время идет. И супруги, любя,
Тихо живут в основном для себя.
Но вроде не те уже взоры.
Ведь жить для себя – это годы терять,
Жить для себя – пустоцветами стать,
Все чаще вступая в раздоры.

Муж – это муж, и не больше того.
Жена есть жена, и не больше того.
Не больше того и не краше.
Но вдруг с появлением смешного птенца
Они превращаются в мать и отца,
В добрых родителей наших!

И тост наш – за свет и тепло их сердец,
С улыбкой и словом признания.
За звание «мать»! И за званье «отец»!
Два самые высшие звания!

1960

Хорошие люди

Генерал-лейтенанту Ивану Семеновичу Стрельбицкому

Ветер, надув упругие губы,
Гудит на заре в зеленые трубы.
Он знает, что в городе и в селе
Хорошие люди живут на земле.

Идут по планете хорошие люди.
И может быть, тем уж они хороши,
Что в труд свой, как в песню, им хочется всюду
Вложить хоть частицу своей души.

На свете есть счастье – люби, открывай.
Но слышишь порой: «Разрешите заметить,
Ведь хочется в жизни хорошего встретить,
А где он, хороший! Поди угадай!»

Как узнавать их? Рецептов не знаю.
Но вспомните сами: капель, гололед...
Кружили вокруг фонарей хоровод
Снежинки. А вы торопились к трамваю.

И вдруг, поскользнувшись у поворота,
Вы больно упали, задев водосток.
Спешили прохожие мимо... Но кто-то
Бросился к вам и подняться помог.

Быстро вам что-то сказал, утешая,
К свету подвел и пальто отряхнул,
Подавал вам сумку, довел до трамвая
И на прощанье рукою махнул.

Случай пустячный, конечно, и позже
В памяти вашей растаял, как снег,
Обычный прохожий... А что, если, может,
Вот это хороший и был человек?!

А помните – было однажды собрание.
То, где работника одного
Суровый докладчик подверг растерзанью,
Тысячу бед свалив на него.

И плохо б пришлось горемыке тому,
Не выступи вдруг сослуживец один —
Ни другом, ни сватом он не был ему,

Просто обыкновенный гражданин.

Но встал и сказал он: – Неладно, друзья!
Пусть многие в чем-то сейчас правы,
Но не рубить же ему головы.
Ведь он не чужой нам. И так нельзя!

Его поддержали с разных сторон.
Людей будто новый ветер коснулся.
И вот уже был человек спасен,
Подвергнут критике, но спасен
И даже робко вдруг улыбнулся.

Такой «рядовой» эпизод подчас
В памяти тает, как вешний снег.
Но разве тогда не прошел возле вас
Тот самый – хорошей души человек?!

А помните... Впрочем, не лишку ли будет?!
И сами вы, если услышите вдруг:
Мол, где они, эти хорошие люди? —
Ответьте уверенно:
Здесь они, друг!

За ними не надо по свету бродить,
Их можно увидеть, их можно открыть
В чужих или в тех, что знакомы нам с детства,
Когда вдруг попристальней к ним приглядеться,
Когда вдруг самим повнимательней быть.

Живут на планете хорошие люди,
Красивые в скромности строгой своей.
Привет вам сердечный, хорошие люди!
Большого вам счастья, хорошие люди!
Я верю: в грядущем Земля наша будет
Планетою только хороших людей.

1961

Разрыв

Битвы словесной стихла гроза.
Полные гнева, супруг и супруга
Молча стояли друг против друга,
Сузив от ненависти глаза.

Все корабли за собою сожгли,
Вспомнили все, что было плохого.
Каждый поступок и каждое слово —
Все, не щадя, на свет извлекли.

Годы их дружбы, сердец их биенье —
Все перечеркнуто без сожаленья.
Часто на свете так получается:
В ссоре хорошее забывается.

Тихо. Обоим уже не до споров.
Каждый умолк, губу закусив.
Нынче не просто домашняя ссора,
Нынче конец отношений. Разрыв.

Все, что решить надлежало, решили.
Все, что раздела ждало, разделили.
Только в одном не смогли согласиться,
Это одно не могло делиться.

Там, за стеною, в ребячьем углу,
Сын их трудился, сопя, на полу.
Кубик на кубик. Готово! Конец!
Пестрый, как сказка, вырос дворец.

– Милый! – подавленными голосами
Молвили оба. – Мы вот что хотим... —
Сын повернулся к папе и маме
И улыбнулся приветливо им.

– Мы расстаемся... совсем... окончательно...
Так нужно, так лучше... И надо решить.
Ты не пугайся. Слушай внимательно:
С мамой иль с папой будешь ты жить?

Смотрит мальчишка на них встревоженно.
Оба взволнованы... Шутят иль нет?
Палец в рот положил настороженно.
– И с мамой, и с папой, – сказал он в ответ.

– Нет, ты не понял! – И сложный вопрос
Каждый ему втолковать спешит.
Но сын уже морщит облупленный нос
И подозрительно губы кривит...

Упрямо сердце мальчишечье билось,
Взрослых не в силах понять до конца.
Не выбирало и не делилось.
Никак не делилось на мать и отца!

Мальчишка! Как ни внушали ему,
Он мокрые щеки лишь тер кулаками,
Никак не умея понять: почему
Так лучше ему, папе и маме?

В любви излишен всегда совет.
Трудно в чужих делах разбираться.
Пусть каждый решает, любить или нет,
И где сходиться, и где расставаться.

И все же порой в сумятице дел,
В ссоре иль в острой сердечной драме
Прошу только вспомнить, увидеть глазами
Мальчишку, что драмы понять не сумел
И только щеки тер кулаками.

1961

Попутчица

– Мой муж бухгалтер, скромный, тихий малый,
Заботлив, добр, и мне неплохо с ним.
Но все-таки когда-то я мечтала,
Что мой избранник будет не таким.

Он виделся мне рослым и плечистым,
Уверенно идущим по земле.
Поэтом, музыкантом иль артистом,
С печатью вдохновенья на челе.

Нет, вы не улыбайтесь! Я серьезно.
Мне чудился громадный, светлый зал
И шум оваций, яростно и грозно
К его ногам катящийся, как вал.

Или вот так: скворцы, веранда, лето.
Я поливаю клумбу с резедой,
А он творит. И сквозь окно порой
Нет-нет и спросит у меня совета.

Вагон дремал под ровный стук колес...
Соседка, чиркнув спичкой, закурила.
Но пламени почти не видно было
При пламенной косметике волос.

Одета ярко и не слишком скромно,
Хорошенькое круглое лицо,
В ушах подвески, на руке кольцо,
Вишневый рот и взгляд капризно-томный.

Плывет закат вдоль скошенного луга,
Чай проводник разносит не спеша,
А дама все описывает друга,
Которого ждала ее душа.

Чего здесь только нет: талант, и верность,
И гордый профиль, и пушистый ус,
И мужество, и преданность, и нежность,
И тонкий ум, и благородный вкус...

Я промолчал. Слова нужны едва ли?!
И все ж хотелось молвить ей сейчас:
«Имей он все, о чем вы тут сказали,
Он, может быть, и выбрал бы не вас».

1961

Телефонный звонок

Резкий звон ворвался в полутьму,
И она шагнула к телефону,
К частому, настойчивому звону.
Знала, кто звонит и почему.

На мгновение стала у стола,
Быстро и взволнованно вздохнула,
Но руки вперед не протянула,
И ладонь на трубку не легла.

А чего бы проще: взять и снять
И, не мучась и не тратя силы,
Вновь знакомый голос услышать
И опять оставить все, как было.

Только разве тайна, что тогда
Возвратятся все ее сомненья.
Снова и обман, и униженья —
Все, с чем не смириться никогда!

Звон кружил, дрожал, не умолкая,
А она стояла у окна,
Всей душою, может, понимая,
Что менять решенья не должна.

Все упрямей телефон звонил,
Но в ответ — ни звука, ни движенья.
Вечер этот необычным был,
Этот вечер — смотр душевных сил,
Аттестат на самоуваженье.

Взвыл и смолк бессильно телефон.
Стало тихо. Где-то пели стройно...
Дверь раскрыла, вышла на балкон.
В первый раз дышалось ей спокойно.

1961

Апрель

Москва. Апрель. Воскресный день.
Край облака рассветно-розов...
Природе, видно, вновь не лень
Конфузить Институт прогнозов.

Грозы и ветра нет в помине,
По скверам прыгают грачи,
Ошибся институт... Но ныне
Ему прощают москвичи.

И мы прощаем: я и Вера.
В пожатые рук – горячий ток...
И нас несет людской поток
Вдоль набережной, мимо сквера.

Весна зеленой веткой машет,
Ручьем бежит, поет скворцом...
Нам весело – ведь мы вдвоем!
Все ближе, ближе губы наши.

Минута – и они сольются
Днем на глазах у всей Москвы...
Стоп! Не теряйте головы —
Ведь люди рядом засмеются.

Вдруг, яркой мыслью озаренный,
Увидев впереди вокзал,
Я улыбнулся и сказал:
– Хитер на выдумку влюбленный!

Вдоль шумно-пестрого перрона
Стоит экспресс «Москва – Чита».
Смех, слезы, говор, теснота...
Идет прощанье у вагонов.

– Прощай, Степан, счастливый путь!
– Марго, привет горячий Зине!
– Андрюша, детка, не забудь,
Тут сыр, а курочка в корзине.

Я в девичьи глаза смотрю —
Не рассказать, как их люблю я.
– Пиши! – я громко говорю
И нежно милую целую.

В толпе мы – как в глуши дубрав.
До нас тут никому нет дела.
Но вот свисток... Рванул состав —
И вмиг платформа опустела.

Как быть? Куда теперь идти?
Нашел! И я шепчу подруге:
– Бежим! К четвертому пути
Подходит скорый из Калуги.

Дорожная встреча

Было нас трое в купе одном:
Моряк, богатырски храпевший над нами,
И мы – это я и волгарь-агроном,
Плечистый, с застенчивыми глазами.

Мы с ним толковали о ржи и о гречке.
И я, немного в том смысла порой,
Нет-нет да и важно вставлял словечко, —
Знай наших, хоть я, мол, и городской!

До книг, до стихов добрались мы потом.
Но он не смотрел мне восторженно в рот,
А стал вдруг цитировать стих за стихом, —
Знай тоже, мол, наших, хоть я – полевод!

Ложились мы в первом часу, вероятно.
И тут, отвернувшись на миг, из блокнота
Он вынул потертое женское фото,
Взглянул, улыбнулся и спрятал обратно.

– Так, так! – прогудел вдруг раскатистый бас.
Проснулся моряк, усмехнулся, зевая. —
Красавицу прячете? Молодая?
Женаты, конечно? По опыту знаю,
Проведает женка – ох, перцу ж и даст!

Слегка растерявшись, тот выключил свет.
С минуту иль две была тишина.
Потом он ответил: – А тайны и нет.
Это жена. Вы не смейтесь, сосед.
Честное слово, это жена.

– Простите, – моряк пробасил смущенно.
– Понятно. Бывал в положение таком.
Счастливое время... Молодожены...
– Да нет, мы двенадцатый год живем.

И чувствуя, видно, как подняли брови
Оба соседа, он в тишине
Стал говорить вдруг просто, с любовью,
С любовью... о собственной о жене.

Как встретил в клубе ее впервые,
Как в первый раз сказал ей: «Жена...»,
Какие глаза у нее озорные

И как хорошо смеется она.

– Немного капризная, правда, бедовая,
Балую тоже и сам порой,
Орехи очень любит кедровые,
Чуть не мешок вот везу домой.

Был на Урале в командировке,
Две недели дано мне было.
А я в полторы достал сортировки... —
Моряк улыбнулся: – И снова к милой?

Мы с флотским шутили, острили зубато,
Но было нам вроде неловко немного.
Ну так, словно были мы в чем виноваты
Пред теми, с кем нас разлучила дорога.

Он вышел в Бекетовке. Снова мрак
Гудел от вагонной дрожи.
– Хороший парень, – сказал моряк, —
Душевный парень, и все же...

Таких, к сожаленью, жены порой
Не очень-то любят и ценят не очень.
Зря раньше срока он едет домой.
Всякое может застать, между прочим...

Он выкурил трубку и вновь – храпака.
Бывалому всюду родная каюта!
А мне не спалось. От слов моряка
Стало грустно вдруг почему-то.

И впрямь не слишком ли часто бывает,
Что многие странно живут порой:
На чувства холодом отвечают,
На холод – нежностью и тоской?

Не знаю, как будет попутчик наш встречен,
Не ведаю, что у него за жена,
Но мне захотелось вдруг в этот вечер
Сказать, чтоб смогла услышать она:

– Послушайте, незнакомка далекая!
Не знаю: хорошая вы или скверная,
Сердечная, добрая или жестокая,
Но то, что любимая, – знаю наверное!

Поймите: в вагоне, соседям на час
Обычно не лгут никогда. Зачем?

Вас любят! А это один только раз
Встречается людям, и то не всем!

Поэтому, если вы любите тоже,
Привет вам сердечный!.. Но если вдруг
Сосед мой недаром меня встревожил
И встретится с болью ваш лучший друг,

Стойте тогда! Удержитесь от взгляда,
От тайных улыбок и тайных встреч!
Поймите: любовь не оплевывать надо,
А либо отвергнуть, либо беречь!..

Прислушался: ровно сосед мой дышит.
Он рядом – и то услышать не мог.
А до нее километры дорог...
Все верно. И все-таки вдруг услышит?!

1961

Твой подарок

День рожденья я с раннего детства любил.
За сюрприз посредине стола,
И за то, что я в школу в тот день не ходил,
И за торт, что мне мама пекла.

Были трудными годы, подарки – скромны,
Но был счастлив я, шашку беря.
И казалось на сутки возвратом весны
Мне седьмое число сентября.

Шашка – радость. Воздушен кусок пирога.
Только в этом ли главное было?!
– Тут не дорог подарок – любовь дорога, —
Мне с улыбкою мать говорила.

Эту старую мудрость постиг я вполне
Много позже, когда подо Мгою
День рожденья, меня отыскав на войне,
В блиндаже повстречался со мною.

Мы сквозь ливень пришли после боя назад,
Печь, треща, разливала жару,
Пар клубился над мокрой одеждой солдат,
Как туман над рекой поутру.

И когда нам вино старшина отмерял
Строго – Боже спаси просчитаться! —
Писарь, роясь в каких-то бумагах, сказал:
– А у нас новорожденный, братцы!

Пусть в далекие дали ушел этот день,
Но и ныне он в памяти ярок.
Все богатство солдата – шинель да ремень,
Где солдат раздобудет подарок?

Но сквозь дальние годы я вижу блиндаж
И на ящике из-под снаряда —
Десять кружек.
– Бери, брат наводчик, уважь!
Чем богаты, тем, значит, и рады!

Кружки были под стать продубленным бойцам,
В метках ссадин, просты, грубоваты,
В каждой ровно сто грамм, фронтовые сто грамм,
Что дают после боя солдату.

Юбиляру же, как ни взволнован он был,
Было все ж от чего растеряться,
Если водки он в жизни почти и не пил,
А сравнялось ему восемнадцать.

После третьей – блиндаж покачнулся слегка
И на песенных крыльях поплыл...
– Тут, брат, суть не в подарках —
любовь дорога! —
Улыбаясь, сержант пробасил.

Годы шли... И недавно, когда листопад
Закружил среди дачных огней,
День рожденья, как год и как десять назад,
Вновь созвал в моем доме гостей.

Нынче весело. Тосты смешны и бойки,
Каждый быть беспшабашным готов,
Хоть у многих уже посветлели виски
От забот и студеной ветров.

Я смеялся, а в сердце тревога росла.
Ты ведь первой прийти обещала.
– Вот приду и отвечу, – сказала.
Стукнет дверь – стукнет сердце:
пришла, не пришла?

И когда вдруг вошла ты в веселом огне
Своих солнечно-теплых волос,
И когда подошла, улыбаясь, ко мне —
Все смела: и укор, и вопрос.

И сказала, как будто все беды рубя:
– Все решила я. Дар принимаешь?
Я дарю тебе душу свою и себя.
Насовсем, навсегда! Понимаешь?

«Я дарю тебе душу свою и себя!»
То ли ветер гудит у реки?
«Я дарю тебе душу свою и себя!»
То ли сердце стучится в виски?

Неужели я счастье схватил за рога?
И впервые сказать не пришлось,
Что не дорог подарок – любовь дорога,
Если все воедино слилось!

Только знаешь, сейчас говорить о любви

Я не в силах простыми словами.
Хочешь, чуть старомодным меня назови
И блесни, улыбаясь, глазами.

Но за дар, за надежды, что стали близки,
За минуты высокие эти
Я, как в храме, касаюсь губами руки,
Самой щедрой и нежной на свете!

1961

Звезды служат влюбленным

Реки служат судам,
Травы служат стадам,
Рельсы – гулким колесам вагонным.
Птицы служат садам,
Маяки – морякам,
Звезды служат влюбленным.

Льют созвездья на землю таинственный свет,
Но ни трасс, ни путей к ним космических нет,
К ним, всегда добела раскаленным.
Космодром для ракет —
Лишь прохлада планет.
Звезды ж светят одним влюбленным.

Говорят, что влюбленный – это чужак.
Внешне, может, и так, но по сути не так.
Просто он изнутри озаренный.
Не косись на него с недоверьем, профком,
Кто рекорды дает и живет с огоньком?
Да, конечно же, он, влюбленный!

Кто влюблен – тот не ищет покойных путей,
Рвется к ветру и к звездам с любимой своей,
Всей земной красотой окрыленный.
«Жить с романтикой!» – это влюбленных закон,
Ну а кто не романтик, то попросту он
Вообще никакой не влюбленный.

Майский вечер затих в синеве тополей,
И гирлянды мигающих дальних огней
Над широким зажглись небосклоном.
Это так хорошо, что составы бегут,
Что на свете есть счастье, что птицы поют
И что звезды горят влюбленным!..

1962

Обидная любовь

Пробило десять. В доме – тишина.
Она сидит и напряженно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!

Пусть вечер люстру звездную включил,
Не так уж поздно, день еще не прожит.
Не может быть, чтоб он не позвонил!
Чтобы не вспомнил – быть того не может!

«Конечно же, он рвался, и не раз,
Но масса дел: то это, то другое...
Зато он здесь и сердцем и душою».
К чему она хитрит перед собою
И для чего так лжет себе сейчас?

Ведь жизнь ее уже немало дней
Течет отнюдь не речкой Серебрянкой:
Ее любимый постоянно с ней —
Как хан Гирей с безвольной полонянкой.

Случалось, он под рюмку умилялся
Ее душой: «Так преданна всегда!»
Но что в душе той – радость или беда?
Об этом он не ведал никогда,
Да и узнать ни разу не пытался.

Хвастлив или груб он, трезв или хмелен,
В ответ – ни возражения, ни вздоха.
Прав только он, и только он умен,
Она же лишь «чудачка» и «дуреха».

И ей ли уж не знать о том, что он
Ни в чем и никогда с ней не считался,
Сто раз ее бросал и возвращался,
Сто раз ей лгал и был всегда прощен.

В часы невзгод твердили ей друзья:
– Да с ним пора давным-давно расстаться.
Будь гордою. Довольно унижаться!
Сама пойми: ведь дальше так нельзя!

Она кивала, плакала порой.
И вдруг смотрела жалобно на всех:
– Но я люблю... Ужасно... Как на грех!..

И он уж все же не такой плохой!

Тут было бесполезно препираться,
И шла она в свой добровольный плен,
Чтоб вновь служить, чтоб снова унижаться
И ничего не требовать взамен.

Пробило полночь. В доме тишина...
Она сидит и неотступно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит? А вдруг еще придет?

Любовь приносит радость на порог.
С ней легче верить, и мечтать, и жить.
Но уж не дай, как говорится, Бог
Вот так любить!

1962

«Ты грустишь и, косу теребя...»

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Ты романтик. Прямо на звезду
Проложу я серебристый след.
Для тебя я в летчики пойду.
Ну скажи: ты рада или нет?

Хочешь, смело в космос полечу?
– Не хочу.

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Здесь дождя холодная стена.
А на юге солнечный закат...
В берег бьет зеленая волна,
Расцветают персик и гранат.

Хочешь, на Кавказ тебя умчу?
– Не хочу!

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Не сердись, додумаюсь, пойму.
Может, и отыщется струна.
Может, в космос мчаться ни к чему
И волна морская не нужна?

Хочешь стать моею навсегда?
– Да!..

1962

Девушка

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где «две бездонные глубины морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... Но гляньте сюда:
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней подшутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету.
Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

1962

Письмо любимой

Мы в дальней разлуке. Сейчас между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,
Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну потянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой.

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,
Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое – возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет словами глухими,
Что смерть недопетую песнь прервала
И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...
Утрата, ее ни понять, ни измерить!
Нелепо! И все-таки можешь поверить:
Бессмертны лишь скалы, а я – человек!

Но если услышишь, что внешней порой
За новым, за призрачным счастьем в погоне
Я сердце свое не тебе, а другой
Взволнованно вдруг протянул на ладони, —

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут ресницы,
Колючею стужей не стиснет беда!
Не верь! Вот такого не может случиться!
Ты слышишь? Такому не быть никогда!

1962

Одна

К ней всюду относились с уважением, —
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж – и вот она одна...

Бежали будни ровной чередой.
И те ж друзья, и уважение то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь.

Приятель, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь – почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет.
Скажи, какую берегает честь!

Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть...

И было непонятно никому,
Что и одна – она верна ему!

1962

Первый поцелуй

Мама дочь ругает строго
За ночное возвращенье.
Дочь зарделась у порога
От обиды и смущенья.

А слова звучат такие,
Что пощечин тяжелей.
Оскорбительные, злые,
Хуже яростных шмелей.

Друг за другом мчат вдогонку,
Жгут, пронзают, как свинец...
Но за что клянут девчонку?!
В чем же дело, наконец?

Так ли страшно опозданье,
Если в звоне вешних струй
Было первое свиданье,
Первый в жизни поцелуй!

Если счастье не из книжки,
Если нынче где-то там
Бродит он, ее парнишка,
Улыбаясь звездным вспышкам,
Людям, окнам, фонарям...

Если нежность их созрела,
Школьным догмам вопреки.
Поцелуй – он был несмелым,
По-мальчишьи неумелым,
Но упрямым по-мужски.

Шли то медленно, то быстро,
Что-то пели без конца...
И стучали чисто-чисто,
Близко-близко их сердца.

Так зачем худое слово?
Для чего нападок гром?
Разве вправду эти двое
Что-то делают дурное?
Где ж там грех? Откуда? В чем?

И чем дочь громить словами,
Распаляясь, как в бою,

Лучше б просто вспомнить маме
Сад с ночными соловьями,
С песней, с робкими губами —
Юность давнюю свою.

Как была счастливой тоже,
Как любила и ждала,
И тогда отнюдь не строже,
Даже чуточку моложе
Мама дочери была.

А ведь вышло разве скверно?
До сих пор не вянет цвет!
Значит, суть не в том, наверно:
Где была? Да сколько лет?

Суть не в разных поколениях,
Деготь может быть везде.
Суть здесь в чистых отношениях,
В настоящей красоте!

Мама, добрая, послушай:
Ну зачем сейчас гроза?!
Ты взгляни девчонке в душу,
Посмотри в ее глаза.

Улыбнись и верь заранее
В золотишки вешних струй,
В это первое свиданье,
В первый в жизни поцелуй!

1962

Пылкая душа

(Шутка)

Женщина в силоновой пижаме
Медленно захлопнула роман.
Хрустнула холеными руками
И замороженными глазами
Посмотрела в сумрачный туман.

Муж чертил, сутулясь у стола,
А она под тихий шум метели
Вновь, листая том, произнесла:
– Вот ведь люди как любить умели!

Ради милых уходили в бой,
Ревновали, мучились, рыдали,
Шли на плаху, жертвуя собой,
Даже разум от любви теряли.

Скажешь, я не труженица? Пусть!
Но хочу и я, чтоб жгучий бред,
Чтобы муки, чтоб мольба и грусть!
Женщина я все же или нет?!

И не хмурь, пожалуйста, бровей!
С каждым днем в тебе все больше прозы.
Что ты знаешь про огонь страстей,
Про мольбу, страдания и слезы?

Что могу я вспомнить из прошедшего?
Где тот яркий взрыв в моей судьбе?
Что ты сделал в жизни сумасшедшего?
– То, что я женился на тебе...

1962

Стихи об одной любви

Он так любовь свою берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Он ей зимой коньки точил,
Для книжек сделал полку,
Все чертежи ее чертил
И тайно в паспорте хранил
Зеленую закладку.

Она смеялась – он светлел.
Грустила – он темнел.
И кто сказал, что будто нет
Любви в шестнадцать лет?!

К тому, что будет впереди,
Навстречу всей вселенной
Бежали рядом два пути,
Сближаясь постепенно.

Робея под лучами глаз,
Не смея губ коснуться,
Он не спешил: настанет час,
Когда пути сольются.

Когда придут взамен тревог
Слова «люблю» и «да»
И над скрещеньем двух дорог
Не робкий вспыхнет огонек,
А жаркая звезда.

И жизнь была бы хороша,
Презрей он ту «услугу».
Но раз не вынесла душа,
И он, волнуясь и спеша,
Во всем открылся другу.

Тот старше был и больше знал
И тем слегка гордился.
– Ты просто баба, – он сказал, —
Как маленький, влюбился!

Любовь не стоит ни гроша,
Коль сердце только тает.

Запомни: женская душа
Несмелых презирает!

Она ж смеется над тобой
Почти наверняка.
Да где характер твой мужской
И твердая рука?!

Потребуй все. Не отступай!
Смелей иди вперед!
Она – твоя! Не трусь и знай:
Кто любит – не уйдет!

И чтоб в любви не знать обид,
Запомни навсегда:
Что грубость девушка простит,
А глупость никогда!

Весенний ветер ли подул,
Коварен и лукав,
Иль друга речь, иль крови гул,
Но парень, выслушав, кивнул:
– Возможно, ты и прав...

Звенела ночь, луна плыла,
Как ворон, мгла кружила,
И хоть растеряна была,
Она и вправду не ушла,
Наверное, любила.

Гремели зори у реки
Кантатами скворцов,
И мчались дни, как огоньки,
Как стрелы поездов.

Теперь волнениям конец!
Победа и покой!
Но почему же стук сердец
Подавленный такой?

Он так любимую берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Но друг явился и «помог».
И он сумел, он вырвать смог
Растерянное «да»...
Так почему ж в конце пути,

Куда он должен был прийти,
Не вспыхнула звезда?!

Тебе б смеяться поутру,
А ты весь будто сварен.
Зачем стоишь ты на ветру?
О чем ты плачешь, парень?

Эх, снять бы голову ему —
Скотине, другу твоему!

1962

Разговор с другом

Знакомя, друг сказал мне сокровенно:

– Рекомендую: Коля. Пианист.

Прекрасный парень и душою чист,

И ты его полюбишь непременно!

«Прекрасный парень» в меру был живой,

Сел за рояль, Прокофьева сыграл,

Смеялся шуткам, подымал бокал,

Потом простился и ушел домой.

Ушел и канул в темноту и снег...

И я спросил у друга своего:

– Вот ты прекрасным называл его.

А чем прекрасен этот человек?

С минуту друг растерянно молчал.

Ходил, курил и молвил наконец:

– Он никому вреда не причинял,

Не лицемер, не склочник, не подлец...

И вновь спросил я друга своего:

– А доброго он людям сделал много? —

Мой друг вздохнул: – Да вроде ничего.

И все-таки он неплохой, ей-богу!

И тут мелькнуло: а не так ли я

Хвалю порой того, кто не подлец?

Но сколько рядом истинных сердец?

И все ль друзья действительно друзья?

Не прямодушен – ладно, ничего!

Не сделал зла – приветствуем его.

Мог утащить, а он не утащил

И чуть ли уж не подвиг совершил.

Иль, скажем, парень в девушку влюбился,

Жениться обещал. И под конец

Не оскорбил, не бросил, а женился —

И вот уже герой и молодец!

А то вдруг вам как на голову снег

Свалилось горе. Друг о том проведаль.

Он мог добить, предать, но он не предал.

Нет, не помог ничем, а лишь не предал —

И вот уж он «прекрасный человек».

Смешно, но факт: мы, будто с ценной ношей,
Со странной меркой носимся порой:
«Прекрасный» – лишь за то, что не плохой,
А не за то, что истинно хороший!

Так не пора ль действительно начать
С других позиций доблести считать?

1963

Таежный родник

Мчится родник среди гула таежного,
Бойкий, серебряный и тугой.
Бежит возле лагеря молодежного
И все, что услышит, несет с собой.

А слышит он всякое, разное слышит:
И мошек, и травы, и птиц, и людей,
И кто что поет, чем живет и чем дышит, —
И все это пишет, и все это пишет
На тонких бороздках струи своей.

Эх, если б хоть час мне в моей судьбе
Волшебный! Такой, чтоб родник этот звонкий
Скатать бы в рулон, как магнитную пленку,
И бандеролью послать тебе.

Послать, ничего не сказав заранее.
И вот, когда в доме твоём — никого,
Будешь ты слушать мое послание,
Еще не ведая ничего.

И вдруг — будто разом спадет завеса:
Послышится шишки упавшей звук,
Трещанье кузнечика, говор леса
Да дятла-трудяги веселый стук.

Вот шутки и громкие чьи-то споры,
Вот грохот ведерка и треск костра,
Вот звук поцелуя, вот песни хором,
Вот посвист иволги до утра.

Кружатся диски, бегут года.
Но вот, где-то в самом конце рулона,
Возникнут два голоса окрыленных,
Где каждая фраза — то «нет», то «да».

Ты встала, поправила нервно волосы,
О дрогнувший стул оперлась рукой,
Да, ты узнала два этих голоса,
Два радостных голоса: твой и мой!

Вот они рядом, звенят и льются,
Они заполняют собой весь дом!
И так они славно сейчас смеются,
Как нам не смеяться уже потом...

Но слушай, такого же не забудешь,
Сейчас, после паузы, голос мой
Вдруг шепотом спросит: – Скажи, ты любишь?
А твой засмеется: – Пусти, задушишь!
Да я, хоть гони, навсегда с тобой!

Где вы – хорошие те слова?
И где таежная та дорожка?
Я вижу сейчас, как твоя голова
Тихо прижалась к стеклу окошка.

И стало в уютной твоей квартире
Вдруг зябко и пусто, как никогда.
А голоса, сквозь ветра и года,
Звонят, как укор, все светлей и шире...

Прости, если нынче в душе твоей
Вызвал я отзвук поры тревожной.
Не плачь! Это только гремит ручей
Из дальней-предальной глуши таежной.

А юность, она и на полчаса —
Зови не зови – не вернется снова.
Лишь вечно звонят и звонят голоса
В немолчной воде родника лесного.

1963

Третий лишний

Май. Беспокойство. Звезд толчея...
Луна скользит по плотине...
А рядом на бревнышке друг мой и я
И наша «Беда» посредине.

Носила «Беда» золотой пучок,
Имела шарфик нарядный,
Вздернутый носик и язычок,
Хитрый и беспощадный.

Она улыбнулась мне. Я просиял,
Пригнул ей облачко вишни.
Друг мой нахмурился, встал и сказал:
– Я, кажется, третий лишний.

Но девушка вспыхнула: – Нет, стой!
Сам не решай задачи.
Да, может, я сердцем как раз с тобой.
Ишь ты, какой горячий!

Снова сидим. От ствола до ствола
Тени легли несмело...
Девушка с ветки цветок сорвала
И другу в петличку вдела.

Тот, улыбнувшись, губами взял
Белый бутончик вишни.
Довольно! Я кашлянул, хмуро встал.
– Пожалуй, я третий лишний!

Она рассмеялась: – Вскипел, чудак!
Даже мороз по коже.
А может, я это нарочно так
И ты мне в сто раз дороже?!

Поймите, братцы: гремит река,
Кипят жасмин, облепиха,
Метет сиреневая пурга...
В природе и в сердце моем пока
Просто неразбериха!

А вот перестанет весна бурлить,
И будет мне звезды слышно,
Они помогут душе решить
Кто лишний, а кто не лишний!

И дни летели, как горький дым.
Ночи – одна бессонница.
Она все шутит, а мы молчим
И все не знаем, с другом моим,
Дружить нам или поссориться.

Но вот отшумела в садах весна.
Хватит. Конеч недугам!
Третьим лишним была – она!..
Так мы решили с другом.

1963

За счастьем!

У них в ушах горячий звон.
У ног лежит луна.
Парнишка по уши влюблен.
По маковку она.

Шуршит, кружа под фонарем,
Осенний листопад.
Он вдруг сказал: – Давай пойдем,
Куда глаза глядят!

И как огнем подождена
Волнением его:
– Идем! – ответила она. —
До счастья самого.

И вот влюбленные в пути.
Костром горит восход.
Их где-то счастье впереди
Неведомое ждет!

И долго время их вело
По магистралям гулким.
А счастье, просто как назло,
Все время дома их ждало,
В родимом переулке...

1963

О брани

Это будут стихи не о том,
Что взволнованно в душу просится.
А совсем о другом, о таком,
И писать-то о чем не хочется.

Но молчанием зла не пресечь.
И без длительных предисловий
Скажем коротко: эта речь,
Уж простите, о сквернословии.

Существует оно давно,
Злое, грубое, озорное.
И отнюдь не секрет, что оно
Где-то в древности рождено
Горем, пьянством и все такое.

Почему же теперь, когда
Человек, оседлав надежды,
Сел в могучие поезда,
Взмыл на спутнике, как звезда,
Сквернословье живет, как прежде?

Да еще обрело сейчас
И такие, увы, тенденции:
Отходя от народных масс,
Зреет в сферах интеллигенции.

Видно, ругань, ее того:
От пропойцы услышать тошно,
А с ученостью ничего,
При высокой культуре – можно!

В общем, чуть ли не высший шик:
Как узор на дорожке скатертной,
Как второй иностранный язык,
Скажем, русский, французский и матерный!

Вот друзья домой возвращаются,
Обсуждая премьеру драмы.
О, как звучно они выражаются!
И всех чаще упоминается
Незабвенное имя мамы.

Человек, даже очень важный,
Верх учености и культуры,

Так вдруг брякнет многоэтажно,
Что такой в чертежах бумажных
Не бывало архитектуры...

Раньше в семьях, смиряя плач,
Говорили: – Пьет, как сапожник! —
Скоро скажут: – Он пьет, как врач!
Он ругается, как художник!

Все найдешь в языке богатом:
Юмор, нежность и гневный меч.
Так зачем же чугунным матом
Уснащать человеческую речь?

Говорят, в технический век
Человек – это мысль и дерзание.
Значит, должен такому званию
Соответствовать человек!

1963

Будьте счастливы, мечтатели

Мещанин и обыватель
Про него бубнит весь век:
– Фантазер, пустой мечтатель,
Несерьезный человек!

Что ж, мечтам отнюдь не ново
Натыкаться на вражду:
С давних пор косятся совы
На сверкнувшую звезду.

И еще до книжной грамоты
У пещеры, среди скал,
Пращур наш, свежюя мамонта,
На товарища ворчал:

– До чего ведь люди странные,
Есть жилье и сыт, так нет —
Про пещеры деревянные
Стал выдумывать сосед.

Чтоб в мороз не знать кручины —
Посреди костер с трубой
Да «нетающие льдины»
Вставить в стены. Ну, герой!

– Не свихни мозгов, приятель! —
Так бурчал сосед один —
Первый древний обыватель
И пещерный мещанин.

Шли века, старели горы,
Высыхали сотни рек,
Но, как встарь, глядит с укором
Мещанин на фантазера:
– Несерьезный человек!

«Несерьезный»? А читает
Про луну и про сирень.
«Несерьезный»? А включает
Телевизор каждый день.

Эх вы, совы-порицатели!
Души, спящие во мгле!
Да когда бы не мечтатели,
Что бы было на земле?!

Вы бы вечно прозябали
Без морей и островов,
В самолетах не летали,
Не читали бы стихов.

Не слышали б, как роняет
Май росинку в тишине,
Не видали б, как сверкает
Спутник в темной вышине.

Что б вы там ни говорили,
Но, наверное, без них
Вы бы до сих пор ходили
В шкурах пращуров своих!

А мечта, она крылата,
А мечта, она живет!
И пускай ее когда-то
Кто-то хмурый не поймет!

Пусть тот лондонский писатель,
Встретив стужу да свечу,
Произнес потом: «Мечтатель!»,
Не поверив Ильичу.

Пусть бормочут, пусть мрачнеют,
Выдыхаясь от хулы.
Все равно мечта умнее,
Все равно мечта сильнее,
Как огонь сильнее мглы!

Но брюзги не умолкают:
– Ведь не все горят огнем!
Есть такие, что мечтают
И о личном, о своем!

О, назойливые судьи,
Что за грех в такой мечте?!
Ведь о чем мечтают люди?
Не о горе, не о хude,
А стремятся к красоте!

Приглядитесь же внимательно:
Сколько светлого подчас
В тех улыбках обаятельных
И в мечтательности глаз!

Сад с рекой перекликаются,

Звезды кружатся во мгле,
Песни в ветре зарождаются,
Сказки бродят по земле...

Мой привет вам, открыватели
Всех сокровищниц планеты!
Будьте счастливы, мечтатели,
Беспокойные искатели,
Фантазеры и поэты!

1963

Строгие сторожа

В сто раз красноречивее речей,
Пожалуй, были и сердца, и руки,
Когда мы, сидя в комнате твоей,
Старались грызть гранит сухой науки.

Мигал тысячеглазый небосвод,
Чернел рояль торжественно и хмуро,
И маленький зеленый Дон Кихот
По-дружески кивал нам с абажура...

К плечу плечо... Мы чуть не пели даже!
В груди у нас гремели соловьи!
Но стерегли нас бдительные стражи —
Неспящие родители твои.

Сначала мать — улыбка и внимание —
Входила вдруг, как будто невзначай,
То взять с окна забытое вязанье,
То в сотый раз нам предлагая чай.

Потом отец в пижаме из сатина,
Прищурив хитроватые зрачки,
Здесь, неизвестно по какой причине,
Всегда искал то книгу, то очки.

Следя за всем в четыре строгих глаза,
В четыре уха слушали они,
Чтоб не было какой ненужной фразы
Иль поцелуя, Боже сохрани!

Так день за днем недремлющие судьи
Нас охраняли от возможных бед.
Как будто мы не молодые люди,
А малыши одиннадцати лет!

Им верилось, что трепетное пламя
Притушит ветер хитроумных мер,
И что на всякий случай между нами
Пускай незримо высится барьер.

Удар часов за стенкой возвещал,
Что как-никак, а расставаться надо!
И вот я вниз по лестнице бежал
Под тем же строго неусыпным взглядом.

И, заперев владение свое,
Они, вздохнув, спокойно засыпали,
Уверенные в том, что знают все,
Хоть, между прочим, ничего не знали!

1964

Ненужные споры

Двое ссорились, даже кричали,
Потом устали в конце концов.
Сердито затихли. И так молчали.
Наверно, не меньше пяти часов.

А где-то в это время смеялись,
Ходили в кино и читали стихи,
Работали, пели, мечтали, влюблялись,
Смотрели спектакль, напряженно-тихи.

Где-то дома к небесам возводили,
Играли в теннис, ловили бычков —
Короче, дышали! Короче, жили!
А здесь будто склеп: ни улыбок, ни слов...

И вряд ли обоим сейчас понятно,
Что эти часы, как бессмысленный бег,
Для них потеряны безвозвратно,
Из жизни вычеркнуты навек!

Наука на все ответы находит.
Она утверждает: — Имейте в виду,
Полчеловеческой жизни уходит
На сон, на транспорт и на еду.

А чем порой эта жизнь полна?
И много ль отпущено нам от века?
Ведь если подумать, то жизнь человека
Не так уж и слишком, увы, длинна...

Какой же статистик за нас учтет
Время, ушедшее на раздоры,
На злые слова, на обиды, на споры?
А жизнь ведь не поезд, она не ждет.

Конечно, можно хитрить, улыбаться:
«Подумаешь, важный какой разговор!»
А если по совести разобраться,
Сколько на свете ненужных ссор!

Поссорились, вспыхнули, побледнели...
Только б не сдаться! Не уступить!
А это ведь дни, а это недели
И, может быть, годы, коль все сложить.

И хочется мне постучать, обратиться
В тысячи окон, в сотни квартир:
– Кто в ссоре, прошу вас, идите мириться!
Милые люди! Давайте учиться
В собственном доме бороться за мир!

1964

Советчики

Я в мире жил любя и не любя,
Без радостей особых и напасти,
Пока не встретил наконец тебя,
Пока не понял, что такое счастье.

Моих друзей хватает мне вполне.
Я всех и перечислить не берусь.
– Ты молодец! – одни сказали мне. —
Отличный выбор! Превосходный вкус!

Твоя любовь и вправду хороша!
Тут все забудешь с первого же взгляда.
В глазах ну так и светится душа.
А уж фигура – лучше и не надо!

Слова других сжигали, как огни.
В них были и печаль, и состраданье.
– Ты извини, – сказали мне они, —
Но у тебя не вкус, а наказание!

Подумай сам: надменная натура,
Холодный взгляд, характер – никуда!
Курносый нос, нескладная фигура,
И плюс до неприличия – худа!

А третьи по-нейтральному молчали,
Загадочно кивали головой,
Уклончиво плечами пожимали:
Мол, вкус твой и плохой и неплохой...

Нет, я отнюдь в решениях не трус!
Но тут как душ, то жаркий, то холодный.
Любить тебя – хороший это вкус?
Или, напротив, никуда не годный?!

И только ветер в кленах молодых
Мне бойко крикнул: «Выбрось все сомненья!
Пошли к чертям советчиков своих,
И это будет лучшее решение!»

1964

Зимняя сказка

Метелица, как медведица,
Весь вечер буянит зло,
То воет внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,
И жмутся к домам машины,
Как зябнувшие щенята...

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу...
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,
Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно...
А сказкам я верю свято.

Сказка... Мечта-полуночица...
Но где ее взять? Откуда?
А сердцу так чуда хочется,
Пусть маленького, но чуда!

До боли хочется верить,
Что сбудутся вдруг мечты...
Сквозь вьюгу звонок у двери —
И вот на пороге ты!

Трепетная, смущенная.
Снится или не снится?!
Снегом запорошенная,
Звездочки на ресницах...

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
А я вот явилась... Можно? —
Сказка моя! Снегурочка!
Чудо мое невозможное!

Нет больше зимней ночи!
Сердцу хмельно и ярко!
Весело чай клокочет,
В доме, как в пекле, жарко...

Довольно! Хватит! Не буду!
Полночь... Гудят провода...
Гаснут огни повсюду.
Я знаю: сбывается чудо,
Да только вот не всегда...

Метелица, как медведица,
Косматая голова.
А сердцу все-таки верится
В несбыточные слова:

– Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
Полночь гудит тревожная...
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

1964

Падает снег

Падает снег, падает снег —
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.

Мороз под шагами хрустит, как соль,
Лицо человека — обида и боль.
В зрачках два черных тревожных флажка
Выбросила тоска.

Измена? Мечты ли разбитой звон?
Друг ли с подлой душой?
Знает об этом только он
Да кто-то еще другой.

Случись катастрофа, пожар, беда —
Звонки тишину встревожат.
У нас милиция есть всегда
И «Скорая помощь» тоже.

А если просто: падает снег
И тормоза не визжат,
А если просто идет человек
И губы его дрожат?

А если в глазах у него тоска —
Два горьких черных флажка?
Какие звонки и сигналы есть,
Чтоб подали людям весть?!

И разве тут может в расчет идти
Какой-то там этикет,
Удобно иль нет к нему подойти,
Знаком ты с ним или нет?

Падает снег, падает снег,
По стеклам шуршит узорным.
А сквозь метель идет человек,
И снег ему кажется черным...

И если встретишь его в пути,
Пусть вздрогнет в душе звонок,
Рванись к нему сквозь людской поток.
Останови! Подойди!

1964

Персональный вопрос

Погашены огни в учреждение.
Рабочий день окончен. Тишина.
И лишь одной из комнат не до сна,
В местком разбирают заявление.

О чем идет на заседание речь?
О том, что муж решил уйти к другой.
И вот супруга требует пресечь
Его ошибку и вернуть домой!

И все сидят и честно заседают.
Их ждут дела, им надо отдохнуть.
А люди все решают и решают:
Вернуть супруга или не вернуть?

Кто прав и кто достоин осуждения?
Судить не мне. И что мы можем знать?
Но той, что написала заявление,
Мне все же очень хочется сказать:

– Послушайте! Я тоже против зла.
Я понимаю горечь и терзание.
Но можно ли интимные дела
Вдруг выносить на людные собрания?!

Да, я за коллектив и за местком.
Мы без народа ничего не значим.
Но все-таки сердечные задачи
Решать, наверно, следует вдвоем.

Припомните далекий запах лета,
И то, как в омут падала звезда,
И как вы целовались до рассвета...
Ведь вам местком не нужен был тогда!

Потом вы с ним решили поселиться,
Ни у кого совета не спросив.
И никакой на свете коллектив
Не заседал: «Жениться – не жениться?»

Так почему ж теперь на обсуждение
Вы вынесли сердечные дела?
Неужто вправду может заявление
Вернуть любовь, когда она ушла?!

Проживши годы – расставаться страшно,
Ломать родное, кровное, свое!
Как быть с детьми? Бесспорно, это важно,
Согласен с вами: дети – это все!

Мы все отцы, и трудно ли представить,
Но падать ниц нельзя. И, наконец,
Уж если он детей решил оставить,
То лучше деньги, чем такой отец!

А как вам быть и как себя вести:
Забыть иль вновь пойти к нему с приветом?
Судить о том не нам. Пускай вам в этом
Подскажет сердце верные пути.

И что вам назиданья, порицанья,
Ведь если счастье ставится ребром,
Навряд ли вам помогут заседания, —
Дела любви решаются вдвоем!

1964

Сердитый критик

Критик бранил стихи
Лирического поэта.
Громил и за то, и за это,
За все земные грехи!

Ругал с наслаждением, с чувством
И, строчки рубя на лету,
Назвал поцелуй распутством
И пошлостью – простоту.

Считая грубость традицией,
Над всем глумясь свысока,
Он подкреплял эрудицию
Весомостью кулака.

Сурово бранил издателей:
– Зачем печатали? Кто? —
И долго стыдил читателей
За то, что любят не то.

А надо любить усложненный,
Новаторский, смелый стих,
Где в ребра бьют электроны,
Протоны и позитроны
Вместо сердец живых.

Стихи, где от грома и света
Брызги летят из глаз...
И где возле слова «планета»
Смело стоит «унитаз»!

И вывод был прост и ясен:
«Мотайте себе на ус:
Все те, кто со мной не согласен,
Срочно меняйте вкус!»

Окончив свой громкий опус,
Из кабинетной тиши
Критик отправился в отпуск
И книгу взял для души.

Стучали колеса скорые...
А критик книгу читал,
Не ту, расхвалил которую,
А ту, какую ругал.

1964

Спокойной ночи

Осень мрачно берет разбег.
Ветра простуженный вой.
Сумрак. Ливень тугой, сплошной.
В лужах вода и снег.

Изредка шум запоздалых шин,
Пятнами слабый свет,
Но в ливне не видно почти машин,
Прохожих и вовсе нет.

А впрочем, вон, кажется, кто-то бежит
Стремительно от угла,
Бежит, и ее ничуть не страшит
Ни ливень сейчас, ни мгла.

Сквозь мокрый блеск фонарей,
Сквозь стену сплошных потоков,
Сквозь шум листвы тополей
И гулкий гром водостоков.

Вся вымокла не на шутку,
Колотится кровь в виски,
И часто стучат каблучки,
Спеша к телефонной будке.

Стук сердца уняв слегка,
Откинула мокрые пряди
И трубку сняла с рычага
Привычно, почти не глядя.

Сказала – нельзя короче,
Не голосом – всей душой:
– Милый, спокойной ночи! —
И тихо дала отбой.

Вздохнула, глаза прикрыла,
Словно держа мечту.
И шепотом повторила:
– Спокойной ночи, мой милый!—
Но это уже в темноту.

Ветер о будку бился,
Но там никого уже нет.
В потоках дождя растворился
Тоненький силуэт.

Вот так, почти без причины,
Бежать, звонить под дождем!..
подавим зависть, мужчины.
Речь сейчас не о том.

Гром, словно пес, ворчит,
По крышам ливень грохочет,
А в будке, как эхо, дрожит:
«Милый, спокойной ночи!..»

1964

Одно письмо

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо. Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно...

Зажглись рябин веселые костры,
И все вокруг вишнево-золотое...
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку,
Тайгу и звезды, море и Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

1965

Я провожу тебя

О, как ты щебечешь весело,
И как хлопотлива ты:
Жакетку на стул повесила,
Взялась поливать цветы.

С мебели пыль смахнула,
Заварку нашла на окне
И, как бы вскользь, намекнула
На нежность свою ко мне.

Вся из тепла и света,
Ты улыбаешься мне.
А я от улыбки этой
В черном горю огне!

А я сижу и не знаю:
Зачем вот такая ты?
И просто сейчас страдаю
От этой твоей теплоты.

Как много ты произносишь
Сейчас торопливых слов!
То дразнишь, то будто просишь
Откликнуться на любовь.

Грозишься, словно кометой,
Сердцем мой дом спалить.
А мне от нежности этой
Волком хочется выть!

Ну, как ты не чувствуешь только
И как сама не поймешь,
Что нет здесь любви нисколько
И каждая фраза – ложь!

Хуже дурной напасти
Этот ненужный фарс.
Ведь нет же ни грамма счастья
В свиданье таком для нас.

И если сказать открыто,
Ты очень сейчас одна,
Ты попросту позабыта
И больше ему не нужна.

А чтобы не тяжело было,
Ты снова пришла ко мне,
Как лыжница, что решила
По старой пойти лыжне.

Как будто бы я любитель
Роли «чужая тень»,
Иль чей-нибудь заместитель,
Иль милый на черный день.

Но я не чудака. Я знаю:
Нельзя любить – не любя!
Напьемся-ка лучше чаю,
И я провожу тебя...

Сегодня красивый вечер:
Лунный свет с тишиной,
Звезды горят, как свечи,
И снег голубой, голубой...

В мире все повторяется:
И ночь, и метель в стекло.
Но счастье не возвращается
К тем, от кого ушло.

Всем светлым, что было меж нами,
Я как святым дорожу.
Давай же будем друзьями,
И я тебя провожу!

1965

«Все как будто сделал славно я...»

Все как будто сделал славно я:
Кончил разом все сомнения.
Понял вдруг, что ты – не главная:
Не любовь, а увлечение.

Ты, я верю, не плохая,
Ни игры в тебе, ни зла,
Ничего не ожидая,
Все дарила, что могла.

Только счастье невозможно
Без клубящихся дорог,
Слишком было все несложно,
Слишком много было можно,
Но ни бурь и ни тревог...

Видно, в том была причина,
Что любовь не жгла огнем,
И была не ярким сном,
А простой, как та рябина
У тебя перед окном.

И ушел я в синий вечер,
Веря в дальнюю звезду.
В путь! В пути я счастье встречу,
Здесь – закахну, пропаду.

Все как будто сделал правильно,
Кончил разом все сомнения:
Понял ведь, что мной оставлено
Не любовь, а увлечение.

Значит, скоро распахнется
Даль счастливых, новых дней.
Сердце песней захлебнется.
Годы мчат... Дорога вьется...
Только сердцу не поется,
Не поется, хоть убей!

Только холодно и тесно
Стало сердцу моему.
Все как будто сделал честно,
В чем же дело – не пойму!

Отчего сквозь километры,

Как в тумане голубом,
Я все чаще вижу дом,
Шторку, вздутую от ветра,
И рябину под окном?!

1965

Я с вами всегда, товарищи!

Гремят барабаны задорно,
Солнца лучи горят,
На галстуках и на горнах
Песню несет отряд.

В раскрытые окна дома
Врывается звонкий хор.
Мне с детства песня знакома,
Горячая, как костер!

И вот я кричу вдоль сквера,
Ладони сложив трубой:
– Детство мое! Пионеры!
Возьмите меня с собой!

Ребята мне машут руками,
Весело что-то кричат.
Над кленами и домами
Песню несет отряд.

И, стоя в окне раскрытом,
Я вижу в дальней дали,
Как строго и деловито
Уходят в рейс корабли.

А вон в духоте ковыльной,
В строю, по четыре в ряд,
Устало, дорогой пыльной
Идет батальон солдат.

Пройдя сквозь смерть и лишения,
Исполнят любой приказ.
Ни робости, ни сомненья
В молчанье спокойных глаз.

И я был таким когда-то,
И нет мне судьбы иной!
– Юность моя! Солдаты!
Возьмите меня с собой!

Грохочут шагами четкими.
Услышали или нет?
Но вот мне машут пилотками,
И песня гремит в ответ!

Как кадры из киноленты,
Картины мелькают, и вот
Я вижу сейчас, как студенты
В далекий идут поход.

Рюкзак – небольшая весомость:
Консервы, хлеб да мечта.
Парни – одна ученость!
Девчата – сплошь красота!

Пройдут от Чукотки до Крыма,
Светлые, как рассвет.
И целей недостижимых
Для них на планете нет!

И я робинзонам Арктики
Кричу в рассвет голубой:
– Песня моя! Романтики!
Возьмите меня с собой!

Голос слегка срывается.
Услышали или нет?
Но вижу: они улыбаются
И хором кричат: – Привет!

– Мне лишних удобств не надо.
Берите меня, друзья! —
И слышу в ответ: – Мы рады,
Но все обойти нельзя!

И ты не один – ты с нами!
Но сколько б ты ни шагал,
Сейчас ты нужней стихами.
Письма наши читал?

Пиши о солдатской службе,
Пиши с огоньком в крови
О настоящей дружбе,
О счастье и о любви.

Трепетом сердце наполни.
Живи для людей и стихов.
Друзей постоянно помни
И плюй на своих врагов!

С мещанством и злою гнилью
В яростной будь борьбе.
А если ослабнут силы —
Мы разом придем к тебе!

В зенит салютуют молодо
Клены и фонари.
Утро несет по городу
Шелковый флаг зари.

И сквозь золотое пожарище
Я слышу шум голосов.
— Будь счастлив! — кричат товарищи. —
Горячих тебе стихов!

Друзьям, робинзонам Арктики:
— Спасибо! — кричу в ответ. —
От звезд до глубин Атлантики
Я с вами душой, романтики!
Открытий вам и побед!

1965

Остров романтики

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли
И только остров Романтики
На карты не нанесли.

А он существует, заметьте-ка,
Там есть и луна, и горы,
Но нет ни единого скептика
И ни одного резонера.

Ни шепота обывателей,
Ни скуки и ни тоски.
Живут там одни мечтатели,
Влюбленные и чудаки.

Там есть голубые утесы
И всех ветров голоса.
Белые альбатросы
И алые паруса.

Там есть залив Дон Кихота
И мыс Робинзона есть.
Гитара в большом почете,
А первое слово – «честь»!

Там сплошь туристские тропы,
И перед каждым костром
Едят черепах с укропом
Под крепкий ямайский ром.

Там песня часто увенчана
Кубком в цветном серебре.
А оскорбивший женщину
Сжигается на костре.

Гитары звенят ночами,
К созвездьям ракеты мчат.
Там только всегда стихами
Влюбленные говорят.

И каждая мысль и фраза
Сверкает там, как кристалл.
Ведь здесь никому и ни разу
Никто еще не солгал.

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли
И только остров Романтики
На карты не нанесли.

Но, право, грустить не надо
О картах. Все дело в том,
Что остров тот вечно рядом —
Он в сердце живет твоим!

1965

Юбиляр

От ярких люстр сиреневый пожар,
Президиум, цветы, преподношения...
А в самом центре грузный юбиляр,
Торжественный, как важный циркуляр,
С улыбкой принимает поздравленья.

С трибуны льется сладостный настой:
– Спасибо вам за все, что вы даете!
Ведь вы начальник скромный и простой,
Душою светлый, сердцем золотой,
Отец в заботе и орел в работе!

На стол ложатся стопкой адреса
В красивых папках из тисненой кожи,
Шуршат стенографистки, как стрекозы,
Гудят елейным хором голоса,
Дрожат в корзинах лилии и розы...

А в зале сослуживцы юбиляра.
Они-то знают, что он за герой.
Но незлобивость, этот вирус старый,
Ах, как живуч он в нас еще порой!

А ведь уж им-то подлинно известно,
Что юбиляр – умелый карьерист,
Скорей чиновник, чем специалист,
И никакой не «чуткий» и не «честный».

Всех, с кем не ладил, мстительно травил.
Одни льстецы ему кантаты пели.
Нет, никого он в мире не любил,
Лишь кверху лез, заигрывал, хитрил,
Любой ценою добиваясь цели.

И юбилей идет, как говорится,
«На самом высшем уровне», и тут
Ничто не приключится, не случится
И подхалима с места не прервут.

Ведь доброта, в людских глазах скользя,
Наверно, так им шепчет почему-то:
«Нельзя ж ломать торжественной минуты!»
Нельзя ломать? А почему нельзя?!

Вот если б все, кого он зло обидел,

Подсиживал и поедал живьем,
Кого за честность остро ненавидел,
Сказали б все, что следует о нем?!

Сказали б все решительно и круто,
Все, не боясь и не смягчая слов,
Не глядя на торжественность минуты,
На адреса, подарки и льстецов.

Как он грубел и как жирел от чванства,
Как загонял между друзьями клин.
И наплевать на то, что он начальство!
Ведь сукин сын – он всюду сукин сын!

Вот так смахнуть бы к черту все фанфары,
И – настезь окна! Кончился елей!
Вот это был бы славный юбилей,
По всем статьям достойный юбиляра!

1965

Сердечная история

Сто раз решал он о любви своей
Сказать ей твердо. Все как на духу!
Но всякий раз, едва встречался с ней,
Краснел и нес сплошную чепуху.

Хотел сказать решительное слово,
Но, как на грех, мучительно мычал.
Невесть зачем цитировал Толстого
Или вдруг просто каменно молчал.

Вконец растратив мужество свое,
Шагал домой, подавлен и потерян,
И только с фотографией ее
Он был красноречив и откровенен.

Перед простым любительским портретом
Он смелым был, он был самым собой.
Он поверял ей думы и секреты,
Те, что не смел открыть перед живой.

В спортивной белой блузке возле сетки,
Прядь придержав рукой от ветерка,
Она стояла с теннисной ракеткой
И, улыбаясь, шурилась слегка.

А он смотрел, не в силах оторваться,
Шепча ей кучу самых нежных слов.
Потом вздыхал: – Тебе бы все смеяться,
А я тут пропадай через любовь!

Она была повсюду, как на грех:
Глаза... И смех – надменный и пьянящий.
Он и во сне все слышал этот смех
И клял себя за трусость даже спящий.

Но час настал. Высокий, гордый час!
Когда решил он, что скорей умрет,
Чем будет тряпкой. И на этот раз
Без ясного ответа не уйдет!

Средь городского шумного движенья
Он шел вперед походкою бойца,
Чтоб победить иль проиграть сраженье,
Но ни за что не дрогнуть до конца!

Однако то ли в чем-то просчитался,
То ли споткнулся где-то на ходу,
Но вновь краснел, и снова заикался,
И снова нес сплошную ерунду.

– Ну, вот и все! – Он вышел на бульвар,
Достал портрет любимой машинально,
Сел на скамейку и сказал печально:
– Вот и погиб «решительный удар»!

Тебе небось смешно, что я робею.
Скажи, моя красивая звезда:
Меня ты любишь? Будешь ли моею?
Да или нет? – И вдруг услышал: – Да!

Что это? Бред? Иль сердце виновато?
Иль просто клен прошелестел листвою?
Он обернулся: в пламени заката
Она стояла за его спиной.

Он мог поклясться, что такой прекрасной
Еще ее не видел никогда.
– Да, мой мучитель! Да, молчун несчастный!
Да, жалкий трус! Да, мой любимый! Да!

1965

Вторая любовь

Что из того, что ты уже любила,
Кому-то, вспыхнув, отворяла дверь.
Все это до меня когда-то было,
Когда-то было в прошлом, не теперь.

Мы словно жизнью зажили второю,
Вторым дыханьем, песнею второй.
Ты счастлива, тебе светло со мною,
Как мне тепло и радостно с тобой.

Но почему же все-таки бывает,
Что незаметно, изредка, тайком
Вдруг словно тень на сердце набегает
И остро-остро колет холодком...

О нет, я превосходно понимаю,
Что ты со мною встретилась любя.
И все-таки я где-то ощущаю,
Что, может быть, порою открываю
То, что уже открыто для тебя.

То вдруг умело галстук мне завяжешь,
Уверенной ли шуткой рассмешишь,
Намеком ли без слов о чем-то скажешь
Иль кулинарным чудом удивишь.

Да, это мне и дорого и мило,
И все-таки покажется порой,
Что все это уже, наверно, было,
Почти вот так же, только не со мной.

А как душа порой кричать готова,
Когда в минуту ласки, как во сне,
Ты вдруг шепнешь мне трепетное слово,
Которое лишь мне, быть может, ново,
Но прежде было сказано не мне.

Вот так же точно, может быть, порою
Нет-нет и твой вдруг потемнеет взгляд,
Хоть ясно, что и я перед тобою
Ни в чем былом отнюдь не виноват.

Когда любовь врывается вторая
В наш мир, горя, кружа и торопя,
Мы в ней не только радость открываем,

Мы все-таки в ней что-то повторяем,
Порой скрывая это от себя.

И даже говорим себе нередко,
Что первая была не так сильна,
И зелена, как тоненькая ветка,
И чуть наивна, и чуть-чуть смешна...

И целый век себе не признаемся,
Что, повстречавшись с новой, другой,
Какой-то частью все же остаемся
С ней, самой первой, чистой и смешной.

Двух равных песен в мире не бывает,
И сколько б звезд ни поманило вновь,
Но лишь одна волшебством обладает,
И, как ни хороша порой вторая,
Все ж берегите первую любовь!

1965

Спор

Однажды три друга за шумным столом
Пустились в горячие споры о том,
Что женщина ценит превыше всего
В характере нашем мужском.

Первый воскликнул: – К чему этот шум?
Скажу без дальних речей,
Что женщин всегда покоряет ум.
И это всего важней!

В этом наш главный авторитет.
Ум – это все, друзья.
«Да здравствует разум!» – сказал поэт,
И лучше сказать нельзя!

Второй, улынувшись, приподнял бровь:
– Совсем не в этом вопрос.
Женщина – это сама любовь!
И любит она всерьез.

И нет для мужчины уже ничего
Прямее, чем этот путь.
Он должен быть любящим прежде всего.
И в этом, пожалуй, суть!

А третий, встав, перебил друзей:
– Бросьте все препирания.
Для женщин на свете всего важней
Внимание и внимание!

Пальто подавайте. Дарите ей
Цветы. Расшибайтесь в прах!
Ну, в общем, тысячи мелочей —
И счастье у вас в руках!

На улицу вышли, а спор сильнее.
Ну как решение найти?
И тут повстречали трое друзей
Женщину на пути.

Сказали друзья: – Позвольте спросить,
Ответьте двумя словами:
Каким, по-вашему, должен быть
Мужчина, избранный вами?!

Какое свойство кажется вам
Особенно привлекательным?
– Он должен быть умным, – сказала она,
Любящим и внимательным.

1965

Моя любовь

Ну каким ты владеешь секретом?
Чем взяла меня и когда?
Но с тобой я всегда, всегда:
Днем и ночью, зимой и летом!

Площадями ль иду большими
Иль за шумным сажу столом,
Стоит мне шепнуть твое имя —
И уже мы с тобой вдвоем.

Когда радуюсь или грущу я
И когда обиды терплю,
И в веселье тебя люблю я,
И в несчастье тебя люблю.
Даже если крепчайше сплю,
Все равно я тебя люблю!

Говорят, что дней круговерть
Настоящих чувств не тревожит.
Говорят, будто только смерть
Навсегда погасить их может.

Я не знаю последнего дня,
Но без громких скажу речей:
Смерть, конечно, сильнее меня,
Но любви моей не сильнеей

И когда этот час пробьет
И окончу я путь земной,
Знай: любовь моя не уйдет,
А останется тут, с тобой.

Подойдет без жалоб и слез
И незримо для глаз чужих,
Словно добрый и верный пес,
На колени положит нос
И свернется у ног твоих.

1965

«Мне не надо высокой фразы...»

Мне не надо высокой фразы:
Не клянись «ни концом, ни венцом»
В том, что, став моей, ты ни разу
Не подумаешь ни о ком.

И в любви не клянись, не надо,
Ну представь, что любовь прошла.
Значит, будешь сама не рада
Тем словам, что теперь дала.

Да и я б не позволил вновь,
Унижаясь, вослед стремиться
И на клятве держать любовь,
Все равно как на нитке птицу.

Чепуха тут и лесть и месть,
И давай согласимся смело:
Если есть любовь – значит, есть,
А все клятвы – пустое дело!

Только, видишь ли, вот беда!
Нет правил без исключения,
И словесные заверенья
Все же надобны иногда.

Я прошу тебя вот о чем:
Как бы жизнь ни была сурова,
Быть лишь с правдой к лицу лицом,
Только правду всегда, во всем.
В этом, в этом ты дай мне слово!

1966

«Когда мне встречается в людях дурное...»

Когда мне встречается в людях дурное,
То долгое время я верить стараюсь,
Что это скорее всего напускное,
Что это случайность. И я ошибаюсь.

И, мыслям подобным ища подтверждения,
Стремлюсь я поверить, забыв про укор,
Что лжец, может, просто большой фантазер,
А хам, он, наверно, такой от смущенья.

Что сплетник, шагнувший ко мне на порог,
Возможно, по глупости разболтался,
А друг, что однажды в беде не помог,
Не предал, а просто тогда растерялся.

Я вовсе не прячусь от бед под крыло,
Иными тут мерками следует мерить.
Ужасно не хочется верить во зло,
И в подлость ужасно не хочется верить!

Поэтому, встретив нечестных и злых,
Нередко стараешься волей-неволей
В душе своей словно бы выправить их
И попросту «отредактировать», что ли!

Но факты и время отнюдь не пустяк.
И сколько порой ни насилуешь душу,
А гниль все равно невозможно никак
Ни спрятать, ни скрыть, как ослиные уши.

Ведь злого, признаться, мне в жизни моей
Не так уж и мало встречать доводилось.
И сколько хороших надежд поразбилось,
И сколько вот так потерял я друзей!

И все же, и все же я верить не брошу,
Что надо в начале любого пути
С хорошей, с хорошей и только с хорошей,
С доверчивой меркою к людям идти!

Пусть будут ошибки (такое не просто),
Но как же ты будешь безудержно рад,
Когда эта мерка придется по росту
Тому, с кем ты станешь богаче стократ!

Пусть циники жалко бормочут, как дети,
Что, дескать, непрочная штука – сердца...
Не верю! Живут, существуют на свете
И дружба навек, и любовь до конца!

И сердце твердит мне: ищи же и действуй.
Но только одно не забудь наперед:
Ты сам своей мерке большой соответствуй,
И все остальное, увидишь, – придет!

1966

Золотая кровь

*Ученые Грузии нашли золото в составе крови человека.
Из журнальной статьи*

Не так давно ученые открыли
Пусть небольшой, но золотой запас.
Они его не в рудниках отрыли,
Они его нашли в крови у нас.

И пусть всего-то малая частица,
Не в этом суть, а суть, наверно, в том,
Что в нашем сердце золото стучится,
И мы весь век живем, как говорится,
Согреты этим золотым огнем.

Мы знаем фразу: «Золотые руки!»
Иль, скажем: «Золотая россыпь слов!»
Теперь буквально с помощью науки
Сказать мы вправе: «Золотая кровь!»

И может быть, с момента первородства
Чем было больше золота в крови,
Тем больше было в людях благородства,
И мужества, и чести, и любви.

И я уверен в том, что у Чапая,
У Фучика, у Зои, у таких,
Кто отдал жизнь, не дрогнув, за других,
Струилась кровь по жилам – золотая!

И право, пусть отныне медицина,
Ребят готовя в трудные бои,
Глядит не на процент гемоглобина,
А на проценты золота в крови.

И нет верней проверки на любовь,
На мужество и стойкость до конца.
Где полыхает золотая кровь —
Там бьются настоящие сердца.

1966

«Был у меня соперник, неглупый был и красивый...»

Был у меня соперник, неглупый был и красивый,
Рожденный, видать, в рубашке – все удавалось ему.
Был он не просто соперник, а, как говорится, счастливый,
Та, о которой мечтал я, сердцем рвалась к нему.

И все-таки я любовался, под вечер ее встречая,
Нарядную, с синими-синими звездами вместо глаз,
Была она от заката вся словно бы золотая,
И я понимал, куда она торопится в этот час.

Конечно, мне нужно было давно уж махнуть рукою.
На свете немало песен, и радостей, и дорог,
И встретить глаза другие, и счастье встретить другое,
Но я любил. И с надеждой расстаться никак не мог.

Нет, слабым я не был. Напротив, я не желал сдаваться!
Я верил: зажгу, сумею, заставлю ее полюбить!
Я даже от матери втайне гипнозом стал заниматься.
Гипноз не пустяк, а наука. Тут всякое может быть!

Шли месяцы. Как и прежде, в проулке меня встречая,
Она на бегу кивала, то холодно, то тепло.
Но я не сдавался. Ведь чудо не только в сказках бывает...
И вот однажды свершилось. Чудо произошло!

Помню холодный вечер с белой колючей крупкой,
И встречу с ней, с необычной и словно бы вдруг
хмельной.
С глазами не синими – черными, в распахнутой теплой
шубке,
И то, как она сказала: – Я жду тебя здесь. Постой!

И дальше как в лихорадке: – Ты любишь, я знаю, знаю!
Ты славный... Я все решила... Отныне и навсегда...
Я словно теперь проснулась, все заново открываю...
Ты рад мне? Скажи: ты любишь? – Я еле выдохнул:
Да!

Тучи исчезли. И город ярким вдруг стал и звонким,
Словно иллюминацию развесили до утра.
Звезды расхохотались, как озорные девчонки,
И, закружившись в небе, крикнули мне: – Ура!

Помню, как били в стекла фар огоньки ночные,
И как мы с ней целовались даже на самой заре,

И как я шептал ей нежности, глупые и смешные,
Которых, наверное, нету еще ни в одном словаре...

И вдруг, как в бреду, как в горячке: – А здорово я
проучила!
Пусть знает теперь, как с другими встречаться у фонарей!
Он думал, что я заплачу... А я ему отомстила!
Меня он не любит? Прекрасно. Тем будет ему больней.

С гулом обрушилось небо, и разом на целом свете
Погасли огни, как будто полночь пришла навек.
Возглас: – Постой! Куда ты?.. – Потом сумасшедший
ветер.
Улицы, переулки... Да резкий, колючий снег...

Бывают в любви ошибки, и, если сказать по чести,
Случается, любят слабо, бывает, не навсегда.
Но говорить о нежности и целовать из мести —
Вот этого, люди, не надо, не делайте никогда!

1966

«Живу беспокойно, словно бегом...»

Живу беспокойно, словно бегом,
Спору, статьи пишу,
Читаю, но, поднят каким-то звонком,
Куда-то опять спешу.

Сбегаю из города к милым стихам,
Любить, тосковать, сражаться.
Но кто-то находит меня и там:
Просят на вечер к учителям.
Надо. Нельзя отказаться.

Спешу я, наверно, с тех пор, как дышу,
Помню, всегда озабочен,
Спешу в драмкружок и на теннис спешу,
В кино спешу и в поход спешу,
Вот только в школу не очень...

А впрочем, шучу. И на первый урок
Всегда влетал без минуты.
Дел было масса, и все-таки в срок
Я успевал почему-то.

Такое уж сердце людское. Оно
Всегда к интересному тянется.
И сколько в него ни вмести – все равно
Местечко еще останется.

Место останется для работ,
Для смеха, что счастьем брызнет,
Для горя, для радости, для забот
И снова для целой жизни!

И нынче, встречая трудом рассвет,
Спешу я в снег и жару.
И сколько судьбой мне отпущено лет,
И сколько невзгод, и сколько побед —
Все полной мерой беру!

Беру, потому что в жизни моей
Не было легких годов.
Беру, потому что вера друзей
И стужи сильнее, и горя сильнее,
Тем паче злости врагов!

И снова меня самолеты мчат

То в Киев, то в Днепропетровск,
Маршруты, маршруты: Ташкент, Ленинград,
Куйбышев и Свердловск...

Балтиец, доярка с алтайских полей,
Студент и уральский кузнец,
Руки друзей, улыбки друзей,
Тысячи светлых сердец!

В чем сила пожатия наших рук?
На это ответ таков:
Они – герои моих стихов,
А я – их поэт и друг!

И, точку поставив в конце строки,
Снова в дороге я.
Люблю, ненавижу, иду в штыки.
– Он ищет славы! – кричат враги.
– Неправда! – кричат друзья.

А темы торопят. Бессонная ночь...
Но с первым лучом рассвета
Невзгоды прочь и усталость прочь!
Куда-то ответить, кому-то помочь,
Доспорить, выступить где-то...

Отдых? Согласен. Вот кончу, и все.
И в среду на юг уеду!
Но снова кружится колесо,
Моих беспокойных дней колесо,
И в ту, и в другую среду.

Никак ничего нельзя отложить.
Ведь дел непчатых – масса!
А может быть, так вот и стоит жить,
Вот так до последнего часа?!

1966

Романтики дальних дорог

Прихлынет тоска или попросту скука
Однажды присядет к тебе на порог,
Ты знай, что на свете есть славная штука —
Романтика дальних и трудных дорог.

Конечно же, есть экзотичные страны:
Слоны и жирафы средь зелени вечной,
Где ночью на пальмах кричат обезьяны
И пляшут туземцы под грохот тамтамов,
При этом почти без одежды, конечно.

Экзотика... Яркие впечатленья.
Романтика с этим не очень схожа.
Она не пираты, не приключения,
Тут все и красивей гораздо и строже.

Соленые брызги, как пули, захлопали
По Графской пристани в Севастополе,
Но в ночь штормовую в туман до утра
Уходят дозорные катера.

А возле Кронштадта грохочет Балтика.
Курс – на Вайгач. Рулевой на посту.
А рядом незримо стоит Романтика
И улыбается в темноту.

А где-то в тайге, в комарином гуде,
Почти у дьявола на рогах,
Сидят у костра небритые люди
В брезенте и стоптанных сапогах.

Палатка геологов – сесть и пригнуться,
Приборы, спецовки – сплошной неуют.
Скажи о Романтике им, усмехнутся:
– Какая уж, к черту, романтика тут?!

Но вы им не верьте! В глухие чащобы
Не рубль их погнал за родимый порог.
Это романтики чистой пробы,
Романтики дальних и трудных дорог.

Один романтик штурмует науку,
Другой открыл уникальный храм,
А кто-то завтра протянет руку
К новым созвездиям и мирам.

Вот мчит он, вцепившись в кресло из пластика,
Взор сквозь стекло устремив к луне,
А рядом незримо летит Романтика
В невесомости и тишине...

Бродяги морей, покорители Арктики!
А здесь, посреди городской толкотни,
Есть ли в обычной жизни романтики?
Кто они? Где? И какие они?

Да те, кто живет, по макушку счастливые
Мечтами, любимым своим трудом,
Те, кто умеет найти красивое
Даже в будничном и простом.

Кто сделает замком снежную рощицу,
Кому и сквозь тучи звезда видна,
Кто к женщине так, между прочим, относится,
Как в лучшие рыцарские времена.

Немного застенчивы и угловаты,
Живут они так до момента, когда
Однажды их властно потянут куда-то
Дороги, метели и поезда.

Не к пестрой экзотике – пальмам и зебрам
Умчат они, сердцем храня мечту,
А чтобы обжить необжитые дебри,
Чтоб к горным алмазам пробиться в недра
И людям потом подарить красоту.

Мешать им не надо. Успеха не будет.
Ведь счастье их – ветры борьбы и тревог.
Такие уж это крылатые люди —
Романтики дальних и трудных дорог!

1966

Раздумье о сердцах

Сколько влюбленных живет по свету?
Такой статистики нет пока.
Но если полчеловечества нету,
То треть, пожалуй, наверняка.

А все остальные, а все остальные
Влюблялись уже или только влюбятся.
И каждый, на звезды глядя ночные,
Мечтает, что счастье когда-нибудь сбудется.

Но в чем же счастье твое на планете?
— Оно в любви, что, как мир, широка! —
Не все человечество так ответит,
Но полчеловечества — наверняка.

А кто хоть однажды в хороший вечер,
Со стрелок часов не спуская глаз,
Не ожидал назначенной встречи
И не признался в любви хоть раз?!

Есть в слове «любовь» и хмельная сила,
И радость надежды, и боль, и тоска,
И если его смущенно и мило
Не все человечество произносило,
То девять десятых — наверняка.

Но слово сказать — не сердце отдать.
Отсутствие чувств не заменишь ничем.
Любовь не всем суждено познать,
Она, как талант, дается не всем.

А сколько людей, а сколько людей
По всякому поводу и без повода
Готовы сказать о любви своей,
Как телеграмму послать по проводу.

Поцеловал, еще не любя,
Обнял взволнованно раз, другой,
И сразу: — Поверь, я люблю тебя! —
И тотчас, как эхо: — Любимый мой!

Признавшийся разом в любви навек
Не слишком ли часто порой бывает
Похож на банкрота, что выдал чек,
А как расплатиться потом — не знает.

На свете немало хороших слов.
Зачем же их путать себе на горе.
Влюбленность – ведь это еще не любовь.
Как речка, пусть даже без берегов,
Пусть в самый разлив – все равно не море!

Не можешь любовью гореть – не гори.
Влюблен, про влюбленность и говори.
Нежность тоже ценить умей,
Пускай это меньше. Но так честней.

И если не каждый любит пока,
Так пусть и не каждый то слово скажет.
Не все и не полчеловечества даже,
А те лишь, кто любит. Наверняка!

1966

Разговор о лжецах

Зачем на свете люди лгут?
Причин, наверно, масса:
Одни от лжи процентов ждут,
Как вкладчик от сберкассы.

Другие веруют, что ложь,
Едва лишь миг настанет, —
Сразит противника, как нож,
Или хотя бы ранит.

Иной, стремясь не оплошать,
Спешит все с той же ложью
Повыше влезть, побольше взять
И если не на мрамор встать,
То хоть присесть к подножью.

А тот, стараясь всех надуть,
Считает, между прочим,
Что честный путь — далекий путь,
А лживый путь короче!

Привыкнув к подленькой судьбе,
Хитрит и так петляет,
Что он и сам-то уж себе
Ни в чем не доверяет.

А этот, мелок и несмел,
Готов бранить и льстить,
Чтоб ложью пятна скверных дел,
Как скатертью, прикрыть.

Он первым треснуть норовит,
Уверен непреклонно,
Что нападение — лучший вид
Скандальной обороны.

Есть в мире разные лжецы,
На все цвета и вкусы,
Но все льстецы, как подлецы, —
Отчаянные трусы.

Увы, каким же должен быть
Могучим чародей,
Чтоб вдруг от лжи освободить
Всех страждущих людей!

Но только нет волшебных слов
Для таинств исцелений,
Как нет от лжи ни порошков,
Ни электролечений.

А если так, то надо нам,
Чтоб чище в мире жить,
Непримиримый бой лжецам
Со всею страстью тут и там
Упрямо объявить.

А чтоб с тем злом, как мир седым,
Иметь нам право биться —
Нам в жизни следует самим,
Как ни заманчив хитрый дым,
До лжи не опуститься.

Чтоб в сердце каждый человек
Нес правду, словно зная,
Чтоб подлость таяла как снег
И мира не было вовек
Меж нами и лжецами!

1967

Два маршрута

Он ей предлагал для прогулок
Дорогу – простого проще;
Налево сквозь переулок
В загородную рошу.

Там – тихое птичье пенье,
Ни транспорта, ни зевак,
Травы, уединенье
И ласковый полумрак...

А вот ее почему-то
Тянуло туда, где свет,
Совсем по иному маршруту:
Направо и на проспект.

Туда, где новейшие здания,
Реклама, стекло, металл.
И где, между прочим, стоял
Дворец бракосочетанья...

Вот так, то с шуткой, то с гневом,
Кипела у них война.
Он звал ее все налево,
Направо звала она.

Бежали часы с минутами,
Ни он, ни она не сдавались.
Так наконец и расстались.
Видать, не сошлись маршрутами.

Мещанство

Есть, говорят, мещанские предметы,
И даже есть мещанские цветы.
Вот эта вещь – мещанская, а эта —
Хороший вкус и с красотой на «ты».

Считают, что герань – мещанский вкус,
Зато выюны по стенам – превосходно!
Открытки – минус, а картины – плюс.
Хрусталь – мещанство, а торшеры – модно!

На всем висят незримо этикетки,
Живи и моды постигай язык:
Предел мещанства – канарейка в клетке,
А вот бульдог в машине – это шик!

«Высокий вкус» всеведущ, как Коран,
И ханжество в нем радужно-лучисто:
Гитара с бантом – атрибут мещан,
А вот без банта – спутница туриста.

Нет, что-то здесь не в том, совсем не в том!
Мещанство есть. Оно ползет из трещин.
Но все-таки при чем тут чей-то дом,
Цветы, собаки, птицы или вещи?!

Есть вкус плохой, и есть хороший вкус,
Как есть на свете заводы и реки.
И все-таки я утверждать берусь:
Мещанство не в цветах, а в человеке!

Живя судьбою сытенькой своей,
Он друга в горе обойдет сторонкой.
Мещане – совы с крохотной душонкой,
Чей Бог не вещь, а стоимость вещей.

Тут не герань, не плюшевый диван
В просторной кухне, в спальне ли, в столовой.
Нюх мещанину в этом смысле дан,
Все – первый сорт. Все – ультрамодерново!

Но вещь почти не служит мещанину.
Он сам как сторож при своих вещах:
При хельгах, лакированных полах,
Не пользуясь добром и вполонину.

Любой урон считая за беду,
Он, иногда в душе почти что воя,
Готов убить за кляксу на обоях,
За сорванное яблоко в саду.

Нет, суть здесь не в гераньке на окне,
Все дело тут совсем иного сорта.
Мещанство – это: «Я», «Мое» и «Мне»!
А мир хоть провались, хоть лопни к черту!

Оно живуче! Там оно и здесь —
Тупое, многоликое мещанство.
На службе это подленькая лесть,
А дома это мелкое тиранство.

При чем тут зонт, калоши иль замки?
Мещанство – это пошленькие песни,
Мещанство – это слухи и слушки,
Злорадный шепот, гаденькие сплетни.

Сражаться с ним все яростней и злей,
Не выбирая средств или ударов,
Все время, жестко, до последних дней,
Ибо мещанство часто пострашней
Открытых битв, невзгод или пожаров.

1967

«Забыв покой, дела и развлечения...»

Забыв покой, дела и развлечения,
Пренебрегая солнцем и весной,
При каждой нашей встрече мы с тобой,
Страдая, выясняем отношения.

Нет, мы почти никак не поступаем.
До ласки ли? Раздув любой пустяк,
Мы спорим, говорим и обсуждаем,
Что так у нас с тобой и что не так.

Ну что еще: мы вместе, мы одни!
Так нет же ведь! Как варвары, наверно,
Мы медленно, старательно и верно
Друг другу укорачиваем дни...

Мы быть ужасно мудрыми стараемся,
От всех себя ошибок бережем.
И скоро до того «довыясняемся»,
Что ничего уже не разберем!

Размолвки, споры, новые сомнения...
И нам, наверно, невдомек сейчас,
Что вот как раз все эти выяснения
И есть ошибка главная у нас.

И чтоб не кончить на душевной скупости,
Давай же скажем: «Хватит! Наплевать!»
Возьмем и будем делать кучу глупостей,
Да, да, десятки самых чудных глупостей,
И ничего не будем обсуждать!

1967

Любовь и трусость

Почему так нередко любовь непрочна?
Несхожесть характеров? Чья-то узость?
Причин всех нельзя перечислить точно,
Но главное все же, пожалуй, трусость.

Да, да, не раздор, не отсутствие страсти,
А именно трусость – первопричина.
Она-то и есть та самая мина,
Что чаще всего подрывает счастье.

Неправда, что будто мы сами порою
Не ведаем качеств своей души.
Зачем нам лукавить перед собою,
В основе мы знаем и то и другое,
Когда мы плохи и когда хороши.

Пока человек потрясений не знает,
Неважно – хороший или плохой,
Он в жизни обычно себе разрешает
Быть тем, кто и есть он. Самим собой.

Но час наступил – человек влюбляется.
Нет, нет, на отказ не пойдет он никак.
Он счастлив. Он страстно хочет понравиться.
Вот тут-то, заметьте, и появляется
Трусость – двуличный и тихий враг.

Волнуясь, боясь за исход любви
И словно стараясь принарядиться,
Он спрятать свои недостатки стремится,
Она – стушевать недостатки свои.

Чтоб, нравясь, быть самыми лучшими, первыми,
Чтоб как-то «подкрасить» характер свой,
Скупые на время становятся щедрыми,
Неверные – сразу ужасно верными,
А лгуны за правду стоят горой.

Стремясь, чтобы ярче зажглась звезда,
Влюбленные словно на цыпочки встали
И вроде красивей и лучше стали.
«Ты любишь?» – «Конечно!»
«А ты меня?» – «Да!»

И все. Теперь они муж и жена.

А дальше все так, как случиться и должно:
Ну сколько на цыпочках выдержать можно?!
Вот тут и ломается тишина...

Теперь, когда стали семейными дни,
Нет смысла играть в какие-то прятки.
И лезут, как черти, на свет недостатки,
Ну где только, право, и были они?

Эх, если б любить, ничего не скрывая,
Всю жизнь оставаясь самим собой,
Тогда б не пришлось говорить с тоской:
«А я и не думал, что ты такая!»
«А я и не знала, что ты такой!»

И может, чтоб счастье пришло сполна,
Не надо душу двоить свою.
Ведь храбрость, пожалуй, в любви нужна
Не меньше, чем в космосе или в бою!

1967

Лесная сказка

Ты хочешь, чтоб звезды посыпались
Со звоном в твои ладони?
Чтоб с шумом из мрака вырвались
Костров гривастые кони?

Чтоб ветви, сомкнув объятья,
Твое повторяли имя?
Чтоб стало парчовым платье,
А туфельки – золотыми?

Ты хочешь, чтоб соболю черный
Дал гордый разлет бровям?
Чтоб сорок ветров покорно
Упали к твоим ногам?

Чтоб в курточках темно-зеленых,
Посыпавшись вдруг с ветвей,
Двести веселых гномов
Стали свитой твоей?

Ты хочешь, чтоб в пестрых красках,
Звездой отразясь в реке,
Вышла из леса сказка
С жар-птицею на руке?

А хочешь, скажи, ты хочешь
Такою красивой стать,
Что даже у южной ночи
Уж нечего будет взять?..

Ты верь мне, я лгать не буду!
Есть сто золотых ключей,
Я все их тебе добуду!
Я сто отыщу дверей!

А чтоб распахнуть их сразу
В волшебную ту страну,
Скажи мне одну лишь фразу,
Одну лишь, всего одну!

Слова в ней совсем простые,
Но жар их сильнее огня.
Скажи мне слова такие —
Скажи, что любишь меня!

1967

Стихи, не претендующие на ученый трактат

Бывает ли переселенье душ?
Наука говорит, что не бывает.
– Все, что живет, – бесследно исчезает, —
Так скажет вам любой ученый муж.

И уточнит: – Ну, правда, не совсем,
Ты станешь вновь материей, природой:
Азотом, водородом, углеродом,
Железом, хлором, ну буквально всем!

Ответ как прост, так и предельно ясен.
Но человек есть все же человек,
И превратиться в атомы навек
Я как-то не особенно согласен...

Ну как же так! Живешь, живешь – и вдруг
Изволь потом в частицу превратиться.
Нет, я далек от всяких адских мук,
Но ведь нельзя ж кончать и на частицах!

Одних глупцов способен утешать
Поклон, богам иль идолам отвешенный.
И все-таки обидно как-то стать
Частицей, пусть хотя бы даже взвешенной.

Прости меня, наука! Разум твой
Всю жизнь горел мне яркою зарею.
Я и сейчас стою перед тобою
С почтительно склоненной головой.

Да, после нас останется работа.
А нас, скажи, куда в конце пути?
Стать углекислым газом? Нет, прости.
Наверно, ты недооткрыла что-то!

Ведь даже муж с ученой эрудицией
При неудачах шепчет: – Не везет... —
И от судьбы порой чего-то ждет
И очень даже верит в интуицию.

Нет, нам не надо всякой ерунды!
Мы знаем клетку, биотоки знаем,
И все же мы отнюдь не отрицаем,
Что есть подчас предчувствие беды.

А разве вы порою не ловили
Себя на мысли где-нибудь в кино
Иль глядя на гравюру, что давно
Вы в том краю уже когда-то были?..

Или в пути, совсем вдали от дома,
Какой-то город, речка или храм
Покажутся до боли вам знакомы,
Так, словно детство прожили вы там!

Переселенье душ? Сплошная мистика?
Кто ведает? И пусть скажу не в лад,
А все же эта самая «глупистика»
Поинтересней как-то, чем распад.

Да и возможно ль с этим примириться:
Любил, страдал, работал с огоньком,
Был вроде человеком, а потом
Стал сразу менделеевской таблицей.

А атому – ни спеть, ни погрустить,
Ни прилететь к любимой на свиданье,
Ни поработать всласть, ни закурить,
Одно научно-строгое молчанье.

Нет, я никак на это не гожусь!
И ну их – клетки, биотоки, души...
Я просто вновь возьму вот и рожусь,
Рожусь назло ученому чинуше.

И если вновь вы встретите поэта,
Что пишет на лирической волне,
Кого ругают критики в газетах,
А он идет упрямо по стране;

Идет, все сердце людям отдавая,
Кто верит, что горит его звезда,
Чей суд – народ, ему он присягает,
И нету выше для него суда;

Кто смерть пройдет и к людям возвратится,
Он – их поэт, они – его друзья,
И если так, товарищи, случится,
Не сомневайтесь: это снова я!

1967

Добрый принц

Ты веришь, ты ищешь любви большой,
Сверкающей, как родник.
Любви настоящей, любви такой,
Как в строчках любимых книг.

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно.

Молчать и видеть, как в синей дали,
За звездами, за морями,
Плывут навстречу тебе корабли
Под алыми парусами...

То рыцарь Айвенго, врагов рубя,
Мчится под топот конский.
А то приглашает на вальс тебя
Печальный Андрей Болконский.

Вот шпагой клянется д'Артаньян,
Влюбленный в тебя навеки.
А вот преподносит тебе тюльпан
Пылкий Ромео Монтекки.

Проносится множество глаз и лиц,
Улыбки, одежды, краски...
Вот видишь: красивый и добрый принц
Выходит к тебе из сказки.

Сейчас он с улыбкой наденет тебе
Волшебный браслет на запястье.
И с этой минуты в его судьбе
Ты станешь судьбой и счастьем!

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно...

Слышны далекие голоса,
Плывут корабли во мгле...
А все-таки алые паруса
Бывают и на земле!

И, может быть, возле судьбы твоей
Где-нибудь рядом, здесь,
Есть гордый, хотя неприметный Грэй
И принц настоящий есть!

И хоть он не с книжных сойдет страниц,
Взгляни! Обернись вокруг:
Пусть скромный, но очень хороший друг,
Самый простой, но надежный друг —
Может, и есть тот принц?!

1967

Литературные споры

Спорят о славе поэты.
Критики спорят тоже.
А славе плевать на это,
Хоть лопни, хоть лезь из кожи!

В литературном храме,
Перья скрестив свои,
Поэты спорят стихами,
Критики пишут статьи.

Критики дело знают:
Локтями тесня друг дружку,
Кого в основном читают,
С тех и «снимают стружку»!

Снимают, вовсю стараются,
Лупят кого-то всласть
И сами же удивляются,
В лужу потом садясь.

Но это не вразумляет,
И вновь они ищут трещины!
Я знаю, как это бывает, —
Сам получал затрешины.

Эх, сколько ж меня склоняли!
И как же в меня палили!
Такого нагромоздили,
Самим-то понять едва ли!

И все-таки самое главное,
После как оказалось,
Да все за эту за самую,
О Господи, популярность!

Ну словно кого обманывал,
Ограбил, или подвел,
Иль, скажем, читателей сманивал
И прятал в письменный стол.

И тем, кто приходит в ярость,
Я тихо хочу сказать:
— Возьмите себе популярность
И дайте спокойно писать!

1967

Ночные огни

В простудном мраке, в сырости ночной
Горит огонь спокойно-одиноким.
Чуть-чуть печальный, трепетный такой,
Загадочный, манящий и далекий...

Он, словно Марс или живой цветок,
Таинственный и в то же время честный.
Пылающий во мраке уголек,
Кусочек чьей-то жизни неизвестной.

Огонь ли это путника в степи,
Окно ли светит? Это я не знаю.
Но кто-то там не спит теперь, не спит!
И чья-то там душа сейчас живая!

Покажется: вот сто шагов всего,
И ты укрыт от холода и ветра,
Да только вот нередко до него
Десятки и десятки километров...

Невольно представляешь, что вон там
Сидят сейчас охотники-бродяги,
Пьют чай с горячим ромом пополам
И ждут к утру перепелиной тяги.

Или, быть может, там, перед окном,
Сидит из сказки девушка с косою
И, отложив большой, тяжелый том,
Глядит во тьму с задумчивой тоскою.

Иль мать-старушка долгий, долгий срок
Сидит и ждет, когда вернутся дети,
А путник забредет на огонек —
Она теплом и путника приветит.

Или, костром пронзая синий мрак,
Влюбленные сидят в сосновой роще,
А может, все совсем, совсем не так —
И будничнее, и скучней, и проще...

И все же я люблю их! Я готов
С мальчишеских лет всегда мечтать о чуде,
Люблю огни летящих поездов —
Живые кадры чьих-то дум и судеб.

Огонь в ночи!.. Ненастье... Вязнут ноги...
Со снегом дождь... А путь далек-далек...
И что бы стало с путником в дороге,
Когда б не этот добрый огонек?!

И есть там сказка или сказки нету —
Не в этом суть. Ты верь, и ты иди!
Он как надежда, этот лучик света,
Как искра счастья где-то впереди.

Ведь счастье тоже может быть порою
Чуть-чуть не то, которого ты ждешь,
Но ты страдаешь, борешься, живешь,
Пока оно горит перед тобою.

Возможно, птицей с синими крылами
Оно должно быть вечно впереди,
И кто ответит, может быть, в пути
Вот так к нему и следует идти
И никогда не брать его руками?!

1967

Важные минуты

Беда ли это, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,
Доверчивым, застенчиво-несмелым, —
Беда все это или не беда?

Навряд ли это повод к обсуждению.
У всех, как говорят, своя стезя.
И все же есть минуты и мгновенья,
Когда безвольным быть уже нельзя.

Ведь ты порой и сам не замечаешь,
Как средь житейских горестей и благ
То там, то здесь кому-то уступаешь.
И вдруг однажды словно замираешь:
Тебя толкают на бесчестный шаг.

Тот шаг нередко выгоден кому-то,
Кто может все. Какой же дать ответ?
Вот и пришла та самая минута,
Чтоб встать, чтоб бросить, как гранату:
– Нет!

Весна! Планета, будто сердце, бьется.
Любовь пришла. Она к тебе летит!
Душа твоя ей в чувствах признается,
А вот язык предательски молчит.

Но милая, едва у дома встанешь,
Уже спешит проститься до утра.
И ты идешь обратно и не знаешь,
Пора признаться или не пора.

А вот сейчас, задумчиво-робка,
Она стоит и медлит почему-то.
Пора! Пришла та самая минута.
Скажи. Не то пропал наверняка!

Вы с другом в горы как-то забрались.
Стучали бодро крепкие ботинки.
Вдруг, оступившись, друг слетел с тропинки
И на скале над пропастью повис...

Судьба вдруг разом повернулась круто.
Ползти к обрыву – жизнью рисковать.
Пусть так. Смелей! Сейчас пришла минута —

Иль вместе жить, иль вместе умирать!

Года спешат, друг друга обгоняя...
Но сколько же порою там и тут,
В большом и малом людям выпадает
Решительных мгновений и минут!

О, как мы спорим, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,
Доверчивым, застенчиво-несмелым, —
Беда все это или не беда?

Пустяк – цена всем этим обсуждениям!
А чтоб людьми серьезно дорожить,
О них не худо было бы судить
Вот по таким минутам и мгновеньям.

1968

«Я мелкой злости в жизни не испытывал...»

Я мелкой злости в жизни не испытывал,
На мир смотрел светло, а потому
Я ничему на свете не завидовал:
Ни силе, ни богатству, ни уму.

Не ревновал ни к радостному смеху
(Я сам, коли захочется, – смеюсь),
Ни к быстрому и громкому успеху
(И сам всего хорошего добьюсь).

Но вы пришли. И вот судите сами:
Как ни смешно, но я признаюсь вам,
Что с той поры, как повстречался с вами,
Вдруг, как чужак, завидую вещам.

Дверям, что вас впускают каждый вечер,
Настольной лампе, сделанной под дуб,
Платку, что обнимает ваши плечи,
Стакану, что коснулся ваших губ.

Вы усмехнетесь: дескать, очень странно,
Вещь – только вещь! И я согласен. Да.
Однако вещи с вами постоянно.
А я – вдали. И в этом вся беда!

А мне без вас неладно и тревожно:
То снег, то солнце чувствую в крови.
А мне без вас почти что невозможно.
Ну хоть совсем на свете не живи!

Я мелкой злости с детства не испытывал,
На мир смотрел светло, а потому
Я ничему на свете не завидовал:
Ни славе, ни богатству, ни уму.

Прошу вас: возвратите мне свободу!
Пусть будет радость с песней пополам.
Обидно ведь завидовать вещам,
Когда ты человек и царь природы!

1968

Артисты

Кто выдумал, будто бы лгут артисты!
Что в жизни порою ворчат и пьют,
А вот на сцене трезвы и чисты,
Бывают возвышенны и речисты.
Артисты ни в чем не лгут!

Не просто Пушкина иль Шекспира
Они зажжены вдохновенным словом.
Артисты на сцене и вправду Лиры,
И вправду Гамлеты и Ратмиры,
И впрямь Джульетты и Годуновы!

Душа вселенной сродни лучистой,
Где звезды разной величины.
И вот на сцене в душе артиста
Нередко ярчайшие зажжены.

Тогда почему же ярчайшие, главные,
Всю жизнь постоянно в них не горят?
Но главные, так же как буквы заглавные,
Не могут быть всюду или подряд.

Никто же не требует от атлета
Ходить со штангой на спине!
И разве мы требуем от пилота
Быть вечно в заоблачной вышине?!

И кто артистов порой осудит
За неприглаженные пути?
Артисты тоже живые люди,
А не архангелы во плоти!

Герои были светлы, а все же
Принц Гамлет умел и не воду пить...
Да и Джульетта, коль надо, тоже,
Исполнена светлой, сердечной дрожи.
Могла сто нянек перехитрить.

И если где-то в житейском мире
Артисты спорят иль вина пьют,
Средь вас без грима все те же Лиры,
Марии, Гамлеты и Ратмиры,
И вы им верьте. Они не лгут!

1968

Разные свойства

Заяц труслив, но труслив оттого,
Что вынужден жить в тревоге,
Что нету могучих клыков у него,
А все спасение – ноги.

Волк жаден скорее всего потому,
Что редко бывает сытым,
А зол оттого, что, наверно, ему
Не хочется быть убитым.

Лисица хитрит и дурачит всех
Тоже не без причины:
Чуть зазевалась – и все! Твой мех
Уже лежит в магазине.

Щука жестоко собратьев жрет,
Но сделайте мирными воды,
Она кверху брюхом тотчас всплывет
По всем законам природы.

Меняет окраску хамелеон
Бессовестно и умело.
– Пусть буду двуличным, – решает он. —
Зато абсолютно целым.

Деревья глушат друг друга затем,
Что жизни им нет без света,
А в поле, где солнца хватает всем,
Друг к другу полны привета.

Змея премерзко среди травы
Ползает, пресмыкается.
Она б, может, встала, но ей, увы,
Ноги не полагаются...

Те – жизнь защищают. А эти – мех.
Тот бьется за лучик света.
А вот – человек. Он сильнее всех!
Ему-то зачем все это?

1968

Отцы и дети

Сегодня я слово хочу сказать
Всем тем, кому золотых семнадцать,
Кому окрыленных, веселых двадцать,
Кому удивительных двадцать пять.

По-моему, это пустой разговор,
Когда утверждают, что есть на свете
Какой-то нелепый извечный спор,
В котором воюют отцы и дети.

Пушай болтуны, что хотят, твердят,
У нас же не две, а одна дорога,
И я бы хотел вам, как старший брат,
О ваших отцах рассказать немного.

Когда веселитесь вы или даже
Танцуете так, что дрожит звезда,
Вам кто-то порой с осуждением скажет:
— А мы не такими были тогда!

Вы строгою меркою их не мерьте,
Пушай. Ворчуны же всегда правы.
Вы только, пожалуйста, им не верьте, —
Мы были такими же, как и вы!

Мы тоже считались порой пижонами
И были горласты в своей правоте,
А если не очень-то были модными,
То просто возможности были не те.

Когда ж танцевали мы или бузили,
Да так, что срывалась с небес звезда,
Мы тоже слышали иногда:
— Нет, мы не такими когда-то были!

Мы бурно дружили, мы жарко мечтали.
И все же порою — чего скрывать! —
Мы в парты девчонкам мышей совали,
Дурили, скелетам усы рисовали,
И нам, как и вам, в дневники писали:
«Пусть явится в срочном порядке мать!»

И все-таки в главном, большом, серьезном
Мы шли не колеблясь, мы прямо шли,
И в лихолетье свинцово-грозном

Мы на экзамене самом сложном
Не провалились, не подвели.

Поверьте, это совсем не просто —
Жить так, чтоб гордилась тобой страна,
Когда тебе вовсе еще не по росту
Шинель, оружие и война.

Но шли ребята назло ветрам
И умирали, не встретив зрелость,
По рощам, балкам и по лесам,
А было им столько же, сколько вам,
И жить им, конечно, до слез хотелось.

За вас, за мечты, за весну ваших снов
Погибли ровесники ваши – солдаты:
Мальчишки, не брившие даже усов,
И не слыжавшие нежных слов,
Еще не целованные девчата.

Я знаю их, встретивших смерть в бою,
Я вправе рассказывать вам об этом,
Ведь сам я, лишь выживший чудом, стою
Меж их темнотою и вашим светом.

Но те, что погибли, и те, что пришли,
Хотели, надеялись и мечтали,
Чтоб вы, их наследники, в светлой дали
Большое и звонкое счастье земли
Надежно и прочно потом держали.

Но быть хорошими – значит ли жить
Стерильными ангелочками?
Ни станцевать, ни спеть, ни сострить,
Ни выпить пива, ни закурить,
Короче: крахмально белея, быть
Платочками-уголочками?!

Кому это нужно и для чего?
Не бойтесь шуметь нисколько.
Резкими будете – ничего!
И даже дерзкими – ничего!
Вот бойтесь цинизма только.

И суть не в новейшем покрое брюк,
Не в платьях, порой кричащих,
А в правде, а в честном пожатии рук
И в ваших делах настоящих.

Конечно, не дай только Бог, ребята,
Но знаю я, если хлестнет гроза,
Вы твердо посмотрите ей в глаза,
Так же, как мы смотрели когда-то.

И вы хулителям всех мастей
Не верьте. Нет никакой на свете
Нелепой «проблемы» отцов и детей,
Есть близкие люди: отцы и дети!

Идите ж навстречу ветрам событий,
И пусть вам всю жизнь поют соловьи.
Красивой мечты вам, друзья мои!
Счастливых дорог и больших открытий!

1968

«Дорожите счастьем, дорожите...»

Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз —
Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово —
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?
Все ли в мире может повториться?
Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз...
Разве будет это тыщу раз!

На бульваре освещают вечер
Тополей пылающие свечи.
Радуйтесь, не портите ничем
Ни надежды, ни любви, ни встречи!

Лупит гром из поднебесной пушки.
Дождик, дождь! На лужицах веснушки.
Крутит, пляшет, бьет по мостовой
Крупный дождь в орех величиной.

Если это чудо пропустить,
Как тогда уж и на свете жить?!
Все, что мимо сердца пролетело,
Ни за что потом не возвратить!

Хворь и ссоры временно отставьте,
Вы их все для старости оставьте.
Постарайтесь, чтобы хоть сейчас
Эта «прелесть» миновала вас.

Пусть бормочут скептики до смерти.
Вы им, желчным скептикам, не верьте —
Радости ни дома, ни в пути
Злым глазам, хоть лопнуть, – не найти!

А для очень, очень добрых глаз
Нет ни склок, ни зависти, ни муки.
Радость к вам сама протянет руки,
Если сердце светлое у вас.

Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек!

И поют дороги и мосты,
Краски леса и ветра событий,
Звезды, птицы, реки и цветы:
Дорожите счастьем, дорожите!

1968

Он настоящим другом был

У парня был хороший друг,
Задорен и смешлив.
Был друг как друг, но как-то вдруг
Стал тих и молчалив.

Проведал парень: у него
Был тяжело болен сын.
– Держись! – сказал он. – Ничего,
Ведь ты же не один.

Он продал мотоцикл без слов
Какому-то дельцу.
Кровь подошла? Даешь и кровь
Курносому мальцу.

Потом, когда прибой похвал
Приветственно гудел,
Он лишь плечами пожимал,
Сердился и краснел,

Как будто людям говорил:
За что хвалить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего!

Друг раз кого-то зло поддел
И, смяв, перешагнул.
И парень вспыхнул, не стерпел,
Он друга взял и вздул.

Когда же кто-то упрекал
Потом в толкучке дел,
Он лишь плечами пожимал,
Сердился и краснел,

Как будто людям говорил:
Зачем корить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего!

Зимой пошли на лыжах в лес.
Вот мостик и разъезд.
Вдруг, охнув, друг упал на рельс,

А в ста шагах – экспресс!

Уж бьет прожектор по глазам!
Он к другу подлетел,
Он друга вниз толкнул, а сам
Не спрыгнул. Не успел...

Потом был час, нелегкий час,
Прощанье и венки,
И митинг, и десятки глаз,
Застывших от тоски.

В речах сказали, что герой,
Что храбро пролил кровь,
А он лежал простой-простой,
Чуть приподнявши бровь,

Как будто людям говорил:
Зачем хвалить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего!..

1968

Худшая измена

Какими на свете бывают измены?
Измены бывают явными, тайными,
Злыми и подлыми, как гиены,
Крупными, мелкими и случайными.

А если тайно никто не встречается,
Не нарушает ни честь, ни обет,
Ничто не случается, не совершается,
Измена может быть или нет?

Раздвинув два стареньких дома плечом,
С кармашками окон на белой рубашке,
Вырос в проулке верзила-дом,
В железной фуражке с лепным козырьком,
С буквами «Кинотеатр» на пряжке.

Здесь, на девятом, в одной из квартир,
Гордась изяществом интерьера,
Живет молодая жена инженера,
Душа семейства и командир.

Спросите мужа, спросите гостей,
Соседей спросите, если хотите,
И вам не без гордости скажут, что с ней
По-фатоватому не шутите!

Она и вправду такой была.
Ничьих, кроме мужниных, ласк не знала.
Смеялись: – Она бы на зов не пошла,
Хоть с мужем сто лет бы в разлуке жила,
Ни к киногерою, ни к адмиралу.

И часто, иных не найдя резонов,
От споров сердечных устав наконец,
Друзья ее ставили в образец
Своим беспокойным и модным женам.

И все-таки, если бы кто прочел,
О чем она втайне порой мечтает,
Какие мысли ее посещают,
Он только б руками тогда развел!

Любила мужа иль не любила?
Кто может ответить? Возможно – да.
Но сердце ее постепенно остыло.

И не было прежнего больше пыла,
Хоть внешне все было как и всегда.

Зато появилось теперь другое.
Нет, нет, не встречалась она ни с кем!
Но в мыслях то с этим была, то с тем...
А в мыслях чего не свершишь порою.

Эх, если б добряга, глава семейства,
Мог только представить себе хоть раз,
Какое коварнейшее злодейство
Творится в объятьях его подчас!

Что видит она затаенным взором
Порой то этого, то того,
То адмирала, то киноактера,
И только, увы, не его самого...

Она не вставала на ложный путь,
Ни с кем свиданий не назначала,
Запретных писем не получала,
Ее ни в чем нельзя упрекнуть.

Мир и покой средь домашних стен.
И все-таки, если сказать откровенно,
Быть может, как раз вот такая измена
Самая худшая из измен!

1968

Оттепель

Звенит капель, звенит капель:
От-те-пель, от-те-пель!
Однако это не весна,
Еще январь, а не апрель.

Вчера буран, беря разбег,
Дул в лица стужей ледяной,
И было все – зима и снег,
Совсем как и у нас с тобой...

Сегодня злобная метель
Вползла под арку у ворот.
Сегодня – синяя капель
И в лужах – мир наоборот.

Сегодня – в радуге стекло
И легкий пар над мостовой.
Сегодня – временно тепло,
Совсем как и у нас с тобой...

Но долго лужам не сверкать,
Ведь это солнце и вода
С утра исчезнут без следа,
Когда мороз придет опять.

Метель, надвинув шаль на бровь,
Дохнет колючею тоской,
И все заледенеет вновь,
Совсем как и у нас с тобой...

Но сколько бы пурге ни месть
И как ни куролесит зло,
Однако у природы есть
И настоящее тепло.

Оно придет с тугим дождем,
С веселой, клейкою листвой,
Придет, швыряя гулкий гром,
И станет радостно кругом,
Совсем не как у нас с тобой...

1969

Твой голос

Твой голос из приемника звучит
Задумчиво и чуточку печально.
И чем-то дальним, трепетно-прощальным
Он заново мне душу бередит.

И ведь не надо, ну совсем не надо!
А вот влетел, хоть радуйся, хоть злись.
Звения, заполнил все. И так он рядом,
Что хоть рукой сейчас его коснись!

За окнами, на темной ветке клена,
Как дятел, дремлет месяц молодой.
И облака, потягиваясь сонно,
Собравшись в круг, застыли над рекой...

А ты поешь... Ты словно угадала,
Что я сижу настороженно-нем.
«Зачем тебя я, милый мой, узнала?»
А в самом деле, для чего? Зачем?

Зачем рвались и назначали встречу
И между нами протянулась нить?
Я сам сейчас, наверно, не отвечу,
Не все на свете можно объяснить.

Аккорды скрипок стройны и упруги,
А голос твой то пламя, то зима...
И вдруг упала огненная вьюга:
«О нет, не рождены мы друг для друга!»
Ну вот ты и ответила сама.

1969

Приметы

Водя корабли, управляя ракетами,
Создав радара бессонный глаз,
Мы, как ни смешно, не расстались с приметами.
Они едва ль не в крови у нас!

Господа Бога давно отставили.
Ясно ведь сказано: нет его!
А вот приметы пока оставили.
Ведь не религия. Ничего.

И ведь смеемся же: «Предрассудки!
Глупистика, мелочи, ерунда!...»
А сами нередко, шутки-то шутки,
Без этой «глупистики» – никуда!

В школьные годы известно точно:
Не знаешь урока – держись за каблук.
Тогда не спросят. Примета прочная!
Не выпусти только каблук из рук!

Тогда ни морали, ни двойки, ни гнева.
Но только не путайся никогда:
Держись не за правый каблук, а за левый.
Возьмешься за правый – тогда беда!

А на контрольной, коль нет подковки,
Судьбу не терзай: – Пощади! Помоги! —
Есть средство: сними (наплевать, что неловко)
Башмак или туфлю с левой ноги.

Зато уж студент – в пониманье высоком,
Великий мастер насчет примет:
Он в дверь не войдет на экзамен боком
И точно отыщет «счастливый билет».

Любая примета ему, как мошка!
Он знает их лучше, чем снег в декабре.
Не говоря уж о черных кошках,
Тринадцатых числах и прочей муре.

Да что там студент! Академик, доктор,
Придя на важный доклад с утра,
Услышав: – Ни пуха и ни пера! —
Сказал аспирантке: – Идите к черту!

Артистка, народная, в сорок лет,
Текст роли выронив неосмотрительно,
Уселась в ужасе на паркет,
Роль под себя подложив предварительно.

Такая примета: наплюй на чин,
На возраст и званье! Коль роль упала —
Сядь и припомни трех лысых мужчин,
Не то обязательно жди провала.

Приметы повсюду. Просто беда.
— Куда ты идешь? — я спросил у знакомой.
— Тьфу! Ну зачем ты спросил «куда»?
Знала бы, лучше б осталась дома!

Однажды за час до выхода в море
На крейсер к старпому пришла жена
И тем всю команду повергла в горе:
На судне — женщина! Все. Хана!

И после, едва не порвав тельняшки,
Хлопцы отчаянно и упрямо
Драили палубу, дверь, медяшку —
Все, к чему прикасалась дама.

И скажем, отнюдь не открыв секрета,
Что множество самых серьезных людей
На счастье хранят амулеты-приметы:
Пуговку, слоника или монету —
Тысячи всяческих мелочей.

Зачем мы храним их? Никто не знает.
А может, и вправду тут есть секрет?
Уверенность, что ли, они вселяют
Иль в чем-то ответственность с нас снимают,
Вот эти десятки смешных примет?

Пришла, к примеру, «счастливая» дата
И мимо не кинулся черный кот,
Ты как-то спокойней идешь куда-то
И вроде веришь, что повезет...

Похвалишь что-нибудь горячо
И слышишь: — Смотри, не вышло бы сглазу!
Плюнь трижды скорее через плечо! —
И ты плюешь, как верблюд, три раза.

Что ж, пусть в чем-то наши надежды множат
Приметы — загадочная игра.

И хоть мы не очень в них верим, а все же,
Чтоб каждый ваш день был счастливо прожит,
Ни пуха вам, люди, и ни пера!

1969

Шаганэ

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
С. Есенин

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз, собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина —
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

Где-то в небе мечутся зарницы,
Словно золотые петухи.
В лунном свете тополь серебрится,
Шаганэ Нерсесовне не спится,
В памяти рождаются стихи:

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что же это: правда или небыль?
Где-то в давних, призрачных годах
Пальмы, рыба, сулугуни с хлебом,
Грохот волн в упругий бубен неба
И Батуми в солнечных лучах...

И вот здесь-то в утренней тиши
Встретились Армения с Россией —
Черные глаза и голубые,
Две весенне-трепетных души.

Черные, как ласточки, смущенно
Спрятались за крыльями ресниц.
Голубые, вспыхнув восхищенно,
Загипнотизировали птиц.

Закружили жарко и влюбленно,
Оторвав от будничных оков,
И смотрела ты замороженно
В «голубой пожар» его стихов.

И не для тумана иль обмана
В той восточной лирике своей
Он Батуми сделал Хороссаном —

Так красивей было и звучней.

И беда ли, что тебя, армянку,
Школьную учительницу, вдруг
Он, одев в наряды персиянки,
Перенес на хороссанский юг!

Ты на все фантазии смеялась,
Взмыв на поэтической волне,
Как на звездно-сказочном коне,
Все равно! Ведь имя же осталось:
– Шаганэ!

«В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог».

Что ж, они и вправду не открылись.
Ну а распахнись они тогда,
То, как знать, быть может, никогда
Строки те на свет бы не явились.

Да, он встретил песню на пути.
Тут вскипеть бы яростно и лихо!
Только был он необычно тихим,
Светлым и торжественным почти...

Шаганэ... «Задумчивая пери»...
Ну, а что бы, если в поздний час
Ты взяла б и распахнула двери
Перед синью восхищенных глаз?!

Можно все домысливать, конечно,
Только вдруг с той полночи хмельной
Все пошло б иначе? И навечно
Две дороги стали бы одной?!

Ведь имей он в свой нелегкий час
И любовь, и дружбу полной мерой,
То, как знать, быть может, «Англетера»...
Эх, да что там умничать сейчас!

Ночь нарядно звездами расцвечена,
Ровно дышит спящий Ереван...
Возле глаз собрав морщинки-трещины,
Смотрит в синий мрак седая женщина —
Шаганэ Нерсесовна Тальян.

И, быть может, полночью бессонной
Мнится ей, что расстояний нет,
Что упали стены и законы
И шагнул светло и восхищенно
К красоте прославленный поэт!

И, хмелея, кружит над землею
Тайна жгучих, смолянистых кос
Впережку с песенной волною
Золотых есенинских волос!..

1969

Карнавал

Устав от забот, от привычного круга,
Ища хоть немного сказки,
Чтоб скрыться хотя бы на час друг от друга,
Люди придумали маски.

Ведь часто, серы до тошноты,
Будни, как клячи, топчутся,
А людям хочется красоты,
Кусочка радуги хочется!

Работай, стремись, говорят, и тогда...
Да бросьте, ну кто ж не знает,
Что счастье вовсе ведь не всегда
Каждому выпадает.

И вот, чтоб устроить волшебные встречи,
Большое путая с малым,
Люди собрали маски на вечер,
Названный карнавалом.

Здесь хилый становится богатырем,
Робкий душой – героем,
А кто-то отчаянным моряком,
Рыцарем или ковбоем.

Рожденным удачливыми, красивыми
Метаморфоз не надо.
Наверно, не очень людьми счастливыми
Придуманы маскарады...

Сегодня, хмелея, как от вина,
Можно, горя отвагой,
Смущенной Золушке у окна
Клясться плащом и шпагой.

И шутки бросьте, когда порой
Девчонка, собой не очень,
Вдруг обернется кинозвездой
Или «Царицей ночи».

Здесь можно, царский нося наряд,
На милость сменивши кару,
Вдруг подарить благосклонный взгляд
Вспыхнувшему «Корсару».

А в полночь, доверив себя письму,
Отчаянно и бесстрашно
Даже назначить свиданье ему
В саду у дворцовой башни.

Но сколько восторгами ни гори,
«Царица» все-таки знает,
Что все ее царство лишь до зари,
До первых звонков трамвая.

И завтра «Царица звездных ночей»,
Сняв свой наряд блестящий,
Станет, как прежде, в толпе людей
Скромненькой секретаршей.

Но в гуле приемной, невесть почему,
Ей все еще, то и дело,
Грезиться будет в табачном дыму
«Корсар» из шестого отдела.

Тот, что отнюдь не в нее влюблен,
Уж ей ли не знать про это!
Грохочет машинка, трещит телефон,
И требует план на весенний сезон
Начальство из кабинета.

И все-таки отзвук от сказки есть!
Начальство лишь брови вскинет
На этот царственно гордый жест,
С которым бумаги на подпись в трест
Она благосклонно примет.

А дома в комнатной тихой мгле
Ей тысячу раз приснится,
Что будни кончились на земле,
А праздник все длится, длится...

И ей, владычице звездных снов,
Подносит, склонясь несмело,
От счастья не в силах промолвить слов,
Громадный-громадный букет цветов
«Корсар» из шестого отдела.

1969

В троллейбусе

Встал троллейбус. Шум – как на вокзале!
Кто-то за милицией сходил.

– Что случилось?

– Жулика поймали!

Трешницу, мерзавец, утащил!..

– Слишком к ним уж много снисхожденья! —

Женщина воскликнула в сердцах.

А мужчина в роговых очках

Даже закурил от возмущенья.

Жулик пойман. И уже давно

Катится троллейбус по предместью.

А внутри клокочут все равно

И бурлят, как крепкое вино,

Люди с незапятнанною честью.

Жулик – дрянь. И мы, ему желая

Строгого и крепкого суда,

Все же сами что-то упускаем,

Ибо слово «совесть» понимаем

Как-то странновато иногда.

Если б вдруг грабителем был назван

Тот мужчина в роговых очках,

Он, наверно, за такую фразу

Вас мгновенно обратил бы в прах!

А ведь сам у друга одолжил

Как-то деньги, мило и культурно.

И отнюдь устроился недурно:

Взять-то взял, а возвратить «забыл».

Вор, стянувший трешницу сейчас,

Негодяй отныне и навек.

А урвавший больше в десять раз —

«Честный» и «приличный» человек!

Так уж, видно, издавна считается,

Только, если честно говорить,

Между «не отдать» и «утащить»

Разницы большой не получается.

Впрочем, дело не в одних рублях,

Не в одном стяжательстве, конечно.

А в других, «не денежных» делах
Так ли мы порою безупречны?

Женщина, что жулика кляла,
Том стихов из сумочки достала.
Как она его приобрела?
Да когда-то у друзей взяла
И, как говорится, «зачитала»...

Если тайно в магазине взять
С полки книгу – это будет кража.
А у друга взять и «зачитать» —
Тут неловко и сказать-то даже.

А скажи – и впрямь услышишь смех,
Даже вскинет брови в изумленье:
– Не вернула книгу? Вот так грех!
Тоже мне, простите, преступленье!

И подите растолкуйте ей,
Что тому хозяину, быть может,
Книга эта важного важней
И богатства всякого дороже.

Жулик пойман и под стражу взят.
Мягко мчит троллейбус по предместью...
А внутри все спорят и шумят,
И бесчестность подлую бранят
Люди с «незапятнанною честью»!..

1969

«Реалист»

Он проводил свою невесту.
Простился. Обещал звонить.
Не целовал ее в подъезде,
Не умолял повременить.

Нет, он не тот, что в ранней юности,
Когда любовь – сплошной угар.
Он зрел: не молод и не стар.
Ему ли делать эти глупости?

А ведь когда-то, вспомнить странно,
Одной девчонке, день за днем,
Писал стихи, и крал тюльпаны,
И милый профиль постоянно
Повсюду вырезал ножом.

Он мог ходить за нею версты.
И, вспомнить дико, даже мог
Однажды за косынкой пестрой
В одежде прыгнуть в бочажок.

Мечтать с восторгом у калитки
О пальмах южных островов
И быть счастливым от улыбки
Или записки в пару слов.

Он даже тихо рассмеялся:
Действительно – один угар!
И впрямь, зачем тогда им сдался
Какой-то там Мадагаскар?!

Жизнь разлучила их. Кто знает,
Всегда ль реальность неправа?
Он твердо по земле шагает.
А та, он слышал, все мечтает
Про сказочные острова...

Смешно, что будто «дом сутулится»,
Оставьте это для детей!
И светофор не «глазом шурится»,
А лампой в семьдесят свечей.

Нет, жизнь на крыльях не витает,
Тут надо бить наверняка!
Невеста это понимает

И, как и он, на мир взирает
Чуть-чуть с прищуром знатока.

Он шел во мглу многоэтажную
И вряд ли, может быть, и знал,
Что где-то что-то очень важное
Невозвратимо потерял...

1969

Пустые слова

Ну как это можно, не понимаю!
Просто кругом идет голова:
Все время пустые, пустые слова
Тебя, как облаком, окружают.

Цветистые, пестрые, равнодушные,
Они кувыркаются в тишине.
И ты их, словно шары воздушные,
Целыми гроздьями даришь мне.

Люди о ком-то порой говорят:
«Необязательный», «необязательная» —
Какие противные прилагательные!
Я б выбросил к черту их все подряд!

Выходит, что чуть ли не все — пустяк:
Слово дается, слово берется...
Прости, но неужто тебе вот так
И впрямь хорошо на земле живется?!

Возможно ли говорить уверенно:
«Приеду. Сделаю. Буду звонить».
Без тени сомнения говорить
И знать, что ни грамма не будет сделано!

И не смущаясь и в малой мере,
Плыть дальше, зная наверняка,
Что где-то ждут твоего звонка,
Что кто-то в твое обещание верит.

Пустые слова, пустые слова!
Фальшивые копии слов счастливых,
Красивые, словно люпин-трава,
И зло-недобрые, как крапива.

Слова: «До последних минут моих»,
«Верность», «любовь», «счастливая дата»,
Ты так легко произносишь их,
Что даже становится жутковато.

А в шатких местах у тебя готово:
«Честное слово!» Ну не смешно ли?
Зачем произносится: «Честное слово!»?
А все остальные — лживые, что ли?

Жизнь – как придуманная история,
Слова – точно мыльные пузыри.
Зачем тебе вся эта бутафория,
Ответь мне, шут тебя подери!

А впрочем, за все говорят дела,
Которых как раз-то и не бывает.
Душа, не рожающая тепла,
Только пустые слова рождает.

Но мира не будет меж мной и ими!
Пойми и на что-то одно решайся:
Или же ты расставайся с ними,
Или со мной расставайся!

1969

«Раскрепощение»

Ах, как время все-таки коварно
И бездушно, шут его возьми!
И при этом, как это ни странно,
Будьте ему даже благодарны,
Что б оно ни делало с людьми.

«Время мудро. Время все рассудит!»
Слышали! Да только, если ждать,
Многое уж слишком поздно будет.
Потому и надо, чтобы люди
Все умели вовремя решать.

Мы с тобой отнюдь не рассуждали,
Ничего не клали на весы,
Мы лишь то смеялись, то страдали
И с ревнивой яростью считали
«Страшные» минуты и часы.

«Страшным» нам тогда казалось время
Даже самых крохотных разлук.
Нет, не время, а сплошное бремя
Ожиданий и тревожных мук.

– Что случилось? По какой причине?
Ждут тебя, скажи, или не ждут?
Проторчать в каком-то магазине
Ровно час и сорок пять минут!

А через неделю снова драма.
С тем же пылом страсти и тревог:
– Два часа ты смог пробыть у мамы?
Очень мило! Превосходно прямо!
Ну, а больше ты пробыть не мог?!

И вот так, наверно б, день за днем
Острота эмоций клекотала,
Если б ты однажды не сказала:
– А ведь мы неправильно живем!

Это же сплошной «сердечный ад»!
И мои родные, и друзья —
Все одно и то же говорят,
Да и у меня такой же взгляд,
Что, конечно, дальше так нельзя!

Все, что рядом, быстро надоест.
Время мудро. Время все решает.
И оно людей раскрепощает.
А разлука – не медведь, не съест!

И, чтоб как-то интересней жить,
Нам с тобою надо научиться
Не скучать, друг друга не корить,
В разные компании ходить,
Проще говоря – раскрепоститься.

Пусть несхожи в чем-то будут взгляды,
Это даже лучше, наконец.
Волноваться ни о чем не надо,
Время все уладит, как мудрец.

Так вот мы и стали приучаться
Собственными тропами шагать,
Реже спорить, чаще расставаться
И души почти не раскрывать.

Кажется, мы здорово учились,
Постигая «высшие пути»,
И уж до того «раскрепостились»,
Что уж дальше некуда идти...

Да и вправду не забраться выше!
И сейчас, коль говорить всерьез,
Общего у нас – одна лишь крыша,
Остальное все, пожалуй, врозь.

Разлучившись, без волнений пишем
И ответов без тревоги ждем,
Разными понятиями дышим,
Разными надеждами живем.

И когда б мы даже захотели,
Спохватившись, воротить назад
Наш горячий, тот «сердечный ад» —
То уже б навряд ли преуспели.

Если вам однажды доведется
Услыхать, что ревность – это бред,
Что покой в разлуках обретется
И что все с годами утрясется, —
Ни за что не соглашайтесь, нет!

Пусть в любви все чувства говорят —
От обиды и до восхищенья,

Ибо пылкий и «сердечный ад»
Лучше, может случиться, во сто крат,
Чем такое вот «раскрепощенье»!

1969

Стихи о несбывшейся встрече

Я решил сегодня написать
О любви и трепетном свиданье.
Парень будет нервничать и ждать,
Только я не дам ему страдать —
Девушка придет без опоздания.

Щедрым быть – так быть им до конца:
Я, как Бог, смету над ними тучи
И навек соединю сердца!
Пусть твердят, что это редкий случай.

Я сейчас такой наверняка
Оттого, что, веруя сердечно,
Жду в четыре твоего звонка
И хороших слов твоих, конечно.

Ждет и парень, молча прислонясь
К синему газетному киоску.
Вытащил часы в десятый раз
И зажег вторую папироску.

Ничего, всему наступит срок:
Будут звезды и счастливый вечер.
Вот сейчас раздастся твой звонок,
И она шагнет к нему навстречу.

Но за часом час ползет вослед,
Свет фонарный заиграл на лужах,
А звонка все нет, все нет и нет...
И на сердце хуже все и хуже...

И во мраке, не смыкая глаз,
Парень ждет и только брови хмурит,
На часы глядит в двухсотый раз
И уже вторую пачку курит.

Эх, дружище, ты меня прости
За мою нескладную затею!
Я ж все к счастью думал привести,
Только сам остужен на пути,
А кривить душою не умею.

Если сердце не в ладу с пером —
Я с собою не играю в прятки.
Знаешь, друг, мы лучше подождем,

Вдруг мы зря тревогу эту бьем,
Вдруг да будет все еще в порядке?!

Новый день по крышам семенит...
Нет, неладно что-то получается,
Видно, потеряв последний стыд,
Телефон предательски молчит
Да еще как будто улыбается.

Что ж, неужто вышло не всерьез
То, что было так светло и ясно?
Неужели все оборвалось
И стихи о счастье понапрасну?!

Пятый день... Десятый день идет...
У любви терпение безмерно:
Днем и ночью парень ждет и ждет,
Ждет упрямо, преданно и верно.

Только сколько на планете зла?
Ничего от счастья не осталось.
Так она к нему и не пришла.
Очевидно, дрянью оказалась.

1969

Нечестный бой

На земле ничего не бывает без драк —
В прямом и любом переносном смысле.
И если пока существует так,
То пусть над людьми взвивается флаг
Честного боя и честной мысли.

Когда же бросаются вдруг гурьбой
На одного удалцы лихие,
То это такой уж нечестный бой,
Что просто диву даешься порой:
Как только живут подлецы такие?

Лупят расчетливо и умело.
И я, не колеблясь, сказать берусь,
Что только самый последний трус
Способен пойти на такое дело.

Еще бы! Ведь можно сломать любого,
Если кучей на одного.
А главное, риска же никакого!
Полное низкое торжество!

И если такой вот нечестный «бой»
Берет начало порою с детства,
То качество это идет в наследство
И людям с седеющей головой.

Что ж, кулаков тут, пожалуй, нету.
Здесь все бескровно на первый взгляд.
И все же хоть тут и не бьют кастетом,
Но ребра не меньше порой трещат.

И здесь, не в проулке, а в светлом зданье,
Где пальцем не тронет тебя никто,
Все тихо и мирно. Идет собрание.
И вдруг — что-то явно пошло не то...

Выходит один, и другой, и третий,
И разом вдруг кучей на одного!
Слова их то плети, то хитрые сети,
Попробуй осмыслить, найтись, ответить,
Подчас и не выдавишь ничего!

Один растерялся, а те и рады,
И громоздят этажи из лжи.

Ведь сговорились же явно, гады.
А вот попробуй-ка, докажи!

Вина? Да вины-то подчас и нету!
Какая-то мелочь. Но суть не в том.
Им надо сломать его, сжить со света,
И лупит с трибуны за громом гром!

Есть в жизни хорошее слово: спайка.
Мы с детства привыкли хранить его.
Но если кучей на одного,
То это не спайка уже, а шайка!

И среди черт не весьма красивых,
Что прячутся где-то в душевной мгле,
Эта – из самых, увы, трусливых,
Из самых подленьких на земле!

1970

Красота народа

Наконец-то в числе реликвий
Оказались в стране моей
Древний Суздаль, Ростов Великий,
Деревянная вязь Кижей!

Наконец наступили годы
Величаво-седую стать,
Красоту, мастерство народа
Из забвения воскрешать!

Кружевную и величавую,
Белопенную, как прибой,
Неразлучную с русской славою,
С русской радостью и бедой.

Возродить и навек взметнуть
Все, что дорого нам и свято.
Жаль вот только, что не вернуть
То, что прахом легло когда-то.

Сколько яркого озарения
Древних зодчих – певцов труда,
В исторических потрясениях
Бурей сорвано навсегда!..

Впрочем, были еще любители
Штурмовщины и крайних мер.
Где сегодня Христа Спасителя
Храм невиданный, например?

Он стоял над Москвой-рекою,
Гордо вскинув свою главу,
Белым лебедем над водою,
Русской сказкою наяву!..

Кто вернет устремленный в небо,
Что горел, в облаках паря,
Древний храм Бориса и Глеба,
Алый, праздничный, как заря?

И снесли до чего ж умело!
Даже гид не найдет следа.
Как же славно, что с этим делом
Ныне кончено навсегда!

Но сейчас не об этом хочется!..
Слава богу, поди спроси,
Сколько ярких шедевров зодчества
Ныне радует на Руси!

Тех, что стройно-легки, как птицы,
Будь то башня, собор или храм,
У создателей чьих учиться
Не грешно бы в любой столице
И сегодняшним мастерам.

И смогли ведь. Вершили чудо —
Удивишься аж за версту!
Так храните же, люди, всюду
Эту светлую красоту!

И отлично, что комсомолцы
Возрождать взялись старину
С той же страстью, с какой добровольцами
Мчались прежде на целину.

И когда средь новейших зданий,
Прежних красок вернув наряд,
Словно древние могикане,
Храмы праздничные стоят

И горит на заре лучисто
Золотой пожар куполов, —
Лишь таращат глаза туристы,
Не найдя подходящих слов.

А слова будто светом брызжутся,
Даже кружится голова.
Только вслушайтесь: «звонница», «ризница».
Жар малиновый, не слова!

И горды мы, горды по праву
У порогов священных мест.
Словно книги великой главы —
Бородинское поле славы,
Севастопольский комплекс славы,
И Мамаев курган, и Брест!

И сверкают в лучах рассвета
Песней мужества и труда:
Монументы Страны Советов,
Космодромы и города!

Вот вам старое, вот вам новое,

Ну так что же, что рядом, что ж?!
Все ведь кровное, все – история,
Ничего ведь не оторвешь!

Потому так светло и бережно
Нынче связаны навсегда
День вчерашний и день теперешний,
Как с былинным Кремлем звезда!

1970

Стихи о дружбе

Мы не зря считаемся друзьями,
Вместе каждый вздох и каждый шаг,
Вечно жили общими делами,
Только нынче стало между нами
Что-то где-то, видимо, не так...

Спору нет: знакомых в мире много.
Их теряют и находят вновь.
Ну, а дружба, дружба, как любовь, —
Это двухколейная дорога.

Через годы и десятки встреч
Ей бежать стремительно по свету.
И никто не вправе пересечь
Или оборвать дорогу эту.

Это так. Но, знаешь, иногда
Что-то горько душу затуманит.
Коль скалу песчинка перетянет —
Это ведь, пожалуй, ерунда.

Знаешь сам, как я на дружбу прочен:
Что случись — я рядом в тот же час.
Но порой вдруг ты мне нужен очень,
Я звоню, тревожно-озабочен.
— Хорошо, — ты скажешь, — я сейчас!

А потом опять снимаешь трубку:
— Извини, брат, но спешу к другим... —
Так и не пойму я, в чем тут штука:
То ли рюмка где-то, то ли юбка,
То ли новый заграничный фильм.

Дело тут, наверно, не в обиде.
Я могу понять и то и се,
Но, в беде порою друга видя,
Я, наверно, плюнул бы на все!

Знаешь, все не так уж в мире сложно,
Как иные думают, скользя.
Как в любви есть и «нельзя», и «можно»,
Так есть в дружбе «можно» и «нельзя».

Можно спорить, можно ошибаться,
Горячиться, ссориться порой,

Но нельзя душою отстраняться,
Как нельзя ни разу поступаться
Ни любовью общей, ни враждой.

В жизни глупо вздорничать и важничать,
Но не доходить ведь до того,
Чтобы хлебосолить или бражничают
С недругами друга своего.

Что-то тут не очень настоящее,
Что-то от размолвок и разлук,
Что-то, брат, совсем неподходящее
К слову «друг» и понимающую «друг».

Мы с тобой в пути уже давно,
Было все, но только больше светлого.
И сейчас я не писал бы этого,
Если б сердцу было все равно.

Дружба – не апрельская вода.
Здесь зима с теплом не совмещаются,
И потери тут не возмещаются,
«Да» и «нет» здесь только навсегда!

И ничто тут не приходит вновь,
Потому что дружба – это много,
Потому что дружба, как любовь, —
Это двухколейная дорога!

1970

«Как смешно мы пытаемся склеить счастье...»

Как смешно мы пытаемся склеить счастье!
В разговорах уходим от острых тем,
При невзгодах друг другу по большей части
Выражаем придуманное участие
И не делимся сердцем почти совсем.

И, страшась полнейшего отчуждения,
Вспоминаем все чаще бывшие дни,
Будто вправду надеемся, что они
Могут бросить из прошлого якорь спасенья.

Мы, как люди на холоде без пальто,
Что от лени решают согреть друг друга
Лишь одними словами о жарком юге.
– Вспоминаешь ли это?
– А помнишь то?

Как возможно на свете беду грозящую
Легковесными мерами отвести?
Ведь былое... Ну что оно может спасти,
Если отсутствует настоящее?!

1970

Всегда в бою

Когда война катилась, подминая
Дома и судьбы сталью гусениц,
Я был где надо – на переднем крае,
Идя в дыму обугленных зарниц.

Бывало все: везло и не везло,
Но мы не гнулись и не колебались,
На нас ползло чудовищное зло,
И мира быть меж нами не могло,
Тут кто кого – контакты исключались!

И думал я: окончится война —
И все тогда переоценят люди.
Навек придет на землю тишина,
И ничего-то скверного не будет.

Обид и боли годы не сотрут.
Ведь люди столько вынесли на свете,
Что, может статься, целое столетье
Ни ложь, ни зло в сердцах не прорастут.

Имея восемнадцать за спиною,
Как мог я знать в мальчишеских мечтах,
Что зло подчас сразить на поле боя
Бывает даже легче, чем в сердцах?

И вот войны уж и в помине нет,
А порохом тянуть не перестало.
Мне стало двадцать, стало тридцать лет,
И больше тоже, между прочим, стало.

А все живу, волнуясь и борясь.
Да можно ль жить спокойною судьбою,
Коль часто в мире возле правды – грязь
И где-то подлость рядом с добротой?!

И где-то нынче в гордое столетье
Порой сверкают выстрелы во мгле,
И есть еще предательство на свете,
И есть еще несчастья на земле.

И под ветрами с четырех сторон
Иду я в бой, как в юности когда-то,
Гвардейским стягом рдеет небосклон,
Наверно, так вот в мир я и рожден —

С душой поэта и судьбой солдата.

За труд, за честь, за правду и любовь
По подлецам, как в настоящем доте,
Машинка бьет очередями слов,
И мчится лента, словно в пулемете...

Вопят? Ругают? Значит, все как должно.
И, правду молвить, все это по мне.
Ведь на войне – всегда как на войне!
Тут кто кого. Контакты невозможны!

Когда ж я сгину в ветре грозовом,
Друзья мои, вы жизнь мою измерьте
И молвите: – Он был фронтовиком
И честно бился пулей и стихом
За свет и правду с юности до смерти!

1970

Слово к мужчинам

У нас сегодня было бы смешно
Решать вопрос о равноправье женщины.
Оно, как говорится, «обеспечено»
И жизнью всей давно подтверждено.

Мы говорим: жена, товарищ, мать.
Мы произносим: равенство, свобода.
И все-таки природа есть природа,
И что-то здесь не надо забывать.

Ведь часто милым сами ж до зари
Мы шепчем: «Зяблик... Звездочка родная!»
А через год, от силы через три,
Все это тихо, напрочь забываем.

И вот уже вам просто наплевать,
Что «зяблик» ваш, окончив день рабочий,
Такие тащит сумки, между прочим,
Каких и слон не смог бы приподнять!

И почему ж душа у вас не стынет
И на себя не разбирает злость,
Когда вас в дрему телевизор кинет,
А «звездочка» уют в прихожей чинит
Иль в кухне заколачивает гвоздь!

А матери, что дарят день-деньской
Нас лаской и заботами своими...
Они не согласятся на покой,
Но и нельзя ж крутиться им порой
Почти в каком-то тракторном режиме!

Да, никакой их труд не испугает.
Все, если надо, смогут и пройдут.
Но нас это навряд ли возвышает,
И я без колебаний утверждаю:
Есть женский труд и есть неженский труд!

Не зря же в нашем лексиконе есть
Слова или понятие такое,
Как «рыцарство», или «мужская честь»,
Иль попросту «достоинство мужское»!

Нет, ведь не скидка женщине нужна,
А наша чуткость в счастье и кручине.

И если нету рыцарства в мужчине,
То, значит, просто грош ему цена!

И я к мужчинам обращаю речь:
Давайте будем женщину беречь!

1970

Вечная красота

Устав от грома и чада,
От всей городской тесноты,
Человеку порою надо
Скрыться от суеты.

И степи любя, и воды,
Ты все-таки верь словам,
Что лес – это «храм природы».
Лес – он и вправду храм!

И нету на свете средства,
Дающего больше сил.
Ведь с самого малолетства
Он нас красоте учил.

С малиной, с речонкой узкой,
С травами до небес,
Разлапистый, русский-русский,
Грибной и смолистый лес.

В июньское многоцветье
Кинувшись, как в волну,
Скрытый от всех на свете,
Вслушайся в гул столетий
И мягкую тишину.

Взгляни, как рассвет дымится,
Послушай, как синь лесов
Проворней, чем кружевницы
Плетут, расшивают птицы
Трелями всех тонов.

Между кустов склоненных
Паук растянул антенну
И ловит замороженно
Все голоса вселенной.

На рыжем листе букашка
Смешно себе трет живот,
Шмель гудит над ромашкой,
Как маленький самолет.

А в небе, чуть слышный тоже,
Сиреневый хвост стеля,
Летит самолет, похожий

На крохотного шмеля.

И вновь тишина такая,
И снова такой покой,
Что слышно, как пролетает
Листик над головой...

Клены прямые, как свечи,
Стоят перед стайкой ив,
Лапы друг другу на плечи
Ласково положив.

От трав, от цветов дурманных
Почудится вдруг порой,
Что можешь, став великаном,
Скатать, как ковер, поляну
И взять навсегда с собой.

Волшебный снегирь на ветке
С чуть хитроватым взглядом
В красной тугой жилетке
Сидит и колдует рядом.

И вот оживают краски,
И вот уже лес смеется.
За каждым кустом по сказке,
И в каждом дупле – по сказке,
Аукнись – и отзовется...

Как часто в часы волнений
Мы рвемся в водоворот,
Мы ищем людских общений,
Сочувствия, утешений
Как средства от всех невзгод.

А что, если взять иное:
Стремление к тишине.
Душе ведь надо порою
Остаться наедине!

И может, всего нужнее
Уйти по тропе туда,
Где жаром рябина рдеет
И в терпком меду шалфея
Звенит родником вода;

Туда, где душе и глазу
Откроется мудрый мир
И где на плече у вяза

Волшебный поэт снегирь.

1970

О скверном и святом

Что в сердце нашем самое святое?
Навряд ли надо думать и гадать.
Есть в мире слово самое простое
И самое возвышенное – Мать!

Так почему ж большое слово это,
Пусть не сегодня, а давным-давно,
Но в первый раз ведь было кем-то, где-то
В кощунственную брань обращено?

Тот пращур был и темный, и дурной
И вряд ли даже ведал, что творил,
Когда однажды взял и пригвоздил
Родное слово к брани площадной.

И ведь пошло же, не осело пылью,
А поднялось, как темная река.
Нашлись другие. Взяли, подхватили
И понесли сквозь годы и века...

Пусть иногда кому-то очень хочется
Хлестнуть врага словами, как бичом,
И резкость на язык не только просится,
А в гневе и частенько произносится,
Но только мать тут все-таки при чем?

Пусть жизнь сложна, пускай порой сурова,
И все же трудно попросту понять,
Что слово «мат» идет от слова «мать»,
Сквернейшее от самого святого!

Неужто вправду за свою любовь,
За то, что родила нас и растила,
Мать лучшего уже не заслужила,
Чем этот шлейф из непристойных слов?!

Ну как позволить, чтобы год за годом
Так оскорблялось пламя их сердец?!
И сквернословам всяческого рода
Пора сказать сурово наконец:

Бранитесь или ссорьтесь как хотите,
Но не теряйте звания людей:
Не трогайте, не смейте, не грязните
Ни имени, ни чести матерей!

1970

Неравенство

Так уж устроено у людей,
Хотите вы этого, не хотите ли,
Но только родители любят детей
Чуть больше, чем дети своих родителей.

Родителям это всегда, признаться,
Обидно и странно. И все же, и все же
Не надо тут, видимо, удивляться
И обижаться не надо тоже.

Любовь ведь не лавр под кудрявой кущей.
И чувствует в жизни острее тот,
Кто жертвует, действует, отдает,
Короче: дающий, а не берущий.

Любя безгранично детей своих,
Родители любят не только их,
Но плюс еще то, что в них было вложено:
Нежность, заботы, труды свои,
С невзгодами выигранные бои,
Всего и назвать даже невозможно!

А дети, приняв отеческий труд
И становясь усатыми «детками»,
Уже как должное все берут
И покровительственно зовут
Родителей «стариками» и «предками».

Когда же их ласково пожурят,
Напомнив про трудовое содружество,
Дети родителям говорят:
– Не надо, товарищи, грустных тирад!
Жалоб поменьше, побольше мужества!

Да, так уж устроено у людей,
Хотите вы этого, не хотите ли,
Но только родители любят детей
Чуть больше, чем дети своих родителей.

И все же – не стоит детей корить.
Ведь им не всегда щебетать на ветках.
Когда-то и им малышей растить,
Все перечувствовать, пережить
И побывать в «стариках» и «предках»!

1970

Праздничный день

Если б спросить вам на ум пришло:
– Какой нынче праздник? – то спросите зря.
На всех листочках календаря
Самое будничное число.

Ни ярких событий, ни красной даты,
Ни просто памятной всем строки.
А если что-то и было когда-то,
То, видно, сущие пустяки.

И только, может быть, мы с тобою
Знаем на целой земле сейчас,
Какой удивительной красотою
Безвестная дата горит подчас!

Лишь мы... Потому что на всей планете
Такой сумасшедше-хмельной накал,
Пускай не спорят, никто на свете
Ни до, ни после еще не знал.

Стучат каблуки вдоль проспектов людных,
И мне непонятно сейчас чуть-чуть,
Что нынче и впрямь для кого-то будни,
А, впрочем, пускай! И не в этом суть.

Да, есть на земле и другие даты,
И кто-то, наверно, был счастлив тоже,
И кто-то кого-то любил когда-то,
Не так, безусловно, как мы, а все же...

Ах, как же ты славно смеешься, право!
Взгляни, сколько в мире горит огней!
Машут деревья, кивают травы,
И праздник подмигивает лукаво
Со всех листочков календарей.

1970

О том, чего терять нельзя

Нынче век электроники и скоростей.
Нынче людям без знаний и делать нечего.
Я горжусь озареньем ума человеческого,
Эрой смелых шагов и больших идей.

Только, видно, не все идеально в мире
И ничто безнаказанно не получается:
Если рамки в одном становятся шире,
То в другом непременно, увы, сужаются.

Чем глазастей радар, чем хитрей ультразвук
И чем больше сверхмощного и сверхдальнего,
Тем все меньше чего-то наивно-тайного,
Романтически-сказочного вокруг.

Я не знаю, кто прав тут, а кто неправ,
Только что-то мы, видно, навек спугнули.
Сказка... Ей неуютно в ракетном гуле,
Сказке нужен скворечник и шум дубрав.

Нужен сказке дурман лугового лета,
Стук копыт, да мороз с бородой седой,
Да сверчок, да еще чтоб за печкой где-то
Жил хоть кроха, а все-таки домовой...

Ну, а мы, будто в вихре хмельного шквала,
Все стремимся и жить и любить быстрее.
Даже музыка нервной какой-то стала,
Что-то слишком визгливое слышится в ней.

Пусть река – не ожившая чья-то лента
И в чащобах не прячутся колдуны,
Только людям нужны красивые сны,
И Добрыни с Аленушками нужны,
И нельзя, чтоб навеки ушла легенда.

Жизнь скучна, обнаженная до корней,
Как сверх меры открытая всем красавица.
Ведь душа лишь тогда горячо влюбляется,
Если тайна какая-то будет в ней.

Я – всем сердцем за технику и прогресс!
Только пусть не померкнут слова и краски,
Пусть хохочет в лесах берендеевский бес,
Ведь экстракт из хвои не заменит лес

И радар никогда не заменит сказки!

1970

Весенняя песня

Гроза фиолетовым языком
Лижет с шипеньем мокрые тучи.
И кулаком стопудовым гром
Струи, звенящие серебром,
Вбивает в газоны, сады и кручи.

И в шуме пенистой кутерьмы
С крыш, словно с гор, тугие потоки
Смывают в звонкие водостоки
Остатки холода и зимы.

Но ветер уж вбил упругие клинья
В сплетения туч. И усталый гром
С ворчаньем прячется под мостом,
А небо смеется умытой синью.

В лужах здания колыхаются,
Смешные, раскосые, как японцы.
Падают капли. И каждая кажется
Крохотным, с неба летящим солнцем.

Рухлядь выносятся с чердаков,
Забор покрывается свежей краской,
Вскрываются окна, летит замазка,
Пыль выбивается из ковров.

Весна даже с душ шелуху снимает:
И горечь, и злость, что темны, как ночь,
Мир будто кожу сейчас меняет.
В нем все хорошее прорастает,
А все, что не нужно, долой и прочь!

И в этой солнечной карусели
Ветер мне крикнул, замедлив бег:
– Что же ты, что же ты в самом деле,
В щебете птичьем, в звоне капли
О чем пригорюнился, человек?!

О чем? И действительно, я ли это?
Так ли я в прошлые зимы жил?
С теми ли спорил порой до рассвета?
С теми ли сердце свое делил?

А радость-то – вот она – рядом носится,
Скворцом заливается на окне.

Она одобряет, смеется, просится:
– Брось ерунду и шагни ко мне!

И я (наплевать, если будет странным)
Почти по-мальчишески хохочу.
Я верю! И жить в холодах туманных,
Средь дел нелепых и слов обманных,
Хоть режьте, не буду и не хочу!

Ты слышишь, весна? С непогодой – точка!
А вот будто кто-то разбил ледок, —
Это в душе моей лопнула почка,
И к солнцу выпрямился росток.

Весна! Горделивые свечи сирени,
Солнечный сноп посреди двора,
Пора пробуждений и обновлений —
Великолепнейшая пора!

1970

Главная встреча

Фонарь в ночной реке полощет бороду.
Дрожит рекламы розовая нить.
Давай пойдем вдвоем с тобой по городу
И будем много, много говорить!

Пусть пары по скамеечкам ютятся,
Целуясь между слов и между фраз,
А мы с тобой не станем целоваться,
Нам это все не главное сейчас.

Нам, может быть, важнее в этот вечер
Раскрыть себя друг другу до конца.
Как жили мы до первой нашей встречи
И чем горели души и сердца.

Ни светлое не спрячем, ни дурное,
Все увлечения, каждый жест и взгляд,
Все что ни есть – решительно откроем,
Пусть даже будет что-то и такое,
О чем порой другим не говорят...

Не любопытства ради, нет, не ради!
А потому, и только потому,
Что искра лжи, сокрытая в засаде,
Потом пожаром прорезает тьму.

Все нараспашку, настежь, как в полет!
Чтоб ни соринки, ни единой фальши!
Вот так, и только так, как звездолет,
Взлетит любовь взволнованная наша.

Ведь лишь из чистых и глубоких струй
Приходит к людям подлинная сказка,
Где все прекрасно: и слова, и ласка,
И каждый вздох, и каждый поцелуй.

1970

«Микрофонные» голоса

Улыбка, открытые плечи.
Сказочные ресницы.
Шумный эстрадный вечер,
На сцене поет певица.

Голос, раздвинув стены,
Рушится лавой снежной.
И хоть он ничуть не нежный,
Но мощный зато отменно.

И вдруг нелепая штука
(Ну, надо же так случиться!):
Рот открывает певица —
И... никакого звука!

В каком-то смешном молчанье —
Движения губ и рук.
Словно на телеэкране,
Если выключить звук.

Зал охнул и рассмеялся.
– В чем дело? – А весь «пассаж»
Техникой объяснялся:
Взял микрофон и сломался,
Сломался, да и шабаш!

А у певицы этой
(В том-то и весь секрет!)
Есть все: и страсть, и браслеты,
И платье броского цвета,
Вот голоса только нет...

Забавно? Да нет, не очень!
Что ж будет в конце концов?
И сколько же, между прочим,
Сейчас вот таких певцов!

Давно ль были главным не волосы,
Не жест и не цвет лица.
Певец начинался с голоса.
Нет голоса – нет певца!

И вдруг откуда-то выплыли
На сцену с недавних пор
Какие-то сиплые, хриплые,

Ну, словно как на подбор!

Выходят непринужденно
И, безголосье скрывая,
Пищат, почти припадая
К спасительным микрофонам.

Знаю: есть исключения,
Но я сегодня отставил их.
Речь мы ведем о правилах,
И я говорю о пении.

Неужто поздно иль рано
Голоса трель соловьиную
Заменит стальная мембрана,
Вопящая по-ослиному?!

Пусть в конвульсивном вое
Хрипят безголосо где-то.
А нам для чего такое?
У нас-то откуда это?!

И разве же это дело —
Жужжать в микрофон шмелями?
Неужто же оскудела
Земля моя соловьями?

Такими, что разом кинут
В тоску тебя и в веселье,
Душу из тела вынут
И в сердце дохнут метелью!

Да чтоб жило горение,
Дающее чудеса,
К чертям безголосое пение,
Да здравствуют голоса!

1970

Счастливым человеком

Кто и каков счастливый человек?..
Я лично так бы на вопрос ответил:
Счастливее тот, кто получил навек
Две песни – две любви на белом свете.

Не надо шуток и «уймитесь, страсти»!
Не двоеженство. Не об этом речь.
Да, две любви. И каждую сберечь —
Как раз и будет настоящим счастьем!

Нет, далеко не все и не всегда
Могли б сказать: «Люблю свою работу.
Готов трудиться до седьмого пота
И счастлив от любимого труда!»

И я уверен, даже твердо знаю,
Что в этой самой светлой из страстей
Есть что-то от любви к родному краю,
К своим друзьям и к Родине своей.

Но как моря не могут жить без рек,
Как без дождей земля оскудевает,
Так без любви сердечной человек
Духовно в чем-то все же прозябает.

Не зря о ней и пишут, и поют,
Не зря о ней так радостно мечтается.
И как ни славен человеческий труд,
А нежность все же нежностью останется.

Тут ни замен и ни сравнений нет.
Не будем путать двух прекрасных миссий.
Да и народ рождается на свет
Не от ученых формул и трансмиссий.

Да, две любви в одном рукопожатье,
Как два крыла, берущие разбег.
Иначе говоря – любовь в квадрате.
И кто обрел их – по моим понятиям,
Счастливейший на свете человек!

1971

Высота

Под горкой в тенистой сырой лощине,
От сонной речушки наискосок,
Словно бы с шишкинской взята картины,
Бормочет листвой небольшой лесок.

Звенит бочажок под завесой мгlistой,
И, в струи его с высоты глядясь,
Клены стоят, по-мужски плечисты,
Победно красую своей гордясь.

А жизнь им и вправду, видать, неплоха:
Подружек веселых полна лощина...
Лапу направо протянешь – ольха,
Налево протянешь ладонь – осина.

Любую только возьми за плечо,
И ни обид, ни вопросов спорных.
Нежно зашепчет, кивнет горячо
И тихо прильнет головой покорной.

А наверху, над речным обрывом,
Нацелясь в солнечный небосвод,
Береза – словно летит вперед,
Молодо, радостно и красиво...

Пусть больше тут сухости и жары,
Пусть щеки январская стужа лижет,
Но здесь полыхают рассветов костры,
Тут дали видней и слышней миры,
Здесь мысли крылатей и счастье ближе.

С достойным, кто станет навечно рядом,
Разделит и жизнь она и мечту.
А вниз не сманить ее хитрым взглядом,
К ней только наверх подыматься надо,
Туда, на светлую высоту!

1971

«И что же это в людях за черта...»

И что же это в людях за черта:
Сердечность, что ли, ценят нынче дешево?
Ну сколько ты ни делаешь хорошего,
В ответ тебе – ну просто ни черта!

Хороших душ достаточно у нас,
Но как-то так частенько получается,
Что всех теплее тот и улыбается,
Кому ты нужен попросту сейчас.

А сделаешь хорошее ему —
И кончено! Как будто отрубил.
Теперь уже ты больше ни к чему,
И он тебя почти и позабыл.

И как-то сразу горько оттого,
Что сам себя ты вроде обманул.
Кому-то взял и душу распахнул —
И в общем, неизвестно для чего!

Так стоит ли для этих или тех,
Как говорится, расшибаться в прах?!
Не лучше ль плюнуть попросту на всех
И думать лишь о собственных делах?

Вот именно: души не волновать,
Жить для себя, неслышно, как скупец.
Слегка черстветь и что-то наживать,
Но если так вот свинством обрастать,
То ведь начнешь же хрюкать, наконец!

Нет, все равно оно не пропадет —
Однажды совершенное добро.
Как не ржавеет в мире серебро,
Так и оно когда-то да сверкнет.

И ты, идя среди добра и зла,
Не одинок в отзывчивой судьбе.
Признайся сам: ведь добрые дела
Когда-то кто-то делал и тебе.

Ведь коли жить и сердцем не скудеть,
Познаешь все: и радости, и снег.
Но если ты – хороший человек,
То стоит ли об этом сожалеть?!

1971

24 декабря

Этот листочек календаря
Особенным кажется почему-то.
Двадцать четвертое декабря —
День прибавился на минуту!

Вчера еще солнце шурило глаз,
Так, словно было на всех надуту.
И вдруг улыбнулось. И день сейчас
Семь часов и одна минута!

Минута. Ну что там она дает?!
И света намного ли больше брызнет?
Но эта минута – солнцеворот!
Первый, радостный лучик жизни.

По книгам старинным пришло Рождество.
Пусть так. Но для нас Рождество не это.
Есть более яркое торжество:
В холодной зиме зародилось лето!

И пусть еще всюду мороз и снег,
Но тьма уже дрогнула, отступает...
Припомни, ведь и с тобой, человек,
Вот так же точно порой бывает.

Вспомни, как тяжело пережил ты
Недуг иль тоску, что бездонней моря,
Потерю близкого, крах мечты —
Короче: большое-большое горе.

Казалось, ни жить, ни дышать нельзя,
Что мрак навсегда в твою душу ляжет,
Что кончились радости, смех, друзья,
А сердце стало чернее сажи...

Но время, не зря говорят, – река,
А в ту же реку не входят дважды.
И как твоя рана ни глубока,
И как ни терзает тебя тоска,
Но вспомни-ка, вспомни, как ты однажды

Вдруг, слушая музыку, вновь постиг,
Заметил, как мчатся над речкой утки,
А где-то, пускай на короткий миг,
Вдруг улыбнулся какой-то шутке.

Пусть мир еще тесен, словно каюта,
Печаль не исчезла и не прошла,
И все-таки дрогнула в сердце мгла!
День прибавился на минуту!

А довелось ли тебе познать
Любовь настоящую, но несчастливую,
Сначала – большую, сначала – красивую,
Потом – словно плеть, оскорбительно-лживую,
Такую, что лучше не вспоминать?!

И было обиду ни смыть, ни измерить.
Казалось, все лживо: и мрак, и свет.
Что честных людей уже в мире нет
И больше нельзя ни любить, ни верить.

И дичью казались любые страсти,
Все ведь кругом для себя живут,
А те, что кричат о любви и счастье, —
Либо ломаются, либо лгут!

И все же тоска не живет до гроба!
Есть в жизни и мудрость, и свой резон.
Ведь человек не рожден для злобы,
Он для хорошего в мир рожден.

Помнишь, как вдруг ты светло проснулся?
Нет, боль не прошла, не исчезла, нет!
Но ты точно к людям вдруг потянулся,
От доброй улыбки не отвернулся,
А как-то тепло посмотрел в ответ...

Нет, нет, спохватясь, не смотри уныло,
Себя не брани, не пугайся зря.
Это в душе твоей наступило
Двадцать четвертое декабря!

Чувствуешь: беды отходят прочь,
Сердце легким стучит салютом...
Кончилась самая длинная ночь,
День прибавился на минуту!

1971

Клейкие руки

Сколько рук мы в жизни пожимаем,
Ледяных и жарких, как огонь!
Те мы помним, эти – забываем,
Но всегда ль, где надо, ощущаем,
Что пожали «клейкую ладонь»?

Руки эти вроде бы такие,
Как у всех. Но к пальцам этих рук
Липнет все: предметы дорогие
И совсем дешевые, любые.
Руки-щуки, даже хуже щук.

Надо ли греметь о них стихами?
Может, это проза, ерунда?
Надо, надо! Ибо вместе с нами
Руки эти всюду и всегда.

Очень надо! Потому что нету
Ничего, наверное, подлей,
Чем лишенный запаха и цвета
Этот самый ядовитый клей.

На полях, на фабриках, в науке,
Рядом с жизнью честной и прямой,
Липкие и подленькие руки
Вечно прячут что-то за спиной.

И отнюдь как будто бы не воры,
Скажешь так – презреньем обольют,
А ведь тащат, а ведь прут и прут
Все, что скрыто от чужого взора.

Посмотрите только: что же это?
Вроде бы по крохам тут и там:
Овощи, продукты, сигареты,
Лаки, пряжа, плитка для паркета —
Так и липнут к этим вот рукам.

Прут со строек плинтусы и доски!
Без зазренья совести берут
Краски, гвозди, ящики с известкой.
Дай им денег да стакан «Московской»,
И фундамент, кажется, упрут!

Клейкие, пронырливые руки!

Как сыскать спасения от них?!
И в литературе, и в науке
Тащат строчки, мысли. Эти «щуки»
Во сто крат зубастее речных.

У себя – кощеевское царство:
За копейку слопают живьем.
Вот иное дело – государство.
Тут – раздолье! Наберись нахальства
И тащи. Не жалко, не свое!

А ведь в целом это – миллионы!
Это спирта целая Ока,
Тонны рыбы, Эльбрусы капрона,
Айсберги бетона и картона,
Горы хлеба, реки молока!

И пока от житницы Отчизны
Этих рук, как псов, не отогнать,
О какой там распрекрасной жизни
Можно говорить или мечтать?

Кто-то скажет с удивленным взглядом:
– Ну о чем тут, извините, речь?
Есть закон, милиция...
– Не надо!
Этим зла под корень не пресечь!

– Нет, – скажу я, – дорогие люди,
Зло это подвластно только нам.
Ничего-то доброго не будет,
Если каждый резко не осудит
И не хлопнет где-то по рукам.

Вот по тем, что хапают и прячут.
Чтоб отсохли, к черту, как одна!
Ничего, что трудная задача.
Мы ее осилим, а иначе
Грош нам всем, товарищи, цена!

1971

За десять минут до свидания

Ты загадочно в зеркале отражаешься,
Чуть качаешь хорошенькой головой,
Ты сейчас на свиданье со мной собираешься,
Все улыбки и стрелы готова в бой.

А свиданья и вправду у нас как бои,
То капризы, то споры при каждой встрече,
И в душе уж не то чтобы соловьи —
Но порой даже зяблики не щебечут.

За горячность мою, за сердечный свет,
Ты мне, словно в насмешку, всегда в награду
Каждым жестом своим говоришь – не надо!
Каждым словом своим отвечаешь – нет!

Только радость, наверное, никогда
На сплошных отрицаниях жить не может.
Ей нужны, как живительная вода,
Только «да», понимаешь, одни только «да».
Ну и щедрость души, вероятно, тоже.

А не то постоит она, подождет
И промолвит: – Да стоит ли ждать напрасно?!
А потом безнадежно рукой махнет
И добавит: – Да ну их, глупцов несчастных!

А без радости сразу всему конец!
А без радости в жизни какая сладость?
А без радости что за накал сердец?
А без радости видется что за радость?

Я не знаю, как сложится жизнь твоя,
Только время не век же звенит игрушкой!
И однажды, скажу тебе не тая,
Ты проснешься вдруг старенькою старушкой.

Вспомнишь всех: кто встречал тебя, кто забыл,
И воскликнешь вдруг, горько всплеснув руками:
– А ведь он-то, пожалуй, один и был,
Кто всерьез и вправду меня любил! —
И начнешь торопливо греметь шкапами.

Вынешь платье, зеленое, как волна,
И пушистую беличью пелерину,
Но посмотришься в зеркало – седина!..

Но посмотришь на руки – одни морщины!..

Тихо сядешь, стянув пелерину с плеч,
И промолвишь раздумчиво и серьезно:
– Надо вовремя было любовь беречь,
А сегодня не нужно ни слов, ни встреч,
А сегодня, голубушка, слишком поздно!..

Ты загадочно в зеркале отражаешься,
Чуть качаешь хорошенькой головой,
Ты сейчас на свиданье со мной собираешься,
Все улыбки и стрелы готова в бой.

Вот бежишь, каблучками стуча на ходу.
Что скрывать! Я действительно очень жду.
И однако же, чтобы сберечь хорошее,
Все, что сказано выше, – имей в виду!

1971

Раздумье о подлецах

Прожив совсем не долгий век,
Скончался славный человек,
Из тех, о ком скорбят друзья,
Кого забыть нельзя.

Он честным был, любил шутить,
Хоть бед знавал немало.
Умел работать, петь, любить,
Такому б только жить да жить!
И вот его не стало...

Хороший по земле пройдет,
Глядишь, уж нет его.
А вот мерзавец – тот живет,
Мерзавцу – ничего!

Мерзавец, он везуч, как черт,
Легки его дела:
Он даже тем, наверно, горд,
Что мать не сделала аборт
Да плюс к тому, как высший сорт,
В рубашке родила.

Таким и впредь во всем везет,
От службы и до карт.
Ни хворь, ни черт их не берет,
Ни гром и ни инфаркт!

Шучу, конечно. Впрочем, я
Подумал вот о чем:
Что, может, где-то мы, друзья,
Их сами бережем?!

Рукою машем – наплевать!
Мол, наша хата с краю.
А тем, кому бы руку дать,
И там, где надо помогать,
Идем, не помогая.

И вот, прожив недолгий век,
Скончался славный человек,
Из тех, о ком скорбят друзья,
Кого забыть нельзя.

Его никто не убивал,

Не бил ничем в лицо,
Но сколько он переживал
И сколько раз порой страдал
От разных подлецов!

Они, как филины, впотьмах,
Не жди, не пощадят,
И душу вымотают в прах,
И жизнь укоротят!

Неужто мутная волна
Зальет нам яркий свет?
И станет жизнь скучным-скучна,
И станет жизнь темным-темна,
И я отвечу: – Нет!

Настанет день в конце концов,
Когда увидят люди
Среди музейных образцов
Последнего из подлецов
В запаянном сосуде.

Он будет нужен для того,
Чтоб жизнь не стала гаже,
Чтоб все смотрели на него
И сплевывали даже!

Чтоб различали мрак и свет
Они в сердцах своих
И чтоб возник иммунитет
На много-много сотен лет
От подлости у них!

1971

«Ах, как все относительно в мире этом...»

Ах, как все относительно в мире этом!..
Вот студент огорченно глядит в окно,
На душе у студента темным-темно:
«Запорол» на экзаменах два предмета...

Ну а кто-то сказал бы ему сейчас:
– Эх, чудила, вот мне бы твои печали!
Я «хвосты» ликвидировал сотни раз,
Вот столкнись ты с предательством милых глаз —
Ты б от двоек сегодня вздыхал едва ли!

Только третий какой-нибудь человек
Улыбнулся бы: – Молодость... Люди, люди!..
Мне бы ваши печали! Любовь навек...
Все проходит на свете. Растает снег,
И весна на душе еще снова будет!

Ну а если все радости за спиной,
Если возраст подует тоскливой стужей
И сидишь ты, беспомощный и седой, —
Ничего-то уже не бывает хуже!

А в палате больной, посмотрев вокруг,
Усмехнулся бы горестно: – Ну, сказали!
Возраст, возраст... Простите, мой милый друг,
Мне бы все ваши тяготы и печали!

Вот стоять, опираясь на костыли,
Иль валяться годами (уж вы поверьте),
От веселья и радостей всех вдали, —
Это хуже, наверное, даже смерти!

Только те, кого в мире уж больше нет,
Если б дали им слово сейчас, сказали:
– От каких вы там стонете ваших бед?
Вы же дышите, видите белый свет,
Нам бы все ваши горести и печали!

Есть один только вечный пустой предел...
Вы ж привыкли и попросту позабыли,
Что, какой ни достался бы вам удел,
Если каждый ценил бы все то, что имел,
Как бы вы превосходно на свете жили!

1971

Клеветники

Я не знаю, ну что это в нас такое
И какой это все приписать беде?
Только слыша подчас про людей дурное,
Мы легко соглашаемся, а порою
Даже верим заведомой ерунде.

И какой все нелепою меркой мерится.
Вот услышит хорошее человек,
Улыбнется: как видно, не очень верится,
А плохое запомнит почти навек.

То ль кому-то от этого жить острее,
То ли вправду не ведают, что творят,
Но, чем сплетня обиднее и глупее,
Тем охотней и дольше ее твердят.

А раз так, то находятся «мастера»,
Что готовы, используя глупость эту,
Чье-то имя, поддев на конец пера,
Очернить и развеять потом по свету.

И ползут анонимки, как рой клопов,
В телефонные будки, на почты, всюду,
Чтоб звонками и строчками лживых слов
Лицемерить и пакостить, как иуды!

Но всего удивительней, может случиться,
Что встречаются умные вроде люди,
Что согласны копаться и разбираться
В той, плевка-то не стоящей даже груде!

А «жучки-душееды» того и ждут:
Пусть покрутится, дескать, и пусть попляшет!
Сколько крови попортит, пока докажет,
Говоря фигурально, «что не верблюд»!

А докажет – не важно! Не в том секрет.
Все ведь было разыграно «честь по чести»!
И нередко свой прежний авторитет
Человек получает с инфарктом вместе...

А порою, как беженец на пожарище,
Он стоит и не знает: с чего начать?
Гром затих, только силы откуда взять?
Нет, нельзя и неправильно так, товарищи!

Пусть умел и хитер клеветник подчас,
И на хвост наступить ему часто сложно,
Только дело в конечном-то счете в нас,
И бороться с мерзавцами все же можно!

Коли сплетня шмелем подлетит к плечу,
Не кивай, а отрежь, как ножом: – Не верю!
Нет, не то чтоб: «подумаю» и «проверю»...
А: – Не верю, и кончено. Не хочу!

А случилось письмо тебе развернуть,
Где коварства – преподлое изобилие,
Ни обратного адреса, ни фамилии,
Плюнь, порви и навеки о нем забудь!

Если ж вдруг в телефонные провода
Чей-то голос ехидное впустит жало,
Ты скажи ему: – Знаешь, иди куда? —
И спокойно и тихо пошли туда,
Где хорошего, в общем-то, очень мало...

И, конечно же, если мы неустанно
Будем так вот и действовать всякий раз,
То без пищи, без подленького тумана
Все подонки, как черные тараканы,
Перемерут как один, уверяю вас!

1971

Лебединая песня

Может, есть предначертанье где-то
В том, что, как далекая звезда,
Скульпторы, художники, поэты
Вспыхнут вдруг неповторимым светом
Прежде, чем погаснуть навсегда.

И поэма та или картина,
Может статься, исстари была
Чем-то вроде песни лебединой
На границе стужи и тепла.

Станешь, нет ли оттого известней,
Но важнее не было в судьбе,
Чем проститься лучшей своей песней
С тем, что было дорого тебе.

Я ж и сам, наверное, не знаю
Взятых рубежей, когда порой,
Радуюсь, волнуясь и страдая,
Завершаю труд очередной.

Выйдет книга – и бывает ясно,
Что не зря звенела голова,
Что кипел душою не напрасно:
Люди пишут теплые слова!

А статьи то колют, то кусают.
Что ж, дела не так уж и плохи!
Недруги, они ведь понимают,
И, уж коли стрелами пронзают,
Значит, пишешь крепкие стихи!

И тогда вдруг на мгновенье где-то
Дунет в сердце ветер-снеговой,
Ну, а что, как будет книга эта
Песней лебединою моей?!

Но затем спрошу: – А ну-ка, милый,
Подсчитай-ка, если не секрет:
Все ли ты исчерпал свои силы? —
И отвечу сам: – Конечно, нет!..

Я еще покуда подышу,
Ибо завтра крепче напишу!

1972

Дайте спокойствие человеку!

Странною жизнью живет человек:
Чуть ли не всем овладел на свете!
Только и слышишь: «Атомный век,
Квантовый век, электронный век,
Плазма, космическое столетье».

Но вместо того, чтобы день за днем
Чувствовать радости обновления,
Мы словно бы нервно всегда живем
Под током высокого напряжения.

Ну разве когда-нибудь было так,
Чтоб земли хоть раз расцвели содружеством,
Чтоб кто-то нигде не звенел оружием
И злобой не тлел никакой очаг?!

А хочется, хочется, чтоб года
Мирно, как звезды, смотрелись в реку.
Нельзя нервотрепками жить всегда,
Дайте спокойствие человеку!

Нет, не спокойствие равнодушия,
А ясность и радостные волнения.
Ведь горькие, нервные напряжения
Хуже порой любого удушья.

Как мы страдаем от разных ссор,
Срываемся, грубо браним кого-то.
Резкое слово же, как топор,
Порой вдруг навек отсекает что-то.

Когда же мы сможем остановить
Стычек и распрей дурную выюгу?
Нельзя с нервотрепками вечно жить
И укорачивать жизнь друг другу!

Нельзя ни позволить, ни допустить,
Чтоб ради справки или решения
Чинуши, которых не прошибить,
Могли посетителя доводить
Почти до полного иступления.

Нельзя, чтоб на улицах и балконах
Гремели, сомкнуть не давая глаз,
«Спидолы», гитары, магнитофоны,

Чтоб где-то в бутылочном перезвоне
Плясала компания в поздний час.

Неужто должны и теперь кварталы
Трястись под тяжелый трамвайный гром?
И люди, с работы придя устало,
Обязаны слушать, как самосвалы
Ревут неистово за окном?!

То громом, то шумом, то злостью фраз
Как же мы нервы друг другу гложем.
Нет, как-то не так мы живем подчас,
Честное слово, не так, как можем!

Не десять ведь жизней дается нам,
И надо сказать и себе, и веку:
Долой нервотрепку ко всем чертям,
Дайте спокойствие человеку!

1972

Церковь в Переделкине

Не сразу поймешь: какой это век?
Москва. Переделкино. В доме сонном
С утра просыпается человек,
Разбужен густым колокольным звоном.

Сперва будто сом ударит хвостом:
Бо-о-ом!
Затем поменьше колокола:
Динь-ла! Динь-ла!

А дальше как маленьких птиц перезвон:
Длинь-дон! Длинь-дон!

И люди идут, и люди идут,
Одни – чтобы истово помолиться,
Другие, их тоже немало тут,
Скорей из праздного любопытства.

Нет, я не смеюсь над искренней верой,
Взывающей к миру и доброте.
Пусть каждый живет со своею мерой,
Но сколько ж там всяческих лицемеров,
Всуре бормочущих о Христе!

И что же за души в иных скрываются?
Ведь где только можно урвать спешат.
Потом перед Богом трусливо каются,
А завтра безбожно опять грешат!

Легка молитвенная дорога:
Ничем ведь не жертвуешь никому.
Но если и впрямь вы верите в Бога,
Так отдавали бы хоть немного
Сердца ближнему своему.

Катится медленный звон окрест
По крышам, снегам и сосновой хвойности.
А сверху горит золоченый крест —
Символ вечности и спокойности.

Рядом же эхом по всем лесам
Разносится грохот с могучим свистом.
Там – Внуковский аэродром. И там
Вместе возносятся к небесам
Прихожане и атеисты.

И, вскинув к звездам победный гром,
Над рощей, над всею землей, над веком
Блестит самолет гигантским крестом,
Как символ дерзости человека!

1972

Роза друга

За каждый букет и за каждый цветок
Я людям признателен чуть не до гроба.
Люблю я цветы! Но среди них особо
Я эту вот розу в душе сберег.

Громадная, гордая, густо-красная,
Благоухая, как целый сад,
Стоит она, кутаясь в свой наряд,
Как-то по-царственному прекрасная.

Ее вот такую взрастить сумел,
Вспоив голубою водой Севана,
Солнцем и песнями Еревана,
Мой жизнерадостный друг Самвел.

Девятого мая, в наш день солдатский,
Спиной еще слыша гудящий ИЛ,
Примчался он, обнял меня по-братски
И это вот чудо свое вручил.

Сказал: – Мы немало дорог протопали.
За мир, что дороже нам всех наград,
Прими же цветок как солдат Севастополя
В подарок от брестских друзей-солдат.

Прими, дорогой мой, и как поэт
Этот вот маленький символ жизни,
И в память о тех, кого с нами нет,
Чьей кровью окрашен был тот рассвет —
Первый военный рассвет Отчизны.

Стою я и словно бы онемел...
Сердце вдруг сладкой тоскою сжало.
Ну, что мне сказать тебе, друг Самвел?
Ты так мою душу сейчас согрел...
Любого «спасибо» здесь будет мало!

Ты прав: мы немало прошли с тобой,
И все же начало дороги славы —
У Бреста. Под той крепостной стеной,
Где принял с друзьями ты первый бой,
И люди об этом забыть не вправе!

Чтоб миру вернуть и тепло и смех,
Вы первыми встали, голов не пряча,

А первым всегда тяжелее всех
Во всякой беде, а в войне – тем паче!

Мелькают рассветы минувших лет,
Словно костры у крутых обочин.
Но нам ли с печалью смотреть им вслед?!
Ведь жаль только даром прошедших лет,
А если с толком – тогда не очень!

Вечер спускается над Москвой,
Мягко долив позолоты в краски,
Весь будто алый и голубой,
Праздничный, тихий и очень майский.

Но вот в эту вешнюю благодать
Салют громыхнул и цветисто лопнул,
Как будто на звездный приказ прихлопнул
Гигантски-огненную печать.

То гром, то минутная тишина,
И вновь, рассыпая огни и стрелы,
Падает радостная волна,
Но ярче всех в синем стекле окна —
Пламенно-алый цветок Самвела!

Как маленький факел горя в ночи,
Он словно растет, обдавая жаром.
И вот уже видно, как там, в пожарах,
С грохотом падают кирпичи;

Как в зареве, вздыбленном, словно конь,
Будто играя со смертью в жмурки,
Отважные, крохотные фигурки,
Перебегая, ведут огонь.

И то, как над грудой камней и тел,
Поднявшись навстречу свинцу и мраку,
Всех, кто еще уцелеть сумел,
Бесстрашный и дерзкий комсорг Самвел
Ведет в отчаянную атаку.

Но, смолкнув, погасла цветная выюга
И скрылось видение за окном.
И только горит на столе моем
Пунцовая роза – подарок друга.

Горит, на взволнованный лад настроив,
Все мелкое прочь из души гоня,
Как отблеск торжественного огня,

Навечно зажженного в честь героев!

1972

«Когда порой влюбляется поэт...»

Когда порой влюбляется поэт,
Он в рамки общих мерок не вмещается,
Не потому, что он избранник, нет,
А потому, что в золото и свет
Душа его тогда переплавляется.

Кто были те, кто волновал поэта?
Как пролетали ночи их и дни?
Не в этом суть, да и неважно это.
Все дело в том, что вызвали они!

Пускай горды, хитры или жеманны, —
Он не был зря, сладчайший этот плен.
Вот две души, две женщины, две Анны,
Две красоты – Оленина и Керн.

Одна строга и холодно-небрежна.
Отказ в руке. И судьбы разошлись.
Но он страдал, и строки родились:
«Я вас любил безмолвно, безнадежно».

Была другая легкой, как лоза,
И жажда, и хмельное утоление.
Он счастлив был. И вспыхнула гроза
Любви: «Я помню чудное мгновенье».

Две Анны. Два отбушевавших лета.
Что нам сейчас их святость иль грехи?!
И все-таки спасибо им за это
Святое вдохновение поэта,
За пламя, воплощенное в стихи!

На всей планете и во все века
Поэты тосковали и любили.
И сколько раз прекрасная рука
И ветер счастья даже вполглотка
Их к песенным вершинам возносили!

А если песни были не о них,
А о мечтах или родном приволье,
То все равно в них каждый звук и стих
Дышали этим счастьем или болью.

Ведь если вдруг бесстрастна голова,
Где взять поэту буревые силы?

И как найти звенящие слова,
Коль спит душа и сердце отлюбило?!

И к черту разговоры про грехи.
Тут речь о вспышках праздничного света.
Да здравствуют влюбленные поэты!
Да здравствуют прекрасные стихи!

1972

Цвета чувств

Имеют ли чувства какой-нибудь цвет,
Когда они в душах кипят и зреют?..
Не знаю, смешно это или нет,
Но часто мне кажется, что имеют.

Когда засмеются в душе подчас
Трели по-вешнему соловьиные,
От дружеской встречи, улыбок, фраз,
То чувства, наверно, пылают в нас
Небесного цвета: синие-синие.

А если вдруг ревность сощурит взгляд
Иль гнев опалит грозovým рассветом,
То чувства, наверно, в нас горят
Цветом пожара – багровым цветом.

Когда ж захлестнет тебя вдруг тоска,
Да так, что вздохнуть невозможно даже,
Тоска эта будет, как дым, горька,
А цветом черная, словно сажа.

Если же сердце хмельным-хмельно,
Счастье, какое ж оно, какое?
Мне кажется, счастье, как луч. Оно
Жаркое, солнечно-золотое.

Назвать даже попросту не берусь
Все их – от ласки до горьких встрясок.
Наверное, сколько на свете чувств,
Столько цветов на земле и красок.

Судьба моя! Нам ли с тобой не знать,
Что я под выюгами не шатаюсь.
Ты можешь любые мне чувства дать,
Я все их готов, не моргнув, принять
И даже черных не испугаюсь.

Но если ты даже и повелишь,
Одно, хоть убей, я отвергну!.. Это
Чувства крохотные, как мышь,
Ничтожно-серого цвета.

1972

В кафе

Рюмку коньячную поднимая
И многозначаше щуря взор,
Он вел «настоящий мужской разговор»,
Хмельных приятелей развлекая.

Речь его густо, как мед, текла
Вместе с хвастливым смешком и перцем.
О том, как, от страсти сгорев дотла,
Женщина сердце ему отдала,
Ну и не только, конечно, сердце...

– Постой, ну а как вообще она?.. —
Вопросы прыгали, словно жабы.
– Капризна? Опытна? Холодна?
В общих чертах опиши хотя бы!

Ах, если бы та, что от пылких встреч
Так глупо скатилась к нелепой связи,
Смогла бы услышать вот эту речь,
Где каждое слово грязнее грязи!

И если б представить она могла,
Что, словно раздетую до булавки,
Ее поставили у стола
Под взгляды, липкие, как пиявки.

Виновна? Наверно. И тем не менее
Неужто для подлости нет границ?!
Льется рассказ, и с веселых лиц
Не сходит довольное выражение.

Вдруг парень, читавший в углу газету,
Встал, не спеша подошел к столу,
Взял рассказчика за полу
И вынул из губ его сигарету.

Сказал: – А такому вот подлецу
Просто бы голову класть на плаху! —
И свистнул сплеча, со всего размаху
По злобно-испуганному лицу.

Навряд ли нужно искать причины,
Чтоб встать, не колеблясь, за чью-то честь.
И славно, что истинные мужчины
У нас, между прочим, пока что есть!

1972

Слово о любви

Любить – это прежде всего отдавать.
Любить – значит чувства свои, как реку,
С весенней щедростью расплескать
На радость близкому человеку.

Любить – это только глаза открыть
И сразу подумать еще с зарею:
Ну чем бы порадовать, одарить
Того, кого любишь ты всей душою?!

Любить – значит страстно вести бои
За верность и словом, и каждым взглядом,
Чтоб были сердца до конца свои
И в горе, и в радости вечно рядом.

А ждет ли любовь? Ну конечно, ждет!
И нежности ждет, и тепла, но только
Подсчетов бухгалтерских не ведет:
Отдано столько-то, взято столько.

Любовь не копилка в зашкафной мгле.
Песне не свойственно замыкаться.
Любить – это с радостью откликаться
На все хорошее на земле.

Любить – это видеть любой предмет,
Чувствуя рядом родную душу:
Вот книга – читал он ее или нет?
Вот груша – а как ему эта груша?

Пустяк? Отчего? Почему пустяк?!
Порой ведь и каплею жизнь спасают.
Любовь – это счастья вишневый стяг,
А в счастье пустячного не бывает!

Любовь – не сплошной фейерверк страстей,
Любовь – это верные в жизни руки.
Она не страшится ни черных дней,
Ни обольщений и ни разлуки.

Любить – значит истину защищать,
Даже восстав против всей вселенной.
Любить – это в горе уметь прощать
Все, кроме подлости и измены.

Любить – значит сколько угодно раз
С гордостью выдержать все лишения,
Но никогда, даже в смертный час,
Не соглашаться на униженья!

Любовь – не веселый бездумный бант
И не упреки, что быют под ребра.
Любить – это значит иметь талант,
Может быть, самый большой и добрый.

И к черту жалкие рассужденья,
Что чувства уйдут, как в песок вода.
Временны только лишь увлеченья.
Любовь же, как солнце, живет всегда!

И мне наплевать на циничный смех
Того, кому звездных высот не мерить.
Ведь эти стихи мои лишь для тех,
Кто сердцем способен любить и верить!

1973

Литературным недругам моим

Мне просто жаль вас, недруги мои.
Ведь сколько лет, здоровья не жалея,
Ведете вы с поэзией моею
Почти осатанелые бои.

Что ж, я вам верю: ревность – штука злая,
Когда она терзает и грызет,
Ни темной ночью спать вам не дает,
Ни днем работать, душу иссушая.

И вы шипите зло и раздраженно,
И в каждой фразе ненависти груз:
– Проклятье, как и по каким законам
Его стихи читают миллионы
И сколько тысяч знает наизусть!

И в ресторане, хлопнув по второй,
Друг друга вы щекочете спесиво:
– Асадов – чушь. Тут все несправедливо.
А кто талант – так это мы с тобой!..

Его успех на год, ну пусть на три,
А мода схлынет – мир его забудет.
Да, года три всего, и посмотри,
Такого даже имени не будет!

А чтобы те пророчества сбылись,
И тщетность их отлично понимая,
Вы за меня отчаянно взялись
И кучей дружно в одного впились,
Перевести дыханья не давая.

Орут, бранят, перебивают кости,
И часто непонятно, хоть убей,
Откуда столько зависти и злости
Порой бывает в душах у людей!

Но мчат года: уже не три, не пять,
А песни рвутся в бой и не сгибаются,
Смелей считайте: двадцать, двадцать пять,
А крылья – ввысь, и вам их не сломать,
А молодость живет и продолжается!

Нескромно? Нет, простите, весь свой век
Я был скромней апрельского рассвета,

Но если бьют порою, как кастетом,
Бьют, не стесняясь, и зимой и летом,
То может же взорваться человек!

Взорваться и сказать вам: посмотрите,
Ведь в залы же, как прежде, не попасть,
А в залах негде яблоку упасть.
Хотите вы того иль не хотите —
Не мне, а вам от ярости пропасть.

Но я живу не ради славы, нет,
А чтобы сделать жизнь еще красивей,
Кому-то сил придать в минуты бед,
Влить в чье-то сердце доброту и свет,
Кого-то сделать чуточку счастливей.

А если вдруг мой голос оборвется,
О, как вы страстно кинетесь тогда
Со мной еще отчаянней бороться,
Да вот торжествовать-то не придется,
Читатель ведь на ложь не поддается,
А то и адресует кой-куда...

Со всех концов, и это не секрет,
Как стаи птиц, ко мне несутся строки.
Сто тысяч писем – вот вам мой ответ!
Сто тысяч писем – светлых и высоких!

Не нравится? Вы морщитесь, кося?
Но ведь не я, а вы меня грызете.
А правду, ничего, переживете!
Вы – крепкие. И речь еще не вся.

А сколько в мире быть моим стихам,
Кому судить поэта и солдата?
Пушай не мне, зато уж и не вам!
Есть выше суд и чувствам, и словам.
Тот суд – народ! И заявляю вам,
Что вот в него-то я и верю свято!

Еще я верю (а ведь так и станется),
Что честной песни вам не погасить.
Когда от зла и дыма не останется,
Той песне, ей-же-богу, не состариться,
А только крепнуть, молодеть и жить!

1973

Самое прочное на Земле

Скала, подставляя под волны грудь,
Стоит, всем ветрам открыта.
А есть ли на свете хоть что-нибудь,
Что было б прочней гранита?

На это ответ был наукой дан
Еще из столетней дали:
– Крепче гранита – металл титан
И твердые марки стали.

А тверже? Не щурьте пыливо глаз,
Ответ ведь известен тоже:
– Прочнее, чем сталь и титан, – алмаз.
Пусть так. Ну а есть на земле у нас
Хоть что-то алмаза тверже?

Да, есть на земле вещество одно,
И тут ни при чем наука:
Всех крепче и было, и быть должно
Твердое слово друга!

1973

Дружеский совет

Когда ты решишься в любви открыться
Однажды и навсегда,
Возможно, вначале она смутится
И сразу не скажет: «Да».

Ну что же, не надо обид и вздохов!
Тут только не спорь и жди.
Смущение – это не так уж плохо,
Все главное – впереди!

И вряд ли всерьез что-то будет значить,
Когда на твои слова
Она вдруг потупится и заплачет
Иль даже сбежит сперва.

Ведь слезы такие звучат, наверно,
Как пение соловья.
Слезы, ей-богу, совсем не скверно,
Считай, что она – твоя!

А впрочем, бывает и невезенье,
Когда прозвучит ответ
На фразы, полные восхищенья,
Сурово и горько: «Нет!»

И все-таки, если не потеряться,
А снова идти вперед,
Если надеяться, добиваться,
Быть сильным и нежным, то, может статься,
Счастье еще придет.

Но, если ничто ее не встревожит
И с милою простотой
Она тебе дружбу свою предложит,
Вот тут даже Бог тебе не поможет,
Простись и ступай домой!

1973

Оценка любви

Он в гости меня приглашал вчера:
– Прошу по-соседски, не церемониться!
И кстати, я думаю, познакомиться
Вам с милой моею давно пора.

Не знаю, насколько она понравится,
Да я и не слишком ее хвалю.
Она не мыслитель и не красавица.
Такая, как сотни. Ничем не славится.
Но я, между прочим, ее люблю!

Умчался приветливый мой сосед,
А я вдруг подумал ему вослед:
Не знаю, насколько ты счастлив будешь,
Много ль протянется это лет
И что будет дальше. Но только нет,
Любить ты, пожалуй, ее не любишь...

Ведь если душа от любви хмельна,
То может ли вдруг человек счастливый
Хотя бы помыслить, что вот она
Не слишком-то, кажется, и умна,
И вроде не очень-то и красива.

Ну можно ли жарко мечтать о ней
И думать, что милая, может стать,
Ничем-то от сотен других людей
Не может, в сущности, отличаться?!

Нет, если ты любишь, то вся она,
Бесспорно же, самая романтическая,
Самая-самая необычная,
Ну словно из радости соткана.

И в синей дали, и в ненастной мгле
Горит она радугой горделивою,
Такая умная и красивая,
Что равных и нету ей на земле!

1973

О смысле жизни

– В чем смысл твоей жизни? – меня спросили.
– Где видишь ты счастье свое, скажи?
– В сраженьях, – ответил я, – против гнили
И в схватках, – добавил я, – против лжи!

По-моему, в каждом земном пороке,
Пусть так или сяк, но таится ложь.
Во всем, что бессовестно и жестоко,
Она непременно блестит, как нож.

Ведь все, от чего человек терзается,
Все подлости мира, как этажи,
Всегда пренахальнейше возвышаются
На общем фундаменте вечной лжи.

И в том я свое назначенье вижу,
Чтоб биться с ней каждым своим стихом,
Сражаясь с цинизма колючим льдом,
С предательством, наглостью, черным злом,
Со всем, что до ярости ненавижу!

Еще я хочу, чтоб моя строка
Могла б, отверзая тупые уши,
Стругать, как рубанком, сухие души
До жизни, до крохотного ростка!

Есть люди, что, веря в пустой туман,
Мечтают, чтоб счастье легко и весело
Подсело к ним рядом и ножки свесило:
Мол, вот я, бери и клади в карман!

Эх, знать бы им счастье совсем иное:
Когда, задохнувшись от высоты,
Ты людям вдруг сможешь отдать порою
Что-то взволнованное, такое,
В чем слиты и труд, и твои мечты.

Есть счастье еще и когда в пути
Ты сможешь в беду, как зимою в реку,
На выручку кинуться к человеку,
Подставить плечо ему и спасти.

И в том моя вера и жизнь моя.
И, в грохоте времени быстротечного,
Добавлю открыто и не тая,

Что счастлив еще в этом мире я
От женской любви и тепла сердечного...

Борясь, а не мудрствуя по-пустому,
Всю душу и сердце вложив в строку,
Я полон любви ко всему живому:
К солнцу, деревьям, к щенку любому,
К птице и к каждому лопуху!

Не веря ни злым и ни льстивым судьям,
Я верил всегда только в свой народ.
И, счастлив от мысли, что нужен людям,
Плевал на бураны и шел вперед.

От горя – к победам, сквозь все этапы!
А если летел с крутизны порой,
То падал, как барс, на четыре лапы
И снова вставал и кидался в бой.

Вот то, чем живу я и чем владею:
Люблю, ненавижу, борюсь, шучу.
А жить по-другому и не умею,
Да и, конечно же, не хочу!

1973

Итог

Да, вы со мною были нечестны.
Вы предали меня. И, может статься,
Не стоило бы долго разбираться,
Нужны вы мне теперь иль не нужны.

Нет, я не жажду никакой расплаты!
И, как ни жгут минувшего следы,
Будь предо мной вы только виноваты,
То это было б полбеда.

Но вы, с душой недоброю своей,
Всего скорее, даже не увидели,
Что вслед за мною ни за что обидели
Совсем для вас неведомых людей.

Всех тех, кому я после встречи с вами,
Как, может быть, они ни хороши,
Отвечу не сердечными словами,
А горьким недоверием души.

1973

Женский секрет

У женщин недолго живут секреты.
Что правда, то правда. Но есть секрет,
Где женщина тверже алмаза. Это:
Сколько женщине лет?!

Она охотней пройдет сквозь пламя
Иль ступит ногою на хрупкий лед,
Скорее в клетку войдет со львами,
Чем возраст свой правильно назовет.

И если задумал бы, может стать,ся,
Даже лукавейший Сатана
В возрасте женщины разобраться,
То плюнул и начал бы заикаться.
Картина была бы всегда одна:

В розовой юности между женщиной
И возрастом разных ее бумаг
Нет ни щелки, ни даже трещины.
Все одинаково, – шаг в шаг.

Затем происходит процесс такой
(Нет, нет же! Совсем без ее старания):
Вдруг появляется «отставание»,
Так сказать, «маленький разнобой».

Паспорт все так же идет вперед,
А женщину вроде вперед не тянет:
То на год от паспорта отстает,
А то переждет и на два отстанет...

И надо сказать, что в таком пути
Она все больше преуспевает.
И где-то годам уже к тридцати,
Смотришь, трех лет уже не найти,
Ну словно бы ветром их выметает.

И тут, конечно же, не поможет
С любыми цифрами разговор.
Самый дотошный ревизор
Умрет, а найти ничего не сможет!

А дальше ни сердце и ни рука
Совсем уж от скупости не страдают.
И вот годам уже к сорока

Целых пять лет, хохотнув слегка,
Загадочным образом исчезают...

Сорок! Таинственная черта.
Тут всякий обычный подсчет кончается,
Ибо какие б ни шли года,
Но только женщине никогда
Больше, чем сорок, не исполняется!

Пусть время куда-то вперед стремится
И паспорт, сутулясь, бредет во тьму,
Женщине все это ни к чему.
Женщине будет всегда «за тридцать».

И, веруя в вечный пожар весны,
Женщины в битвах не отступают.
«Техника» нынче вокруг такая,
Что ни морщинки, ни седины!

И я никакой не анкетой мерю
У женщин прожитые года.
Бумажки – сущая ерунда,
Я женской душе и поступкам верю.

Женщины долго еще хороши,
В то время как цифры бледнеют раньше.
Паспорт, конечно, намного старше,
Ибо у паспорта нет души.

А если вдруг кто-то, хотя б тайком,
Скажет, что может увянуть женщина,
Плюньте в глаза ему, дайте затрещину
И назовите клеветником!

1973

Кольца и руки

На правой руке золотое кольцо
Уверенно смотрит людям в лицо.
Пусть не всегда и счастливое,
Но все равно горделивое.

Кольцо это выше других колец
И тайных волнений чужих сердец.
Оно-то отнюдь не тайное,
А прочное, обручальное!

Чудо свершается и с рукой:
Рука будто стала совсем другой,
Отныне она спокойная,
Замужняя и достойная.

А если, пресытившись иногда,
Рука вдруг потянется «не туда»,
Ну что ж, горевать не стоит,
Кольцо от молвы прикроет.

Видать, для такой вот руки кольцо
К благам единственное крыльцо,
Ибо рука та правая
С ним и в неправде правая.

На левой руке золотое кольцо
Не так горделиво глядит в лицо.
Оно скорее печальное,
Как бывшее обручальное.

И женская грустная эта рука
Тиха, как заброшенная река:
Ни мелкая, ни многоводная,
Ни теплая, ни холодная.

Она ни наивна и ни хитра
И к людям излишне порой добра,
Особенно к «утешителям»,
Ласковым «навестителям».

А все, наверное, потому,
Что смотрит на жизнь свою, как на тьму.
Ей кажется, что без мужа
Судьбы не бывает хуже.

И жаждет она, как великих благ,
Чтоб кто-то решился на этот шаг,
И, чтобы кольцо по праву ей,
Сняв с левой, надеть на правую.

А суть-то, наверно, совсем не в том,
Гордиться печатью или кольцом,
А в том, чтоб союз сердечный
Пылал бы звездой вечной!

Вот именно: вечной любви союз!
Я слов возвышенных не боюсь.
Довольно нам, в самом деле,
Коптить где-то еле-еле!

Ведь только с любовью большой навек
Счастливым может быть человек,
А вовсе не ловко скованным
Зябликом окольцованным.

Пусть брак этот будет любим, любим:
С загсом, без загса ли, но таким,
Чтоб был он измен сильнее
И золота золотее!

И надо, чтоб руки под стук сердец
Ничуть не зависели от колец,
А в бурях, служа крылами,
Творили бы счастье сами.

А главное в том, чтоб, храня мечты,
Были б те руки всегда чисты
В любом абсолютно смысле
И зря ни на ком не висли!

1973

Статистика души

Подлец, что прикинулся человеком,
Сумел оболгать меня и надуть,
А мне говорят: – Наплевать, забудь!
Зло ведь живет на земле от века!

А мне говорят: – Не печалься, друг,
Пусть в горечи сердце твое не бьется,
На сотню хороших людей вокруг
Плохих и с десяток не наберется!

А, впрочем, тебя-то учить чего?! —
Все так, но если признаться строго,
То мне десяти негодяев много,
Мне лишку порою и одного...

И, если быть искренним до конца,
Статистика – слабый бальзам от жала.
Когда пострадаешь от подлеца,
То цифры, увы, помогают мало!

И все-таки сколько б теперь нашлось,
По данным, хороших людей и скверных?
Не знаю, как цифры, но я, наверно,
Ответил бы так на такой вопрос:

Все выкладки – это столбцы, и только.
Но, если доподлинный счет вести,
То скверных людей в этом мире столько,
И честных людей в этом мире столько,
Сколько ты встретишь их на пути!

1973

Веронике Тушновой и Александру Яшину

*Сто часов счастья,
чистейшего, без обмана...
Сто часов счастья!
Разве этого мало?*

В. Тушнова

Я не открою, право же, секрета,
Коль гляну в ваши трепетные дни.
Вы жили, как Ромео и Джульетта,
Хоть были вдвое старше, чем они.

Но разве же зазорна иль позорна
В усталом сердце брызнувшая новь?!
Любви и впрямь «все возрасты покорны»,
Когда придет действительно любовь!

Бывает так: спокойно, еле-еле
Живут, как дремлют в зиму и жару.
А вы избрали счастье. Вы не тлели,
Вы горячо и радостно горели,
Горели, словно хворост на ветру.

Пускай бормочет зависть, обозлясь,
И сплетня вслед камнями швыряет.
Вы шли вперед, ухабов не страшась,
Ведь незаконна в мире только грязь,
Любовь же «незаконной» не бывает!..

Дворец культуры. Отшумевший зал.
И вот мы трое, за крепчайшим чаем.
Усталые, смеемся и болтаем.
Что знал тогда я? Ничего не знал.

Но вслушивался с легким удивленьем,
Как ваши речи из обычных слов
Вдруг обретали новое значенье,
И все – от стен до звездного круженья —
Как будто говорило про любовь!

Да так оно, наверное, и было.
Но дни у счастья, в общем, коротки.
И, взмыв в зенит и исчерпав все силы,
Она, как птица, первой заплатила
За «сто часов» блаженства и тоски...

А в зимний вечер, может, годом позже
Нас с ним толкнул людской водоворот.
И, сквозь беседу, ну почти что кожей
Я чувствовал: о, как же непохожи
Два человека – нынешний и тот.

Всегда горячий, спорщик и боец,
Теперь, как в омут, погруженный в лихо,
Брел, как во сне, потерянный и тихий,
И в сердце вдруг, как пуля: «Не жилец!..»

Две книги рядом в комнатной тиши...
Как два плеча, прижатые друг к другу.
Две нежности, два сердца, две души,
И лишь любовь одна, как море ржи,
И смерть одна, от одного недуга...

Но что такое смерть или бессмертье?!
Пусть стали тайной и она и он,
И все же каждый верен и влюблен
И посейчас, и за чертою смерти!

Две книги рядом, полные тепла,
Где в жилах строк – упругое биенье.
Две книги рядом, будто два крыла,
Земной любви – живое продолженье.

Я жал вам руки дружески не раз,
Спеша куда-то в городском трезвоне,
И вашу боль, и бури ваших глаз —
Все ваше счастье, может, в первый раз,
Как самородок, взвесил на ладони.

И коль порой устану от худого,
От чьих-то сплетен или мелких слов,
Махну рукой и отвернусь сурово.
Но лишь о вас подумаю, как снова
Готов сражаться насмерть за любовь!

1973

«Ничья»

Зал. Напряженное ожиданье.
На сцене безмолвный суровый бой.
Склонились гроссмейстеры над доской.
Идет турнирное состязанье.

Игра все опаснее накаляется.
Вот тут-то бы драться и побеждать!
И вдруг перемирие предлагается.
Оно с удовольствием принимается,
Обоим не хочется рисковать.

Конечно, манера у всех своя,
Но как-то, увы, жидковато все же:
Сегодня ничья, и завтра ничья,
И послезавтра нередко тоже...

«Ничья» – безусловно же, это слово
Противно для подлинного бойца.
Бойцы даже в шквальном огне готовы
Бороться смело и до конца.

«Ничья» – это жить без особых бед,
Ничем себя сложным не озаботив.
«Ничья» – это, в общем, и «да» и «нет»,
«Ничья» – это вроде и «за» и «против».

Не знаю, важны ли вопросы эти,
А шахматы все же игра к тому ж.
Да слишком уж много на белом свете
Вот этих ничейно-несмелых душ!

В политике, в дружбе, любви, труде,
Где надо, не трусая, принять решение,
Ничейные души везде, везде
Ищут ничейного округленья.

Ну честное слово, вот так и кажется,
Что обтекаемая душа
Не ходит по жизни, а просто катится,
Как мячик, удобно и не спеша.

И хочется мне без дискуссий злых
Упрямо и радостно с разворота
Забить этот «мяч», словно гол в ворота,
И все! И уже никаких «ничьих»!

«Эх, жить бы мне долго-долго...»

Эх, жить бы мне долго-долго!
Но краток наш бранный век.
Увы, человек не Волга,
Не Каспий и не Казбек.

Когда-нибудь путь замкнется,
И вот на восходе дня
Город мой вдруг проснется
Впервые уже без меня.

И критик, всегда суровый
(Ведь может же быть вполне),
Возьмет да и скажет слово
Доброе обо мне.

И речи той жаркой градус
Прочтут и почуют люди.
Но я-то как же порадуюсь,
Если меня не будет?

И чем полахать на тризне,
Сердечных слов не жалея,
Скажите мне их при жизни,
Сейчас мне они нужнее!..

1974

«Нужные люди»

С грохотом мчится вперед эпоха,
Жаркое время – а ну держись!
Что хорошо в ней, а что в ней плохо?
Попробуй-ка вникни и разберись!

И я, как умею, понять пытаюсь.
Я жить по-готовому не привык.
Думаю, мучаюсь, разбираюсь
И все же порою встаю в тупик.

Ну что же действительно получается?!
Ведь бьется, волнуется жизнь сама!
А люди вдруг словно порою пятаются
От чувства к расчетливости ума.

Ну как мы о ближних всегда судили?
– Вот этот – добряга. А этот – злой.
А тот вон – ни рыба ни мясо, или
Бесцветный, ну попросту никакой!

Теперь же все чаще в наш четкий век
Является термин практично-модный.
И слышишь: не «добрый» иль, скажем, «подлый»,
А просто: «нужный вам человек».

И в гости, как правило, приглашаются
Не те, с кем близки вы и с кем дружны,
Не люди, что к вам бескорыстно тянутся,
А люди, которые вам «нужны».

Когда же в дом они не приходят
(Начальство, случается, любит шик),
Тогда их уже в рестораны водят
На рюмку, на музыку и шашлык.

Но этак же может и впрямь пригреться
Манера все чаще менять друзей
На «нужных», на «выгодных» нам людей,
Чужих абсолютно уму и сердцу.

Да разве же стоит любая туша,
Чтоб совесть пред нею валять в пыли?!
Нельзя, чтобы люди меняли душу
На всякие бизнесы и рубли!

И если самим не забить тревогу,
Идя вот таким «деловым» путем,
То мы ж оскотинимся, ей-же-богу!
Иль просто в двуличии пропадем!

И может быть, стоит себе сейчас
Сказать прямодушнее строгих судей,
Что самые нужные в мире люди
Лишь те, кто действительно любит нас!

1974

ВИНОВНИКИ

В час, когда мы ревнуем и обиды считаем,
То, забавное дело, кого мы корим?
Мы не столько любимых своих обвиняем,
Как ругаем соперников и соперниц браним.

Чем опасней соперники, тем бичуем их резче,
Чем дороже нам счастье, тем острее бои,
Потому что ругать их, наверное, легче,
А любимые ближе и к тому же свои.

Только разве соперники нам сердца опаляли
И в минуты свиданий к нам навстречу рвались?
Разве это соперники нас в любви уверяли
И когда-то нам в верности убежденно клялись?!

Настоящий алмаз даже сталь не разрубит.
Разве в силах у чувства кто-то выиграть бой?
Разве душу, которая нас действительно любит,
Может кто-нибудь запросто увести за собой?!

Видно, всем нам лукавить где-то чуточку свойственно
И соперников клясть то одних, то других,
А они виноваты, в общем, больше-то косвенно,
Основное же дело абсолютно не в них!

Чепуха – все соперницы или вздохи поклонников!
Не пора ли быть мудрыми, защищая любовь,
И метать наши молнии в настоящих виновников?!
Вот тогда и соперники не появятся вновь!

1974

О славе Родины

Нашим недругам

Сколько раз над моей страной
Била черным крылом война.
Но Россия всегда сильна,
Лишь крепчала от боя к бою!

Ну, а если ни злом, ни горем
Не сломить ее и не взять,
То нельзя ли в лукавом споре
Изнутри ее «ковырять»?

И решили: – Побольше наглости!
Для таких, кто на слякоть падки,
Подливайте фальшивой жалости,
Оглуляйте ее порядки.

Ну а главное, ну а главное
(Разве подлость не путь к успеху?!),
На святое ее и славное —
Больше яда и больше смеха!

Пусть глупцы надорвут животики,
Плюнув в лица себе же сами!
И ползут по стране ужами
Пошловатые анекдотики.

До чего же выходит здорово,
Не история, а игра:
Анекдотики про Суворова,
Про указы царя Петра.

Тарахтит суесловье праздное
И роняет с гнилым смешком
То о Пушкине штучки разные,
То скабрезы о Льве Толстом.

И, решив, что бывшее пройдено,
Нынче так уже разошлись,
Что дошли до героев Родины,
До Чапаева добрались.

Будто был боевой начдив,
Даже молвить-то странно, жаден.
Неразумен-то и нескладен,

И, смешнее того, – труслив.

Это он-то – храбрец и умница!
(Ах ты, подлый вороний грай!)
Это гордость-то революции!
Это светлый-то наш Чапай!

И не странно ль: о славе Родины
Не смолкает визгливый бред,
А о Фордах иль, скажем, Морганах
Анекдотов как будто нет...

Впрочем, сколько вы там ни воете
И ни ржете исподтишка,
Вы ж мизинца его не стоите,
Даже просто его плевка!

Что от вас на земле останется?
Даже пыли и то не будет!
А ему будут зори кланяться!
А его будут помнить люди!

И в грядущее, в мир просторный
Будет вечно, сражая зло,
Мчаться вихрем он в бурке черной
С острой шашкою наголо!

1974

Осенний разговор

Сентябрьских деревьев медь
Ничто уже не разбудит.
О том, чего нет и не будет,
Бессмысленно сожалеть.

А мы-то считали с вами,
Что стоит нам только встретиться,
Как тотчас же между нами
Чудо-огонь засветится.

Взлетит он задорно-ярко,
Холодную тьму дразня,
И будет нам жарко-жарко
Вдвоем у того огня.

Когда ж распахнутся сроки
И руку сожмет рука,
То разом нас будто токи
Пронижут наверняка.

Да, видно, в тумане где-то
Иная взошла звезда.
У счастья свои ответы,
И людям его секреты
Неведомы никогда.

Все было: закат и вечер,
И ласточек суетня,
Но не было в этой встрече
Ни тока и ни огня...

Смешно иногда случается:
Ты ждешь, что ударит свет,
А встреча не получается
И радости нет как нет.

И фразы звенят, как льдины,
И оба вы холодны,
Хоть нет никакой причины
И нету ничьей вины.

Но разве виновны люди,
Что вместе им не гореть.
О том, чего нет и не будет,
Бессмысленно сожалеть.

1974

Озорные строки

Не хочу никакого дела!
Даже вынуть газету лень...
До чего же вдруг надоело
Жить по правилам каждый день!

Те же радости, те же муки,
Те же хлопоты и труды,
Те же встречи, улыбки, руки...
Даже лещ, одурев от скуки,
В небо прыгает из воды.

Даже лошадь порой кидается
В удалой, сумасшедший бег,
Пес и тот с поводка срывается...
Я ж тем более – человек!

Пусть начетчик-сухарь всклокочется,
Укоряя или грозя.
Только жизнь не по кругу ж топчется,
И порой вдруг до злости хочется
Всех «не надо» и всех «нельзя»!

Завтра буду я вновь припаянным
К домоседской моей тиши,
Завтра буду ужасно правильным,
Хоть икону с меня пиши!

А сегодня – совсем иное,
А сейчас, на закате дня,
Все веселое, озорное
Сыплет искрами из меня!

Вон таксист прогудел отчаянный,
Не вернуть меня, не найти!
Удираю от жизни «правильной»
По «неправильному» пути!

1974

Разные мерки

Престранно устроена жизнь человечья:
Ведь только на дружбе земля стоит,
А мир разделяют противоречья,
А мир все сражается и бурлит.

Спорят ученья и спорят страны,
Спорят министры, перстом грозя,
Спорят влюбленные неустанно,
Спорят знакомые и друзья.

Спорят? Ну что же! «Во всяком споре
Рождается истина». Так считается.
Но только всегда ли она рождается
И все ли хотят ее? Вот в чем горе.

Обычно, на клин отвечая клином,
Никто и не думает уступать.
Но в чем же в конце-то концов причина
И как эту истину отыскать?

Мне кажется, суть не в накалах страстных.
Ну разве же истина враг страстям?!
А в разных оценках, в мерилах разных:
Побольше себе, а поменьше вам.

Разные мерки, разные мерки —
Речка и море, сумрак и свет.
Разные мерки, как разные дверки:
В одну ты проходишь, в другую — нет.

Возможно ли правды всерьез добиться,
На разных колесах катясь вперед?
Такая странная колесница
Будет упрямитесь и кружиться,
А прямо не двинется. Не пойдет.

Не так ли частенько и мы бесплодно
Ссоримся, требуем и кипим,
Но то, что себе разрешим охотно,
Другому и в мыслях не разрешим.

Другие же часто еще похлеще:
В то время, как с яростью нас корят,
Себе позволяют такие вещи,
Каких нам и в старости не простят!

Вот где, пожалуй, источник бед.
Трижды лукавые разные мерки.
Разные мерки, как разные дверки,
Где «да» – одному, а другому – «нет».

И чтоб не терзать себе души травмами,
Есть средство светлое, как салют:
Стоит лишь сделать все мерки равными,
И жить будем, честное слово, славно мы,
Все разногласия пропадут!

1974

Той, которая любит верно!

Я, наверное, так любил,
Что, скажите мне в эту пору,
Чтоб я гору плечом свалил, —
Я пошел бы, чтоб сдвинуть гору!

Я, наверное, так мечтал,
Что любой бы фантаст на свете,
Мучась завистью, прошептал:
– Не губи! У меня же дети...

И в тоске я сгорал такой,
Так в разлуке стремился к милой,
Что тоски бы моей с лихвой
На сто долгих разлук хватило.

И когда через даль дорог
Эта нежность меня сжигала,
Я спокойно сидеть не мог.
Даже писем мне было мало!

У полярников, на зимовке,
Раз, в груди ощутив накал,
Я стихи о ней написал.
Молодой, я и сам не знал,
Ловко вышло или не ловко?

Только дело не в том, наверно.
Я светился, как вешний стяг,
А стихи озаглавил так:
«Той, которая любит верно!»

Почему на земле бывает
Столько горького? Почему?
Вот живет человек, мечтает,
Вроде б радости достигает...
Вдруг – удар! И конец всему.

Почему, когда все поет,
Когда вот он я – возвратился! —
Черный слух, будто черный кот,
Прыгнув, в сердце мое вцепился.

Та же тропка сквозь сад вела,
По которой ко мне она бегала.
Было все: и она была,

И сирень, как всегда, цвела,
Только верности больше не было...

Каждый май прилетают скворцы.
Те, кто мучился, верно, знают,
Что, хотя остаются рубцы,
Раны все-таки зарастают.

И остался от тех годов
Только отзвук беды безмерной
Да горячие строки стихов:
«Той, которая любит верно!»

Я хотел их спалить в огне:
Верность женская – глупый бред!
Только вдруг показалось мне,
Будто кто-то мне крикнул: – Нет!

Не спеши! И взгляни пошире:
Пусть кому-то плевать на честь,
Только женская верность в мире
Все равно и была и есть!

И увидел я сотни глаз,
Заблестевших из дальней тьмы:
– Погоди! Ты забыл про нас.
А ведь есть на земле и мы!

Ах, какие у них глаза!
Скорбно-вдови и озорные,
Женски гордые, но такие,
Где все правда: и смех и слеза.

И девичьи, всегда лучистые —
То от счастья, то от тоски,
Очень светлые, очень чистые,
Словно горные родники.

И поверил я, и поверил!
– Подождите! – я говорю. —
Вам, кто любит, и всем, кто верен,
Я вот эти стихи дарю.

Пусть ты песня в чужой судьбе
И не встречу тебя, наверно.
Все равно. Эти строки тебе:
«Той, которая любит верно!»

1975

Круговорот природы

В природе смена вечна и быстра:
Лягушка поедает комара.

Гадюка тоже пообедать хочет,
Гадюка на лягушку зубы точит.

А где-то еж, отчаянный в бою,
Сурово точит зубы на змею.

Лисица, хитромудрая душа,
Сощурясь, точит зубы на ежа.

А волк голодный, плюнув на красу,
Порою точит зубы на лису.

Лишь люди могут жить и улыбаться,
Поскольку людям некого бояться.

Но, видимо, судьба и тут хохочет:
А люди друг на друга зубы точат!..

1975

О трескучей поэзии

Когда «модерняги» пишут стихи —
То всех оглушают бредовым криком,
А кто-то их слушает с умным ликом,
Мол, мы понимаем и мы не глухи.

Бедняги, ну что вы себя терзаете,
Как будто иной и дороги нет?!
Неужто вы что-нибудь потеряете,
Сказав, что бессмыслиц не понимаете,
Что вопли есть вопли, а бред есть бред?!

Что громкая, пестрая суесловность —
Как «голый король» для наивных глаз,
И что модерновость – давно не новость
И все это было уже сто раз!

Признайтесь, что сердца согреть не может
Набор из бахвальски-трескучих строк,
Что втайне вам в тысячу крат дороже
Есенин, Твардовский, Светлов и Блок.

И кто б ни грозил вам порой мечами,
Не бойтесь мнения своего.
Держитесь как львы. И увидите сами,
Не будет за это вам ничего!

1975

Позднее счастье

Хотя чудес немало у земли,
Но для меня такое просто внове,
Чтоб в октябре однажды в Подмоскowie
Вдруг яблони вторично зацвели!

Горя пунцово-дымчатым нарядом,
Любая роща – как заморский сад:
Весна и осень будто встали рядом,
Цветут цветы, и яблоки висят.

Весна и осень, солнце и дожди,
Точь-в-точь посланцы Севера и Юга.
Как будто ждут, столкнувшись, друг от друга
Уступчивого слова – проходи!

Склонив к воде душистые цветы,
В рассветных брызгах яблоня купается.
Она стоит и словно бы смущается
Нагрянувшей неожиданно красоты:

– Ну что это такое в самом деле!
Ведь не девчонка вроде бы давно,
А тут перед приходами метели
Вдруг расцвела. И глупо и смешно!

Но ветер крикнул: – Что за ерунда!
Неужто мало сделано тобою?!
При чем тут молода – немолода?
Сейчас ты хороша как никогда,
Так поживи красивою судьбою!

Взгляни, как жизнь порою отличает:
В пушисто-белом празднике цветов
Багряный жар пылающих плодов...
Такого даже молодость не знает!

Тебя терзали зной и холода,
Кому ж, скажи, еще и погордиться?!
Вглядись смелее в зеркало пруда,
Ну разве ты и вправду не царица?!

Так прочь сомненья! Это ни к чему.
Цвети и смейся звонко и беспечно!
Да, это – счастье! Радуйся ему.
Оно ведь, к сожалению, быстротечно...

1975

«Адам» и «Ева»

В сирени тонет подмосковный вечер,
Летят во тьму кометы поездов,
И к лунным бликам тянутся навстречу
Закинутые головы цветов.

Над крышами, сгущая синеву,
Торжественно горят тысячелетия...
Раскинув крылья, утомленный ветер
Планирует бесшумно на траву.

Ты рядом. Подожди, не уходи!
Ты и зима, и огненное лето!
А вдруг уже не будет впереди
Ни этих встреч, ни этого рассвета?!

Прости, я знаю, чушь и ерунда!
А впрочем, страхи и тебя терзают.
Ведь если что-то дорого бывает,
Везде и всюду чудится беда.

Но коль сердец и рук не разомкнуть,
Тогда долой все тучи и метели!
Эх, нам сейчас с тобой бы где-нибудь,
Обнявшись, прямо с палубы шагнуть
На землю, не обжитую доселе!

Но «шарик», к сожаленью, обитаем
И вдаль и вширь по сушам и морям.
Но мы – вдвоем и веры не теряем,
Что все равно когда-нибудь слетаем
К далеким и неведомым мирам.

И вот однажды, счастьем озаренные,
Мы выйдем на безвестный космодром,
И будем там мы первыми влюбленными
И первый факел радостно зажжем.

Пошлем сигнал в далекое отечество
И выпьем чашу в предрассветной мгле.
Затем от нас начнется человечество,
Как от Адама с Евой на Земле...

Адам и Ева – жизнь наверняка:
На сотни верст – ни споров, ни измены...
Горят, пылают всполохи вселенной...

Все это так и будет. А пока:

В сирени тонет подмосковный вечер,
Летят во тьму кометы поездов,
И к лунным бликам тянутся навстречу
Закинутые головы цветов.

Пропел щегол над придорожной ивой,
Струится с веток сумрак с тишиной...
А на скамейке, тихий и счастливый,
«Адам» целует «Еву» под луной.

1975

Электрокардиограмма

Профессор прослушал меня и сказал:
– Сердчишко пошаливает упрямо.
Дайте, сестрица, мне кардиограмму,
Посмотрим-ка, что он напереживал.

Маленький белый рулон бумаги,
А в нем отражен твой нелегкий путь.
Зубчики, линии и зигзаги —
Полно, профессор, да в них ли суть?!

Ведь это всего только телеграмма,
Но телеграммы всегда сухи.
А настоящая «сердцеограмма»,
Где все: и надежда, и смех, и драма,
Вот она — это мои стихи!

Откройте любую у них страницу —
И жизнь моя сразу к лицу лицом:
Вот эта военной грозой дымится,
А та сражается с подлецом.

Другие страницы — другие войны:
За правду без страха и за любовь.
Ну мог ли, профессор, я жить спокойно,
Как говорится, «не портя кровь»?

И разве же сердцу досталось мало,
Коль часто, горя на предельной точке,
Из боли и счастья оно выплавляло
Все эти строчки, все эти строчки.

Итак, чтоб длиннее была дорога,
Отныне — ни споров, ни бурных встреч.
Работать я должен не слишком много,
Следить за режимом умно и строго,
Короче, здоровье свое беречь.

Спасибо, профессор, вам за внимание!
Здоровье, конечно же, не пустяк.
Я выполню все ваши указания.
Куренью — конец, говорю заранее.
А жить вот спокойно... увы, никак!

Ну как оставаться неуязвимым,
Столкнувшись с коварством иль прочим злом?

А встретившись где-нибудь с подлецом,
Возможно ль пройти равнодушно мимо?!

Любовь же в душе моей, как всегда,
Будет гореть до скончания века.
Ведь если лишить любви человека,
То он превратится в кусочек льда.

Волненья? Пусть так! Для чего сердиться?
Какой же боец без борьбы здоров?!
Ведь не могу ж я иным родиться!
А если вдруг что-то со мной случится,
То вот они – книги моих стихов!

Где строчка любого стихотворенья,
Не мысля и дня просидеть в тиши,
Является трассой сердцебиенья
И отзвуком песни моей души!

1975

Две красоты

Хоть мать-судьба и не сидит без дела,
Но идеалы скупко созидает,
И красота души с красивым телом
Довольно редко в людях совпадает.

Две высоты, и обе хороши.
Вручить бы им по равному венцу!
Однако часто красота души
Завидует красивому лицу.

Не слишком-то приятное признание,
А все же что нам истину скрывать?!
Ведь это чувство, надобно сказать,
Не лишено, пожалуй, оснований.

Ведь большинство едва ль не до конца
Престранной «близорукостью» страдает.
Прекрасно видя красоту лица,
Душевной красоты не замечает.

А и заметит, так опять не сразу,
А лишь тогда, смущаясь, разглядит,
Когда все то, что мило было глазу,
Порядочно и крепко насолит.

А может быть, еще и потому,
Что постепенно, медленно, с годами,
Две красоты, как женщины в дому,
Вдруг словно бы меняются ролями.

Стареет внешность: яркие черты
Стирает время властно и жестоко,
Тогда как у духовной красоты
Нет ни морщин, ни возраста, ни срока.

И сквозь туман, как звездочка в тиши,
Она горит и вечно улыбается.
И кто откроет красоту души,
Тот, честное же слово, не закается!

Ведь озарен красивою душой,
И сам он вечным расплеснется маем!
Вот жаль, что эту истину порой
Мы все же слишком поздно понимаем.

1975

«Доброе царство»

Мальчишкой, встречая порой коварство
Или на щедрость в ответ – гроши,
Я уходил в «Голубое царство»,
В «Доброе царство» моей души.

Мысленно вверх по крылатой лесенке
Шел я, волшебный пароль храня,
И пели ступеньки мне тихо песенки
И дружно приветствовали меня.

И стоило с гулко стучащим сердцем
Сказать мне таинственные слова,
Как, смотришь, уже распахнутся дверцы
И, словно хрусталь, зазвенит листва.

Беды здесь словно бы растворяются.
Ведь тут, в этом царстве мечты и снов,
Любые желания исполняются
В мгновение ока, без лишних слов.

Тут можно любые зажечь рассветы,
Вдохнуть потрясающий аромат,
Увидеть природу синего цвета,
Желтого цвета, алого цвета,
Сразу шагнуть и в мороз, и в лето,
И в завтра, и в тысячу лет назад.

Мне тут даже в мыслях не станут лгать,
А каждая умница и красавица
Здесь так безотчетно в меня влюбляется,
Что рада б и жизнь за меня отдать.

И, наделенный особой властью,
Я всюду попавших в беду людей
Мгновенно спасаю от всех несчастий,
От всяческих хворостей и смертей.

Лишь к подлости я доброты не знаю.
И вот сокрушающей силой слов
Я с гневной радостью истребляю
Всех в мире мерзавцев и подлецов!

Здесь я – счастливейший из живых!
И мне не бывать ни больным, ни старым.
И все богатства земного шара

Покорно лежат возле ног моих!

Детство окончилось, отмечталось...
Мчались года с быстротой стрижей,
И вот, к удивлению, оказалось,
Что «Доброе царство» не потерялось,
А стало лишь строже да чуть мудрей.

Сражаюсь я, радуюсь, ненавижу,
А если устану, спрошу: «К чему?!»
И взмою в то «царство», как дрозд на крышу,
Где все, что захочется, вновь увижу
И все, что мне дорого, обниму...

Ведь как нам порою ни улыбается
Удача, признаемся без труда,
Так уж у каждого получается,
Что где-то одни вдруг мечты сбываются,
Другим не исполниться никогда.

Поэтому сколько бы, как ручей,
Ни мчался ты с песней в большую реку,
Без этого «царства» души своей
Нельзя, наверное, человеку!

1975

Нытики и зануды

Ненавижу я всяких зануд и нытиков,
Отравляющих радость за годом год,
Раздраженно-плаксивых и вечных критиков
Наших самых ничтожных порой невзгод!

Люди строят завод, корпуса вздымают,
Люди верят сквозь трудности в свой успех.
А зануда не верит. Он больше знает.
А зануда зарплату и жизнь ругает.
А зануда скулит и терзает всех.

Как досадно бывает подчас в дороге,
Где шагают ребята в жару и стынь!
Все устали, и все натрудили ноги,
А бранится и стонет за всех один.

Он скрипит, он по ниточкам тянет нервы:
Жмет ботинок... Когда же мы отдохнем?
И рюкзак-то тяжел, и не те консервы,
Да и тем ли идем вообще путем?!

И с такой он душой о себе хлопочет,
Будто жизнью иною, чем все, живет:
Есть и пить только он ведь один и хочет
И один только в мире и устает.

Да, один устает и один страдает,
Всюду самый хороший порыв губя.
Лишь одно его в жизни не утомляет —
Это страстно любить самого себя.

Ну скажите на милость: когда, зачем
Кто-то выдумал нытика и зануду?
Ведь они, будто ржавчина, есть повсюду,
Пусть немного, а жизнь отравляют всем.

И неплохо б их ласково попросить:
— Да ступайте вы, право, к родимой маме!
Не скулите! Не путайтесь под ногами!
Не мешайте всем людям хорошим жить!

1975

«Ах, как же я в детстве любил поезда...»

Ах, как же я в детстве любил поезда,
Таинственно-праздничные, зеленые,
Веселые, шумные, запыленные,
Спешащие вечно туда-сюда!..

Взрослые странны порой бывают.
Они по возможности (вот смешно!)
Верхние полки не занимают,
Откуда так славно смотреть в окно.

Не любят, увы, просыпаться рано,
Не выскочат где-то за пирожком
И не летают, как обезьяны,
С полки на полку одним прыжком.

В скучнейших беседах отводят души,
Ворчат и журят тебя всякий час
И чуть ли не в страхе глядят на груши,
На воблу, на семечки и на квас.

О, как же я в детстве любил поезда
За смех, за особенный чай в стакане,
За то, что в квадрате окна всегда
Прносятся кадры, как на экране.

За рокот колес, что в ночную пору
Баюкают ласковой соловья,
За скорость, что парусом горбит штору,
За все неизведанные края.

Любил за тоску на глухом полустанке:
Шлагбаум, два домика под дождем,
Девчонка худенькая с ведром,
Небо, хмурое спозаранку.

Сток сена, проселок в лесной глуши...
И вдруг как-то сладко вздохнешь всей грудью,
С наивною грустью, но от души:
Неужто же вечно живут здесь люди?!

Любил поезда я за непокой,
За вспышки радости и прощанья,
За трепет вечного ожидания
И словно крылья бы за спиной!

Но годы мелькнули быстрее, чем шпалы,
И сердце, как прежде, чудес не ждет.
Не то поездов уже тех не стало,
Не то это я уж теперь не тот...

Но те волшебные поезда
Умчались. И, кажется, навсегда.

1975

«Распростилась, и все. Никаких вестей...»

Распростилась, и все. Никаких вестей!
Вдруг ушла и оставила мне тоску.
И она, будто волк, у моих дверей
Смотрит в небо и воет все «у-у» да «у-у-у».

Кто наивен и сразу навек влюблен,
Стал бы, мучась, наверное, подвывать.
Я ж в людских ненадежностях закален.
И меня, вероятно, непросто взять.

Нет, тоска, не стремись застудить мечту!
И чтоб ты не копалась в моей судьбе,
Я веселые строки тебе прочту
И само озорство пропою тебе.

Ты смутишься, ты хвост трусовато спрячешь
И отпрыгнешь, сердясь, от моих дверей.
Нет, со мной ты уже никогда не сладишь.
Отправляйся-ка лучше обратно к ней!

Ведь она ж безнадежно убеждена
В том, что ей абсолютно и все простится
И что, как ни держала б себя она,
Я – при ней. И всегда приползу мириться.

И теперь вот, когда, торжество тая,
Будет ждать она гордо подобной встречи,
Все случится не так: а приду не я,
А придет к ней тоска в одинокий вечер.

И уж ей-то тоски не сумеешь пресечь.
Гневно встанет и вдруг, не сдержавшись,
всхлипнет.

Что ж, не зря говорят: «Кто поднимет меч,
Тот потом от меча от того и погибнет!»

1975

Старый «газик»

Вокруг поляны в песенном разливе
Как новенький стоит березнячок.
А в стороне, под липой, говорливо
Тугой струей играет родничок.

Гудят шмели над заревом соцветий...
И в эту радость, аромат и зной,
Свернув с шоссе, однажды на рассвете
Ворвался пыльный «газик» городской.

Промчался между пней по землянике,
В цветочном море с визгом тормознул
И пряный запах мяты и гвоздики
Горячим радиатором втянул.

Почти без воскресений, год за годом,
Дитя индустриального труда,
Мотался он меж складом и заводом,
А на природе не был никогда.

И вот в березах, будто в белом зале,
Стоял он, ошарашенный слегка,
Покуда люди с шумом выгружали
Припасы и котел для пикника.

Кидали птицы трели отовсюду,
Вели гвоздики алый хоровод,
И бабочка, прекрасная, как чудо,
Доверчиво садилась на капот.

Усталый «газик» вряд ли разобрался,
Что в первый раз столкнулся с красотой.
Он лишь стоял и молча улыбался
Доверчивой железною душой.

Звенели в роще песни над костром,
Сушились на кустарнике рубашки,
А «газик», сунув голову в ромашки,
Восторженно дремал под ветерком.

Густеет вечер, вянет разговор.
Пора домой! Распахнута кабина.
Шофер привычно давит на стартер,
Но все зазя: безмолвствует машина.

Уж больше часа коллектив взволнованный
Склоняется над техникой своей.
Однако «газик», словно заколдованный,
Молчит, и все. И никаких гвоздей!

Но, размахавшись гаечным ключом,
Водитель зря механику порочит.
Ведь он, увы, не ведает о том,
Что старый «газик» просто нипочем
Из этой сказки уезжать не хочет!

1975

О романтике

Многоцветно и радостно слово – романтика.
В нем звенит что-то древнеантичное: антика,
И солидный роман уместается в нем,
И хохочет веселое слово – ром.

Кто же должен романтиком в мире зваться?
Да скорее всего, вероятно, тот,
Кто способен воистину удивляться
Блеску речки, рассвету, цветам акаций,
Где другой не оглянется и пройдет.

Кто умеет (и это ему не лень),
Улыбнувшись, извлечь вдруг из сердца краски
И раскрасить вам будни в такие сказки,
Что становится праздником серый день.

Кто до смертного дня убежденно верит
В души звезд или дерева вздох живой,
Кто богатство не золотом в мире мерит,
А улыбками, нежностью, добротой.

И не сложит романтика крыл тугих
Хоть в огне, хоть бы даже у черта в пасти,
Ведь она – достояние молодых,
Ведь она – удивительный ключ от счастья!

Юность – славная штука! Да вот беда,
Говорят, она слишком уж быстротечна.
Пустяки! Кто романтиком стал навечно,
Тот уже не состарится никогда!

1975

Двадцатый век

Ревет в турбинах мощь былинных рек,
Ракеты, кванты, электромышление...
Вокруг меня гудит двадцатый век,
В груди моей стучит его биенье.

И, если я понадобится потом
Кому-то вдруг на миг или навеки,
Меня ищите не в каком ином,
А пусть в нелегком, пусть в пороховом,
Но именно в моем двадцатом веке.

Ведь он, мой век, и радио открыл,
И в космос взмыл быстрее ураганов,
Кино придумал, атом расщепил
И засветил глаза телеэкранов.

Он видел и свободу и лишения,
Свалил фашизм в пожаре грозовом.
И верю я, что именно о нем
Потомки наши вспомнят с уважением.

За этот век, за то, чтоб день его
Все ярче и добрее разгорался,
Я не жалел на свете ничего
И даже перед смертью не сгибался!

И, горячо шагая по планете,
Я полон дружбы к веку моему.
Ведь как-никак назначено ему,
Вот именно, и больше никому,
Второе завершить тысячелетье.

Имеет в жизни каждый человек
И адрес свой, и временные даты.
Даны судьбой и мне координаты:
«СССР. Москва. Двадцатый век».

И мне иного адреса не надо.
Не знаю, как и много ль я свершил?
Но если я хоть что-то заслужил,
То вот чего б я пожелал в награду:

Я честно жил всегда на белом свете,
Так разреши, судьба, мне дошагать
До новогодней смены двух столетий,

Да что столетий – двух тысячелетий,
И тот рассвет торжественный обнять!

Я представляю, как все это будет:
Салют в пять солнц, как огненный венец,
Пять миллионов грохнувших орудий
И пять миллиардов вспыхнувших сердец!

Судьба моя, пускай дороги круты,
Не обрывай досрочно этот путь.
Позволь мне ветра звездного глотнуть
И чрез границу руку протянуть
Из века в век хотя бы на минуту!

И в тишине услышать самому
Грядущей эры поступь на рассвете,
И стиснуть руку дружески ему —
Веселому потомку моему,
Что будет жить в ином тысячелетье.

А если все же мне не суждено
Шагнуть на эту сказочную кромку,
Ну что ж, я песней постучусь в окно.
Пусть эти строки будут все равно
Моим рукопожатием потомку!

1976

Именем совести

Какие б ни грозили горести
И где бы ни ждала беда,
Не поступайся только совестью
Ни днем, ни ночью – никогда!

И сколько б ни манила праздными
Судьба тропинками в пути,
Как ни дарила бы соблазнами —
Взгляни на все глазами ясными
И через совесть пропусти.

Ведь каждый, ну буквально каждый,
Коль жить пытался похитрей,
Встречался в жизни не однажды
С укором совести своей.

В любви для ласкового взгляда
Порой так хочется солгать,
А совесть морщится: – Не надо!
А совесть требует молчать.

А что сказать, когда ты видишь,
Как губят друга твоего?!
Ты все последствия предвидишь,
Но не предпримешь ничего.

Ты ищешь втайне оправданья,
Причины, веские слова,
А совесть злится до отчаянья:
– Не трусь, куда я жива!

Живет она и в час, когда ты,
Решив познать иную новь,
Бездумно или виновато,
Как пса бездомного куда-то,
За двери выставишь любовь.

Никто тебе не помешает,
И всех уверишь, убедишь,
А совесть глаз не опускает,
Она упрямо уличает
И шепчет: – Подлое творишь!

Стоит она перед тобою
И в час, когда, войдя во вкус,

Ты вдруг задумаешь порою
Урвать не самый честный кус.

Вперед! Бери и не робей!
Ведь нет свидетельского взгляда.
А совесть сердится: – Не надо! —
А совесть требует: – Не смей!

Мы вправе жить не по приказу
И выбирать свои пути,
Но против совести ни разу,
Вот тут, хоть режьте, скажем сразу:
Нельзя, товарищи, идти!

Нельзя ни в радости, ни в горести,
Ни в зной и ни в колючий снег.
Ведь человек с погибшей совестью
Уже никто. Не человек!

1976

Воспоминания

Годы бегут по траве и по снегу,
Словно по вечному расписанию,
И только одно не подвластно их бегу:
Наши воспоминания.

И в детство, и в юность, и в зной, и в заметь
По первому знаку из мрака темени,
Ко всем нашим датам домчит нас память,
Быстрее, чем любая машина времени.

Что хочешь – пожалуйста, воскрешай!
И сразу же дни, что давно незримы,
Как станции, словно промчатся мимо,
Ну где только вздумаешь – вылезай.

И есть ли на свете иное средство
Вернуть вдруг веснушчатый твой рассвет,
Чтоб взять и шагнуть тебе снова в детство,
В каких-нибудь шесть или восемь лет?!

И друг, кого, может, и нет на свете,
Восторженным смехом звеня своим,
Кивком на речушку: – А ну, бежим! —
И мчитесь вы к счастью. Вы снова дети!

А вот полуночный упругий свет,
Что жжет тебя, радуясь и ликуя,
Молодость... Первые поцелуи...
Бери же, как россыпь их золотую,
Щедрее, чем память, – богатства нет!

А жизнь – это песни и дни печали.
И так уж устроены, видно, мы,
Что радости нами освещены,
Чтоб мы их случайно не пролетали.

А грустные даты и неприятности
Мы мраком закрыли, как маскировкой,
Чтоб меньше было бы вероятностей
Ненужную сделать вдруг остановку.

Но станции счастья (к чему скрывать?)
Значительно реже плохих и серых.
Вот почему мы их выше меры
Стараемся празднично озарять.

Шагая и в зное, и в снежной мгле,
Встречали мы всякие испытания,
И, если б не наши воспоминания,
Как бедно бы жили мы на земле!

Но ты вдруг спросила: – А как же я? —
И в голосе нотки холодной меди.—
Какие же мне ты отвел края?
И где я: на станции или разъезде?

Не надо, не хмурь огорченно бровь
И не смотри потемневшим взглядом.
Ведь ты же не станция. Ты – Любовь.
А значит, все время со мною рядом!

Декабрь 1976 г.

Звезды живут, как люди

Ну как мы о звездах судим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.